

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ВСѢХЪ.

1906

ГОДЪ XI.   № 4   АПРѢЛЬ

ЦѢНА ВЪ ГОДЪ ОДИНЪ РУБЛЬ СЪ ПЕРЕС.
ЗА ГРАНИЦУ—ДВА РУБЛЯ.
КОНТОРА И РЕДАКЦІЯ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
ЛИГОВСКАЯ УЛ., 21, УГОЛЬ УЛ. ЖУКОВСКАГО.

Адресъ редакція и конторы: С.-Петербургъ, Лиговская
улица, 21, уголъ улицы Жуковскаго.

Пріемъ подписки и объявленій — съ улицы Жуковскаго, 63.

Продолжается подписка на 1906-й годъ.

Цѣна ОДННГЪ рубль въ годъ съ пересылкой.

За границу ДВА рубля.

За перемѣну адреса уплачивается 14 коп.

При сообщеніи новаго адреса просятъ гг. подписчиковъ высылать прежній печатный адресъ съ бандероли. Безъ указанія прежняго адреса перемѣна не можетъ быть сдѣлана.

Перемѣна должна быть получена въ конторѣ не позже 20-го числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшій № журнала былъ направленъ по новому адресу. О каждой новой перемѣнѣ просятъ сообщать отдѣльно.

Подписная плата почтовыми и гербовыми марками не принимается.

Наложеннымъ платежомъ журналъ не высылается.

Въ конторѣ имѣется журналъ за 1899 г., 1900 г. и 1903 г.

Цѣна каждаго годового экземпляра 1 р. 50 к. съ пересылкой.

СОДЕРЖАНІЕ.

В. Волькенштейнъ. Стих. „Растетъ завѣтная борьба“...

И. Гурвичъ. Стих. „О сердце, что съ тобой?..“

К. Бальмонтъ. Стих. Великій день.

Н. Крандіевская. Стих. Колыбельная пѣсня.

Л. Зилонъ. Стих. Пушкинъ.

И. Бунинъ. Стих. Чужая. — Новый годъ.

М. Пожарова. Стих. У пасхальной заутрени.

В. Ивановъ. Стих. „Все, чѣмъ жадно жило ты“...

Л. Андрусонъ. Стих. „Старыя тюрьмы разрушили мы“...

Кн. А. Звенигородскій. Стих. Часовня.

С. Свириденко. Стих. Памяти бойца.

А. Истомина. Разск. Мгла.

С. Юшкевичъ. Разск. Три кладбища.

Н. Тимковскій. Разск. Передъ судомъ.

Б. Зайцевъ. Разск. Заводъ.

Е. Ключарева. Разск. Дѣти.

Д. Сатуринъ. Исторія одной стачки. Изъ жизни англійскихъ рабочихъ.

В. Семевскій. Пожалованія населенныхъ имѣній въ царствованіе Екатерины II. Очеркъ изъ исторіи частной земельной собственности въ Россіи.

М. Энгельгардтъ. Правительственный терроръ.

В. Муриновъ. Великое торжище.

Библиографія. В. А. Мякотинъ. Надо ли идти въ Государственную Думу? П. Орловскій. Государственная Дума и рабочий классъ. С. Загъ. Государственная Дума, ея устройство, компетенція и составъ. — А. А. Лукашевичъ. Наши враги. — Сборникъ программъ политическихъ партій въ Россіи. Программы политическихъ партій. — О крестьянскомъ союзѣ. Нужно отказываться. Постановленія съѣздовъ крестьянскаго союза. Протоколъ перваго сѣвернаго областного съѣзда всероссійскаго крестьянскаго союза. — Г. Ф. Шершеневичъ. Народные представители. — Н. Е. Кудринъ. Какъ организовать выборы. — Б. Радинъ. Какое избирательное право нужно рабочему классу. — А. Бобель. Соціалъ-демократія и всеобщее избирательное право. — К. Кауцкій. Непосредственное народное законодательство и классовая борьба. — Ф. Д. Правильное производство выборовъ. Б. Радинъ. Политическія партіи и формы государственнаго строя. — Б. Радинъ. Государственное устройство во Франціи. — В. В. Хижниковъ. Начатки политическихъ знаній. — А. Т. Бокурцевъ (А. Нѣдровъ). Какъ выбирать народныхъ представителей.

При этомъ №-рѣ разсылаются по трактатамъ — 21, 23, 24, 25, 26, 28, 30, 31, 32 и 34 переводный бланкъ для подписки на „Журналъ для всѣхъ“, 1906 г. Редакція проситъ подписчиковъ распространять этотъ бланкъ среди своихъ знакомыхъ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

Журналъ для всѣхъ.

вл. волькенштейнъ.

Растетъ завѣтная борьба.
И въ вихрѣ гнѣвнаго смятенья
Ужъ нѣтъ для насъ отдохновенья:
Ужъ къ смерти насъ влечетъ судьба.
И ужасъ и восторгъ слились...
И въ чувствахъ сумрачно-волшебныхъ,
На рубежѣ временъ враждебныхъ,
Мы изступленью предались.
О наша сила роковая!
Среди неслыханныхъ побѣдъ
Уже мы гибнемъ, возглашая
Величїе грядущихъ лѣтъ!..
Толпой мятущихся видѣній
Изчезнемъ, обольстивъ сердца
Порывомъ вѣщихъ дерзновеній
И тайной гордаго конца.

илья гурвичъ.

О сердце, что съ тобой? Ужели въ эти дни,
Когда растутъ, растутъ по родинѣ
кладбища
И доблестныхъ борцовъ послѣднїя жилища,
Куда ни кинешь взоръ, чернѣютъ, словно
пни;
Когда рыданья женъ, сиротъ безумный
плачь
И вопли матерей окутали полміра,
Звучать проклятія, и точится сѣкира,
И улыбаются торжественно палачъ;
Когда, соединясь въ безчисленную рать,
Жнецъ, бросившій косу, рыбакъ, порвавшій
сѣти,
Старикъ, и юноша, и женщины, и дѣти
Идутъ безропотно за волю умирать,—
О сердце, неужель и въ эти дни тобой
Желанїе любви и счастья овладѣло,
И неотложное ты позабыло дѣло,
Забыло, что вокругъ кипитъ кровавый бой?
Ужель переросла любви случайной власть
И думы гордая, и гордая стремленье,
И ненависть къ врагу, и муки озлобленье,
И рабства душный гнетъ, и боевую страсть?
Ужель, скажи скорѣй, ужель?
О нѣтъ... о да...
Какъ больно, тяжело... Плынуть, плы-
вуть года...

к. вальмонтъ.

ВЕЛИКІЙ ДЕНЬ.

Великимъ днемъ зовутъ въ Россіи Малой,
Которая красивѣе Большой,
Тотъ день, когда надъ Смертью запоздалой,
Умершей, звонъ гудитъ волною алой,
Малиновый, бросаемый Душой...
Великій День Любви и Воскресенья,
Весенней теплотою насъ одѣнь.
Кровь пролилась. И жертва искупленья
Принесена. Сомкнемтесь же, какъ звенья,
Да создадимъ для всѣхъ Великій день.

н. крапивская.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

ВОВИШЪ АЛЕКСѢЕВУ

Елки, елки, не шумите зеленые:
Нашъ мальчикъ закрылъ глазки сонные,
У нашего мальчика глазки синіе,
Головка бѣлѣй мохнатого инея.
Нашъ мальчикъ съ утра до вечера цѣлаго
Изъ снѣга строилъ дѣдушку бѣлаго.
Нашъ мальчикъ усталъ, наработался
въ волюшку...
Не кричите, вороны, разлетайтесь
по полюшку,
Улетайте, вороны, въ перелѣски черные,
Надъ озябшей березкой кружитесь, за-
дорныя.
Вы останьтесь съ мальчикомъ, звѣзды
зеленые:
Зашепчите мальчику глазки сонные,
Заколдуйте мальчику головку усталую,
На разсвѣтѣ зажгите зорюшку алую!

левъ зильовъ.

ПУШКА.

Онъ хотѣлъ дойти до тети,
Ей похвастаться игрушкой.
Видитъ—правдашный солдатикъ
Съ настоящей черной пушкой.
Подбѣжалъ онъ, крикнулъ: „Дядя!
Какъ ее ты зажигаешь?
Ты привезъ ее нарочно,
Или маленькихъ пугаешь?..“

Не видали вы ребенка
Въ бѣлой шапкѣ, съ погремушкой?..
Онъ хотѣлъ дойти до тети,
Ей похвастаться игрушкой!

иванъ вунинъ.

чужая.

Ты чужая, но любишь,
Любишь только меня.
Ты меня не забудешь
До послѣдняго дня.

Ты покорно и скромно
Шла за нимъ отъ вѣнца,
Но лицо ты склонила—
Онъ не видѣлъ лица.

Ты съ нимъ женщиной стала,
Но не дѣвушка ль ты?
Сколько въ каждомъ движенъи
Простоты, красоты!

Будутъ снова измѣны...
Но одинъ только разъ
Такъ застѣнчиво свѣтитъ
Нѣжность любящихъ глазъ.

Ты и скрыть не умѣешь,
Что ему ты чужда...
Ты меня не забудешь
Никогда, никогда!

новый годъ.

Ночь прошла за шумной встрѣчей года...
Сколько сладкой муки! Сколько разъ
Я ловилъ, сквозь блескъ огней и говоръ,
Быстрый взглядъ твоихъ влюбленныхъ
глазъ!

Вышли мы, когда уже свѣтало
И въ церквахъ ужъ теплились огни...
О, какъ мы любили! Какъ томились!
Но и здѣсь мы были не одни.
Молча шла ты объ руку со мною
По срединѣ улицъ. Городокъ
Точно вымеръ. Мягко вѣялъ влажный
Тающаго снѣга холодокъ.
И хотѣлось только ласки, ласки...
И не разъ склонялася тайкомъ
Къ моему плечу твоя головка
Подъ прозрачнымъ газовымъ платкомъ.
Какъ фата, былъ на прическу кинуть
Этотъ легкій бѣлый газъ, и ты
Въ немъ была похожа на мадонну,
На невѣсту, на мои мечты...
Но подъѣздъ ужъ близокъ. Вотъ и двери...
О, прощальный милый взглядъ! „Хоть
разъ,
Только бъ разъ прильнуть къ тебѣ всѣмъ
сердцемъ
Въ этотъ ранній, въ этотъ сладкій часъ!“
Но сестра стоитъ, глядитъ безстрастно...
„Доброй ночи!“ Сдержанный поклонъ,
Стукъ дверей—и я одинъ. Молчанье,
Блѣдный сумракъ, предразсвѣтный звонъ...

М. ПОЖАРОВА.

у пасхальной заутрени.

Подъ звонъ кадилъ вздыхающихъ,
Пригрезилась вѣчность...
Волна моленій тающихъ
Зоветь въ безконечность.

Зоветь тебя, склоненную
Къ святому порогу,
Гдѣ скорбь неутоленную
Приносишь ты Богу.

Прозрачная, безкровная,
Ты молишь забвенья,
Горишь, свѣча церковная,
Огнемъ искупленья...

Удары колокольные
Несутся, ликуя,
И ангелы безбольные
Поютъ: „аллилуйя!“

И взоръ твой затуманенный
Внезапно сталъ свѣтель:
Душъ смертельно-раненой
Воскресшій отвѣтилъ.

вѣчеславъ ивановъ.

Assai palpasti... Довольно ты билось.

ЛЕОПАРДИ.

Все, чѣмъ жадно жило ты,
Вольно-подневольное,
Все, чѣмъ дорожило ты,
Сердце богомольное,

Сорвано ненастями,
Вьюгами расхищено...
Смертными пристрастьями
Нынѣ ты пресыщено!

Алчное, пресыщено
Смертными разлуками!
Жертвенно очищено
Огненными муками!..

Что жъ не облачишься ты,
Солнце, рдяной схиною?
Что не обручишься ты
Съ зорькою родимую?

На смерть пораженное,
Медлишь въ отдаленіи,
Млѣешь, обнаженное,
Въ пламенномъ біеніи,—

Жарко содрогаешься
Благостью и жалостью,
Гнѣвомъ облегаяешься,
Истекаешь аlostью,—

Солнце ль ты богатое,
Сердце ль, сердце бѣдное,
Радостно-распятое,
Горестно-побѣдное!

I.

Начали стрѣлять съ вечера. И выстрѣлы, рожденные въ туманной темнотѣ узкихъ улицъ, тревожно будили мгlistый, сырой воздухъ. Кое-гдѣ еще горѣли голубые газовые фонари, но электричество уже вездѣ потухло, и на большой, узкой улицѣ, гдѣ началась стрѣльба, было таинственно-страшно, пустынно, совсѣмъ темно. И въ этой зыблющей темнотѣ очертанія домовъ принимали какія-то странныя, таинственные формы. Таинственность эта увеличивалась еще тѣмъ, что огонь вездѣ почти погасъ, и только въ верхнихъ этажахъ одиноко сіяли колеблющіяся точки свѣта. Магазины были заперты и заколочены. Выстрѣлы звучали все чаще и чаще, и за каждымъ торопливымъ, сухимъ звукомъ сгустившуюся темноту рѣзала яркая, оранжевая полоска, и что-то маленькое, упругое и спльное шлепалось въ стѣны домовъ, обь асфальтъ тротуара и съ тихимъ, задумчивымъ повныстваніемъ уносились куда-то вдаль черной ночи. Иногда вслѣдъ затѣмъ раздавался нудный, хриплый стопъ, или вдругъ яркій, больной крикъ проносился въ воздухъ. Было жутко, страшно, томительно.

Но на перекресткѣ улицъ, около бульвара, прятась въ ворота сѣраго, каменнаго дома, стояла маленькая кучка людей и во мракѣ вечера казалась страннымъ, движущимся пятномъ. Когда гдѣ нибудь раздавался одинокій стопъ, толпа сразу затихала и дѣлала глубокій, тяжелый вздохъ. И казалось, что это какой-то большой, больной звѣрь мучается...

Толстая, маленькая женщина, кухарка изъ сосѣдняго дома, быстро крестилась и спрашивала торопливо испуганнымъ голосомъ:

— Что же это такое, милые мои? и удивленно вздыхала:—О, Господи!..

Стоявшій тутъ же кучеръ, въ тулупѣ, плечистый и огромный, дрожащимъ, прыгающимъ голосомъ отвѣчалъ ей:

— Н-да... жарятъ...

Однако, несмотря на то, что выстрѣлы звучали гдѣ-то совсѣмъ близко, кучка людей въ воротахъ не уменьшалась. Только что боязливо уходили одни, какъ сейчасъ же изъ темныхъ, маленькихъ норъ, изъ квартиръ выльзали новые люди и съ возбужденнымъ, жаднымъ любопытствомъ присоединялись къ толпѣ. И стояли, переговариваясь между собой, вздрагивая и пугаясь каждаго новаго выстрѣла. Казалось, что какая-то огромная сила выгнала ихъ, трусливыхъ и жалкихъ, сюда, гдѣ опасно и такъ жутко стоять. Невидимая п властная она сковала ихъ робкую волю, и теперь, далекіе раньше, они, какъ близкіе, разговариваютъ между собой и дѣлятся тревожными впечатлѣніями. Все было такъ необыкновенно, такъ странно, что эти люди еще не вѣрили, еще сомнѣвались, еще недоумѣвали и боялись вдуматься въ значеніе совершающагося...

Но когда гдѣ-то недалеко отъ воротъ вскачь проѣхали казаки, толпа шаркнулась въ сторону и со смутнымъ говоромъ разсыпалась по темному, узкому двору.

Ружейные выстрѣлы стали какъ будто затихать, но гдѣ-то далеко черезъ каждыя двѣ-три минуты, сотрясая воздухъ, родился тяжелый, отрывистый ударъ и съ противнымъ хохотомъ расплозлся въ наступившей темнотѣ. Стрѣляли изъ пушекъ.

Было темно. Падалъ и, кружась въ воздухѣ, таялъ мокрый, чистый снѣгъ. Кто-то властный, злой и безошадный стоялъ въ этомъ мгlistомъ воздухѣ и смѣялся надъ сѣрымъ городомъ, надъ испуганными людьми, несчастными и жалкими.

II.

Но было тихо, уютно и спокойно въ маленькой, свѣтлой квартиркѣ молодого доктора, Николая Ивановича Трубина. Только что отпил чай. Симпатичная и хорошенькая жена доктора, Александра Васильевна, теперь сидѣла въ гостиной и играла вальсъ. Это былъ старый, задумчивый вальсъ, дорогой ей по тѣмъ воспоминаніямъ, которые были связаны съ нимъ. Она улыбалась... Весело горѣла яркая лампа, и оттого, что на улицѣ было очень темно, холодно и неприѣтливо, здѣсь особенно чувствовалась пріятная уютность хорошо обставленной, теплой комнаты. Звукъ бѣжали нѣжные, чистые, и казалось, что это кто-то поетъ серебристымъ, грустнымъ голосомъ. Николай Ивановичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и, читая книгу, невольно прислушивался къ музыкѣ. Иногда онъ отрывался отъ чтенія, проводилъ рукой по умному, серьезному лицу и отдавался во власть этихъ вливавшихся сюда, поющихъ звуковъ... И думая о женѣ, улыбался довольной, спокойной улыбкой... Обоимъ имъ было радостно, тихо и пріятно.

Всякій разъ, когда Шурочку охватывало это немножко лѣтнее, сладостное чувство удовлетворенности, она любила играть этотъ старый, милый вальсъ. Тогда ей вспоминалось то прелестное время, когда она только что кончила гимназію и была невѣст.ей Николая Ивановича. То было время большихъ надеждъ, широкихъ плановъ жизни и молодого, веселаго восторга. И ей становилось какъ-то грустно и жаль этого невозвратно промелькнувшаго времени. Но сейчасъ же она думала, что особенно жалѣть ей нечего, такъ какъ ея теперешняя жизнь не только счастлива тѣмъ, что она любима и любить, но и полна особеннаго, любимаго ожидания того неизвѣстнаго, но несомнѣнно прекраснаго, что должно скоро случиться съ ней. Она была беременна. И съ тѣхъ поръ, какъ она почувствовала въ себѣ новую жизнь, въ ней родилось незнакомое до сихъ поръ счастье материнства и животная заботливость къ себѣ.

И теперь, бросивъ играть, она съ улыбкой на своемъ миломъ лицѣ, подошла къ большому

зеркалу и взглянула на себя. Она глядѣла не на свое молодое, красивое лицо, а на толстый, замѣтно округлившійся животъ, въ которомъ она чувствовала ровную, трепетную, одной ей понятную жизнь маленькаго существа... И несмотря на то, что всѣ говорили и она сама хорошо это знала, что беременность въ настоящемъ, послѣднемъ періодѣ сильно портитъ и уродуетъ ея гибкую, стройную фигуру, а красивое лицо подчасъ дѣлаетъ прямо безобразнымъ и отталкивающимъ,—несмотря на это, глядя теперь на себя въ зеркало, она улыбалась и испытывала глубокое, захватывающее счастье. И ей стало такъ хорошо и радостно на душѣ, что захотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ настроеніемъ. Она осторожно прошла въ кабинетъ, и подойдя сзади къ мужу, со смѣхомъ закрыла ему глаза своими полными, влажными руками.

— А! Шурочка... сказалъ онъ, невольно вздрагивая. И отнимая отъ лица ея руки, сталъ цѣловать ихъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь, занятъ? спросила она.

— Да, вотъ читалъ... беря со стола книгу и показывая ей заглавіе, сказалъ онъ.—Знаешь, довольно интересно...

И онъ, размахивая тоненькой книжкой, сталъ объяснять ей, въ чемъ онъ несогласенъ съ авторомъ статьи. Но она не слушала его. Она глядѣла на листъ толстой, промокательной бумаги и думала о томъ, что надо сказать Пашѣ переменить его на новый. Потомъ, видя его оживленіе, возбужденное, еще молодое лицо, она вспомнила его студентомъ въ сѣрой, поношенной тужуркѣ и думала, что вотъ онъ такъ же тогда горячился и такъ же блестяли его большіе, сѣрые глаза. И казалось ей, что она полюбила его именно за это молодое, смѣлое увлеченіе.

— Что ты? спросилъ онъ, замѣтивъ ея улыбку и переставая говорить.

Ахъ, нѣтъ... продолжай, пожалуйста...

— Да ты не слушаешь?..

Она разсмѣялась своимъ милымъ, груднымъ смѣхомъ и потомъ озабоченнымъ, дѣловымъ голосомъ сказала:

— Вотъ что, Коля, тебѣ непременно нужно переменить промокательный листъ... Смотри, сколько пятенъ...

Тогда онъ оторвался отъ сложной нити мыслей, которая какъ изъ клубка развертывалась въ немъ, положилъ книжку на столъ и, улыбаясь ей отвѣтной улыбкой, сказалъ:

— Да, нужно. А ты играла? Я слышалъ отсюда...

— Да, играла... сказала она.—И знаешь, милый, мнѣ стало такъ хорошо-хорошо... Она посмотрѣла на свой полный животъ и смущенно сказала:—Я такъ счастлива!

А онъ осторожно, чтобъ не сдѣлать ей больно или вредно, привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ открывшіяся, улыбающіяся губы...

— Пойдемъ, Шурочка... сказалъ онъ.—Ты мнѣ сыграешь, да?..

Они поднялись и пошли въ гостиную. Шурочка сѣла за рояль и стала играть. Изрѣдка она оборачивалась и, взглядывая на мужа, старалась отгадать, о чемъ онъ думаетъ. А онъ сидѣлъ въ спокойномъ, удобномъ креслѣ, въ мягкомъ и ровномъ свѣтѣ лампы подъ розовымъ абажуромъ и, слушая знакомые, грустные звуки, думалъ о своей жизни.

Всякій разъ, какъ онъ старался представить себѣ всю свою жизнь, она раскалывалась на двѣ половины: одна была до женитьбы, другая послѣ. И онъ вспомнилъ теперь ту пору, когда еще не былъ женатъ и жилъ вдвоемъ съ товарищемъ Костинымъ въ маленькой комнаткѣ на четвертомъ этажѣ. Деньги приходилось тогда зарабатывать уроками и перепиской, и много было работы. Иногда приходилось трудно и голодно, но во всемъ, что дѣлали, чувствовали и думали они, было что-то особенное, свободное, увѣренное до гордости. Потомъ, когда онъ сдѣлался докторомъ, сталъ хорошо зарабатывать практикой и женился,—началось совсѣмъ другое. Жить стало несомнѣнно удобнѣе; жена была очень милая, неглупая, любящая женщина. И Николай Ивановичъ не могъ сказать, что онъ несчастливъ и страдаетъ. Но было порою странное чувство, когда онъ вдругъ видѣлъ, что не можетъ распоряжаться собой. Это была зависимость отъ жизни, отъ тѣхъ ея мелочей, которыя крѣпкими, незамѣтными паутинками сковываютъ нашу волю, порывы и чувства. Въ особенности сильно эту зависимость отъ другихъ и отъ обстоятельствъ своей жизни почувствовалъ Николай Ивановичъ съ тѣхъ поръ, какъ жена, стыдясь и краснѣя, открылась ему, что беременна. Съ этихъ поръ онъ уже опредѣленно зналъ, что не только она, но и онъ чѣмъ-то связанъ съ этимъ неизвѣстнымъ существомъ, его ребенкомъ. Правда, любви къ нему онъ не чувствовалъ, но сознание зависимости было, и была еще нѣжная заботливость къ женѣ.

И теперь, сидя въ красиво и уютно обставленной гостиной, слушая мягкіе, ласковые звуки музыки, онъ испытывалъ къ Шурочкѣ эту глубокую, сильную нѣжность...

„Милая, славная“, думалъ онъ, глядя на нее. И ему хотѣлось подойти къ ней, обнять ее и поцѣловать въ проборъ между волосъ. Но не стоило мѣшать ей играть, и онъ продолжалъ сидѣть въ креслѣ и слушать. Она бросила играть вальсъ и теперь играла что-то сильное и страстное, какъ весна...

И опять онъ думалъ о своей жизни. Онъ не былъ ни злымъ, ни грубымъ человѣкомъ, помогая бѣднымъ тѣмъ, что лѣчилъ ихъ бесплатно и считалъ себя добрымъ, гуманнымъ,—какъ говорили про него другіе,—человѣкомъ. А то счастье, которое давали ему—красивая, любящая жена, обезпеченное матеріальное по-

ложеніе, книги и общество веселыхъ и умныхъ людей,—онъ считалъ вполне заслуженнымъ и радостно пользовался всѣмъ этимъ. Только иногда, вотъ такъ, какъ теперь, но все рѣже и рѣже, набѣгало на него облако раздумья, и тогда казалось, что не хватаетъ чего-то, быть можетъ, самаго важнаго и нужнаго въ жизни... Тогда почему-то изъ глубины прошлаго всплывалъ ползу забытый образъ товарища-студента, Костина и вспоминалась одна ночь. Они шли изъ театра, затумчивые, проникнутые однимъ сильнымъ и цѣльнымъ впечатлѣніемъ захватившей ихъ пьесы. И молчали, потому что не было такихъ словъ, которыя могли бы выразить то, что они оба чувствовали. Только уже ложась спать и потушивъ свѣчку, Костинъ, точно отвѣчая самому себѣ на какой-то пытливый и важный вопросъ, сказалъ:

— Да, братъ, Коля, каждый человѣкъ долженъ найти свою фею Раутенделейнъ. И подумавъ добавилъ:—Иначе жить не стоять!..

„Да, вотъ онъ, думалъ теперь Николай Ивановичъ,—нашелъ же онъ то, о чемъ говорилъ, и сумѣлъ пожертвовать собой... А я? Гдѣ же моя фея-Раутенделейнъ?..“ Онъ вспомнилъ Костина, тонкаго, худого, съ ясными, чистыми глазами, которые такъ грустно улыбались, вспомнилъ, какъ его ночью арестовали и увезли куда-то надолго... навсегда... И вспомнивъ, что его уже нѣтъ на свѣтѣ, онъ опустилъ голову и ему стало тяжело.

Музыка оборвалась... Шурочка закрыла роль и подошла къ нему. Что-то тихое и задумчивое было въ ея хорошенькомъ лицѣ. Наклонившись надъ нимъ, она заглядывала ему въ глаза и спрашивала:

— Хорошо, Коля?

— Да-а... И знаешь, почему-то напоминаетъ молодость: такое туманное, но хорошее, милое... правда?

— Да, да, сказала она, —представь и мнѣ тоже... И оба замолчали, задумались. Оттого лица у нихъ сдѣлались серьезными, грустными и красивыми. Но вдругъ Шурочка вся встрепенулась, засмѣялась и, проводя рукой по его густымъ, волнистымъ волосамъ, спросила:

— О чемъ ты?

Онъ вздрогнулъ и, отгоняя отъ себя тревожную мысль, сказалъ:

— Когда ты играла, я вспомнилъ тебя, тоненькую, стройную гимназистку... потомъ Костина... и грустно стало...

— А гдѣ теперь Костинъ? спросила Шурочка.

— Да вѣдь онъ тогда же... онъ не договорилъ и уныло махнулъ рукой. Что-то скользкое, страшное стало между ними. И было это—вспоминаніе о смерти, такое мрачное, такое грубое... И ворвавшись въ ихъ сердце, оно уже не ушло отъ нихъ. Стало тоскливо. И чтобы разогнать это тяжелое настроеніе, Николай Ивановичъ сказалъ:

— Пойдемъ, Шура, я почитаю новый журналъ. Они встали и тихіе, грустные пошли въ кабинетъ.

III.

Гостиную и кабинетъ соединялъ маленькій, полутемный коридорчикъ. Въ пріотворенную изъ кухни дверь вползали сюда лучи свѣта и слышались голоса.

— Такъ и бьютъ, такъ и бьютъ!.. звонкимъ, захлебывающимся голосомъ говорила кому-то молоденькая горничная Паша.—Страсть сколько убитыхъ!

— О чемъ она, что такое? тревожно сказала Шурочка.

Они стояли въ коридорѣ и вслушивались въ то, что говорила Паша. И то чувство тоски, которое родилось въ нихъ при воспоминаніи о смерти Костина, теперь выросло и овладѣло ими. Какой-то тайный инстинктъ подсказывалъ имъ что-то ужасное и гнетущее.

— Пойдемъ, Коля, узнаемъ...

Они вошли въ теплую отъ топившейся плиты, пахнущую печенымъ хлѣбомъ и мочалкой, небольшую и свѣтлую кухню. Молоденькая, чистенькая горничная Паша, въ бѣломъ передникѣ и въ какой-то необыкновенно франтоватой прическѣ, стояла посреди кухни и скорымъ, возбужденнымъ голосомъ говорила:

— Какъ начали!.. сначала изъ ружей палили... потомъ изъ пушекъ стали... Она сдѣлала большіе удивленные глаза и добавила:—Такъ по всей улицѣ и лежать...

Толстая, вся проптанная кухоннымъ запахомъ кухарка Авдотья стояла у стола и, испуганно покачивая головой и вздыхая, шептала:

— Чтой-то дѣлають!.. Господи, Иисусе Христе!..

Увидавъ барыню, Паша замолчала и торопливо отошла къ печкѣ. Кухарка Авдотья поправила платокъ вокругъ жирной шеи и согнала забравшуюся на столъ, мурлыкающую кошку.

— Что это ты тутъ врешь, Папа? строго спросилъ Николай Ивановичъ.

— Ей-Богу, баринъ, не вру! отвѣтила Паша.—Прямо на улицахъ стрѣльба идетъ...

— Да гдѣ?

— Вездѣ... Какъ, значить, стоитъ или идетъ народъ,—такъ и стрѣляютъ...

И она торопящимся голосомъ рассказала, какъ дворникъ Иванъ ходилъ въ городъ, самъ видѣлъ убитыхъ и слышалъ выстрѣлы...

— Да на дворѣ и сейчасъ слышать... сказала Паша.

— Погоди, Шура, я сейчасъ пойду посмотрю... сказалъ Николай Ивановичъ и вышелъ черезъ черное крыльцо на дворъ. Влажный, мглистый воздухъ охватилъ его своими холодными волнами; откуда-то дулъ сырой, упругій вѣтеръ. Кругомъ было темно и одиноко. Въ небольшомъ пространствѣ, образуемомъ четырьмя

высокими и ровными стѣнами каменныхъ корпусовъ, виднѣлся небольшой клочокъ темнаго, далекаго неба. Падаль снѣгъ. Поеживаясь отъ холода, Николай Ивановичъ стоялъ на крыльцѣ и, раскуривая потухающую отъ сырости папирску, думалъ: „Неужели правда то, что говорила Паша?“ И такъ какъ это было слишкомъ ужасно, то онъ старался успокоить себя: „Да нѣтъ! Этого быть не можетъ! Тутъ что-нибудь не такъ, какое-нибудь недоразумѣніе...“ И сейчасъ же онъ думалъ, что все это, можетъ быть, правда, и тогда тупой испугъ охватывалъ его; онъ нервно морщился и затягивался папирской... И вдругъ, гдѣ-то очень далеко, но ясно, въ безмолвномъ, сторожкомъ воздухѣ, какъ будто охнулъ и захохоталъ огромный звѣрь. Николай Ивановичъ вздрогнулъ, какъ-то весь съежился и почувствовалъ, какъ безслѣдно исчезло его прежне спокойствіе. Что-то на смѣшливое, властное проснулось у него въ груди. Стало тоскливо и больно...

Уже не оставалось сомнѣнія, что все, что говорила Паша, — правда. И теперь, глядя на темную, каменную стѣну сосѣдняго корпуса, онъ до боли ясно представилъ себѣ длинную, тѣсную улицу, заваленную убитыми; слышалъ стоны раненыхъ, которыхъ некому убирать, и ужасъ того, что совершалось тамъ, гдѣ-то, въ туманной, темной мглѣ ночи, охватывалъ его...

— Боже мой, что же это такое?! прошептала онъ вслухъ...

Его прежнія мечты о своемъ счастьѣ, о свѣтлой, спокойной жизни вдругъ стали не только неважными, но казались ему маленькими, ничтожными и почти преступными. Да и вся его собственная жизнь, наполненная безконечными радостями и горемъ, страданіемъ и наслаженіемъ, — стала блѣдой, ничтожной въ сравненіи съ тѣмъ безуміемъ, которое совершалось тамъ, въ дали ночи!..

И стало невыносимо стоять здѣсь одному, во власти этихъ жуткихъ мыслей. Онъ торопливо поднялся по обледѣлымъ ступенькамъ крыльца и пошелъ въ кухню. Уже отворивъ дверь, онъ опять услышалъ, какъ гдѣ-то родился и расплылся ударъ. А въ кухнѣ было такъ свѣтло, все полно жизни и пріятно пахло печенымъ хлѣбомъ. Торопливо захлопнувъ за собой дверь, онъ облегченно и глубоко вздохнулъ...

— Ну что? спрашивала Шурочка, любопытно смотря на него.

— Да что!... отвѣтилъ онъ хмурясь, — Пойдемъ, Шура...

Они вышли изъ кухни и молча прошли въ кабинетъ. Николай Ивановичъ сѣлъ въ кресло и, нервно вертя въ рукахъ костяной ножикъ, сталъ смотрѣть куда-то въ темный уголь. А Шурочка, глядя на мужа, на его утрюмое, странное лицо, чувствовала, что съ нимъ случилось что-то тяжелое и нехорошее.

И обнимъ имъ было уже не радостно, а томительно-больно и тоскливо.

IV.

Весь этотъ вечеръ Николай Ивановичъ испытывалъ острое чувство тоски и новаго мучительнаго и страннаго возбужденія. Какъ будто бы человѣку, читавшему скучную книгу жизни, открыли вдругъ совершенно новую страницу, и онъ съ удивленіемъ, болью и восторгомъ читаетъ то, что написано на ней неизгладимо-яркими, красными буквами... Такой новой страницей было для него ужасное, яркое и мучительное впечатлѣніе тамъ, въ темной ночи. И уже за что ни принимался онъ, мысль о томъ, что гдѣ-то теперь идетъ безумная бойня и льется красная, теплая человѣческая кровь, — мысль эта не уходила отъ него и властно охватывала его мозгъ. И было для него непонятно то, что дѣлалось тамъ. Когда онъ дѣлалъ операцію, рѣзалъ тѣло и видѣлъ кровь, — было ужасно; но тамъ было сознаніе громадной пользы и добра, которыя покупались страданіями. То же, что дѣлали вдали эти люди, было непонятно, дико и безумно...

„Если бы можно было остановить ихъ... думалъ онъ, — но развѣ это можно сдѣлать?..“ И онъ не звалъ, что отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ...

„Какъ они сами не поймутъ, не очнутся? Темно... не видно крови... Но вѣдь слышно, слышно... И они не могутъ не слышать этихъ стоновъ, крика...“ — Ахъ, это ужасно, ужасно! прошептала онъ, бросаясь въ кресло.

Онъ вспомнилъ, что раньше кто-то говорилъ ему, что въ такихъ случаяхъ людей напаиваютъ, и они дѣлаются жестокими и злыми, какъ звѣри. И все-таки онъ не могъ понять того, что скрывала эта черная, мглистая ночь...

„Быть можетъ, это необходимо? продолжалъ онъ думать, — быть можетъ, это проявленіе мірового закона, который царствуетъ въ природѣ? Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Ничего подобнаго нѣтъ въ природѣ... Это люди лгутъ! Кто бы могъ заставить меня убивать беззащитныхъ, насиловать безслынныхъ женщинъ, творить весь этотъ ужасъ?! Это дѣлаютъ безумные, несчастные люди!“ — Ужасно, ужасно! опять прошептала онъ, закрывая лицо руками и весь вздрагивая.

Въ сосѣдней комнатѣ, въ столовой, накрывали ужинать, стучали тарелками, и жена говорила озабоченнымъ, дѣловымъ голосомъ:

— Смотрите, Паша, не забудьте къ ужину разогрѣть ростбифъ, да не засушите, чтобы была съ кровью...

И теперь это яркое слово властно вползло въ его голову, и улыбаясь испуганной, жалкой улыбкой, онъ машинально повторилъ:

— Съ кровью? Но что же дѣлать?..

V.

Когда сѣли ужинать, кто-то позвонилъ съ улицы. Паша пошла отпирать, а Александръ

Васильевна вопросительно поглядѣла на мужа и сказала:

— Кто бы это могъ такъ поздно?

Въ передней кто-то долго возился, снимая калоши и стряхивая снѣгъ съ шапки. И чей-то молодой, еще неустановившійся голосъ спрашивалъ:

— А что, дома?

— Дома. Ужинають.

— Та-къ...

— А что, баринъ, на улицѣ? спрашивала кого-то Паша любознательнымъ голосомъ.

— Скверно, Паша... Кто-то еще разъ отряхнулъ шапку и пошелъ въ столовую.

Въ столовой, послѣ темной улицы, было очень свѣтло и вошедшій остановился, щуря глаза.

— А-а... Миша! вскрикнула, увидавъ его, Шурочка.—Ну вотъ, какъ разъ къ ужину, садись.... Ну, здравствуй!

Они крѣпко и звонко поцѣловались, и оба размѣялись этому.

— Здравствуйте... говорилъ Миша, пожимая Николаю Ивановичу руку и вытирая платкомъ мокрое отъ снѣга лицо. Это былъ братъ Александры Васильевны, высокій, худошавый, очень похожий на сестру юноша съ копной такихъ же, какъ у Шурочки, бѣлокурыхъ, слегка вьющихся волосъ въ студенческой, еще новенькой тужуркѣ. Онъ только что кончилъ гимназію и въ этомъ году поступилъ въ университетъ.

— Ну что, Миша, на улицѣ? спросила Шурочка.

Онъ прожевалъ кусокъ, который держалъ во рту, и возбужденно сказалъ:

— Чортъ знаетъ, что дѣлается! Я сейчасъ шелъ къ вамъ отъ товарища. Темно, хоть глазъ выколи; на улицахъ ни души; снѣгъ идетъ и подъ самымъ носомъ стрѣляютъ. Меня чуть-чуть не убили... Говорятъ, что-то ужасное дѣлается... ужасное! повторилъ онъ.

Потомъ онъ нервно ерзнулъ на стулѣ, весь вздрогнулъ и страдальчески морщась сказалъ:

— Сегодня при мнѣ къ товарищу привесли одного раненаго... У—у!.. Онъ вскочилъ изъ-за стола и, размахивая руками, волнуясь заходилъ по столовой, говоря:

— Мы ничего не знали, что нужно дѣлать, какъ... А онъ стонетъ, рвется... кровь... Такой ужас!.. Я хотѣлъ бѣжать къ Николаю Ивановичу, но онъ уже... умеръ...

Миша страдальчески вслипнулъ и, чтобы скрыть набѣжавшія вдругъ слезы, отвернулся къ окну. И всѣмъ стало неловко и какъ-будто чего-то стыдно. Слышно было только, какъ медленно и ровно шипитъ лампа да тикаетъ маятникъ. Николай Ивановичъ нервно теревилъ салфетку и пристально смотрѣлъ куда-то въ уголъ, а студентъ говорилъ плачущимъ голосомъ:

— Нѣтъ ни докторовъ, ни сестеръ... Умирають безъ помощи... Что дѣлать?

Онъ опустилъ голову и вдругъ, не выдержавъ, тяжело зарыдалъ, закрывая лицо руками

и весь вздрагивая. Потомъ поднялся и торпливо ушелъ.

Когда послѣ ужина Николай Ивановичъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ, онъ увидалъ тамъ Мишу, который сидѣлъ на диванѣ и угрюмо смотрѣлъ въ темное окно. Смѣшанное чувство какого-то стыда и теплой, ласковой жалости къ нему охватило Николая Ивановича. Онъ подошелъ къ Мишѣ, опустилъ рядомъ съ нимъ на диванъ и заговорилъ тихимъ, задушевымъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Дорогой мой, не будемъ плакать, не будемъ... Вѣдь и я, мы, всѣ то же думаемъ, мучаемся, милый...

Онъ говорилъ, и какое-то тревожное, теплое чувство охватывало его. А Миша шепталъ захлебывающимся, прыгающимъ голосомъ:

— Они думаютъ, что легко умирать.. молодымъ, сильнымъ...

И вдругъ, повернувъ къ Николаю Ивановичу свое блѣдное лицо, онъ крикнулъ злымъ голосомъ:

— О-о! Какъ я ихъ ненавижу!

Николай Ивановичъ взглянулъ ему въ глаза съ огромными, болѣзненно и испуганно расширенными зрачками, и понялъ, какая бездна страданія, любви и ненависти таится въ этомъ вздрагивающемъ отъ рыданій юношѣ. Ему стало и страшно, и больно, и радостно. Онъ почувствовалъ, что они таинственно близки другъ другу своимъ одинаковымъ, жгучимъ страданіемъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ понялъ онъ въ это мгновение, что тысячами невидимыхъ нитей любви, жалости и ненависти связанъ онъ со всѣми несчастными, безумными, жалкими людьми...

Яркое чувство надежды, гордое и смѣлое, выросло у него въ груди, и обнимая вздрагивающаго отъ рыданій Мишу, онъ говорилъ ему про близкое, свѣтлое утро, которое ждетъ ихъ.

— Люди только не понимаютъ, что дѣлать! Они слѣпые, говорилъ онъ,—они идутъ туда, куда толкаетъ ихъ властная сила зла!.. Но наступитъ время, когда они должны будутъ проснуться и понять, что все, что они дѣлали—безумно. Надо помогать имъ; надо трудиться, Миша, надъ тѣмъ, чтобы раскрыть имъ глаза, разбудить ихъ.... Ахъ, какое это важное, огромное дѣло! Изъ-за него стоитъ жить, стоитъ страдать... Ну, что жъ! Схватятъ насъ, посадятъ въ тюрьму,—развѣ ужъ это такъ страшно? Но то, что мы бросимъ въ жизнь, уже никогда не погибнетъ!.. И долго еще говорилъ онъ, полный давно неиспытанной, гордой радости. А когда они прощались, Миша крѣпко сжалъ его руку и увѣренно сказалъ:

— Я знаю теперь, что нужно сдѣлать... Онъ улыбался сильной, счастливой улыбкой.

Когда Николай Ивановичъ пришелъ къ себѣ въ спальню, Шурочка уже спала. Онъ потихоньку раздѣлся, легъ въ кровать и потушилъ свѣчу.

Но спать онъ не могъ: одна за другой ропдлись въ немъ огромныя, важныя мысли и волновали его. Лежа подъ теплымъ, шерстянымъ одѣяломъ, прислушиваясь къ спокойному, ровному дыханію Шурочки, онъ чувствовалъ, какъ въ немъ растетъ новое, свѣтлое чувство.

„До сихъ поръ, говорилъ въ немъ какой-то голосъ,—до сихъ поръ ты только и думалъ о себѣ, о своемъ „я“. И развѣ это дало тебѣ удовлетвореніе? Нѣтъ: вотъ сейчасъ ты мучаешься, потому что тутъ, рядомъ съ тобой живутъ миллионы другихъ „я“, страдаютъ... умираютъ отъ ранъ... Ты спрятался въ скорлупу своего мѣщанскаго довольства; между собой и остальнымъ міромъ ты устроилъ перегородку: жена, практика, теплая квартира, мебель,—это дѣло, это—твое „я“, а любовь, жалость, ненависть къ людямъ,—это было что-то ненужное... „А вѣдь это самое важное“... подумалъ онъ. А голосъ, родившійся въ немъ, продолжалъ говорить: „Попробуй только отрѣшиться хоть на одно мгновеніе отъ своего маленькаго, сѣраго „я“ и тогда ты увидишь, какой прекрасной и огромной станетъ твоя новая жизнь... ибо твое „я“ будетъ уже не то жалкое и трусливое, которое живетъ въ тебѣ теперь, а великое и сильное. Оно сольется со всѣмъ міромъ, со всѣмъ, что есть въ немъ гордаго, прекраснаго и счастливаго...“

Онъ приподнялся на кровати, всмотрѣлся въ чуть-чуть свѣтлѣвшія бѣлыми пятнами окна, подогнулъ колѣни и продолжалъ думать:

„Нужно найти такое дѣло, которое захватило бы всего человѣка на всю жизнь! Тогда-то и начнется настоящая жизнь—наслажденіе... Вотъ и я до сихъ поръ жилъ сѣрою, утиною жизнью... и вдругъ... вотъ оно!“ Онъ счастливо улыбнулся въ темнотѣ, чувствуя, что ему хочется плакать... „Пусть вырастаютъ препятствія, неприятности,—развѣ онѣ смогутъ затупить то, что проснулось у меня въ груди... Ну, буду отчаиваться, буду страдать... Такъ что же?“

Онъ вытянулся на кровати, поднялся на локтѣ и вдругъ подумалъ: „А смерть?“

И уже другой голосъ, насмѣшливый и противный, сказалъ:

„Да, а смерть!?“

Николай Ивановичъ почувствовалъ въ темнотѣ, какъ вздрогнуло и сжалось его красивое, сильное тѣло...

„А какъ же жена, ребенокъ?“ шепталь тотъ же насмѣшливый голосъ.

„И зачѣмъ ты станешь дѣлать то, чего не хочешь? Развѣ ты хочешь?!“ настойчиво спросилъ этотъ голосъ? „Хочу ли я?“ подумалъ Николай Ивановичъ, и потомъ спросилъ самъ себя: „Гдѣ мое „я“? Вотъ это—„я“?“ продолжалъ онъ думать, трогая свое упругое, горячее тѣло. „Но оно не хочетъ... оно боится...“ И сейчасъ же другой голосъ, такой властный и сильный, отвѣтилъ ему: „Нѣтъ! это не ты... Вотъ я—ты!...“

Радостное чувство овладѣло имъ. И онъ уже навѣрное зналъ теперь, что завтра пойдетъ туда, гдѣ льется кровь, стонутъ умирающія, и съ опасностью для себя будетъ помогать имъ. Съ этимъ радостнымъ чувствомъ, испытывая давно небывалое счастье, онъ скоро зануль спокойнымъ, ровнымъ сномъ...

VI.

Утро встало туманное, холодное, сѣрое и уныло смотрѣло въ окна. Оттого въ спальнѣ съ тяжелыми зеленоватыми драпри на окнахъ было полутемно и какъ-то задумчиво. Николай Ивановичъ проснулся довольно рано. Кто-то осторожно стучалъ въ дверь и она слегка скрипѣла. Потомъ въ нее робко просунулась Пашина голова, и она сказала:

— Васъ, баринъ, къ больнымъ спрашиваютъ...

Несмотря на то, что еще очень хотѣлось спать, Николай Ивановичъ пересилилъ себя и потихоньку, чтобы не разбудить спящую жену, сталъ одѣваться. И снова вчерашняя мысль о томъ, что онъ знаетъ теперь, что дѣлать, пришла ему въ голову. Но какъ почти всегда это бываетъ, эта мысль, казавшаяся вчера вечеромъ огромной и свѣтлой, теперь, сѣрымъ утромъ, утратила свою прежнюю яркость и увлекательность. Но потомъ, умываясь холодной водой и вытирая лицо теплымъ, мохнатымъ полотенцемъ, онъ почувствовалъ, что вчерашнее рѣшеніе правильно и необходимо. И въ этомъ сознаніи было уже что-то опредѣленное, обыкновенное и дѣловое.

Въ столовой на столѣ кипѣлъ ярко вычищенный самоваръ, стояли чашки, стаканы, хлѣбъ. И, выпивая свой стаканъ крѣпкаго, горячаго чая, Николай Ивановичъ спрашивалъ Пашу, что дѣлается на улицахъ.

— Да теперь тихо, баринъ, только вотъ, говорятъ, убитыхъ страсть сколько...

— Кто говорил? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Да вотъ человѣкъ, что за вами приходилъ. Говорить—тысячи. Такъ къ нимъ въ домъ и несугъ. Въ квартирѣ-то стонъ стоять, и этой самой крови... лужи. Что только дѣлаютъ!.. качая головой, сказала Паша.

Николай Ивановичъ, торопясь и обжигаясь, пилъ чай и молча слушалъ, что говорила ему чистенькая, опрятно одѣтая Паша. Самоваръ пыхѣлъ и кипятился, посуда была новенькая такая изящная, и все въ столовой, начиная отъ желтыхъ подъ дубъ обой до блюдовъ развѣшанныхъ по стѣнамъ, производило такое спокойное впечатлѣніе уютности, что странно-невѣроятнымъ казалось, что гдѣ-то тамъ, на улицахъ собрались люди, убиваютъ и мучаютъ другъ друга.

Въ передней кто-то громко, отрывисто позвонилъ нѣсколько разъ, и черезъ минуту Паша принесла какую-то записку и подала ее Николаю Ивановичу.

— Опять оттуда... сказала она.

Торопливымъ, нервнымъ почеркомъ было написано о томъ, что его ждуть, и что очень много раненыхъ. Онъ читалъ записку и догадывался отъ кого она, хотя подписи и не было, должно быть тотъ, кто писалъ, очень торопился.

— Сейчас... Передайте, Паша, что сейчасъ приду...

Допивъ наскоро чай, Николай Ивановичъ торопливо прошелъ въ кабинетъ, чтобы захватить съ собою инструменты. Доставая ихъ изъ шкафа, онъ взглянулъ на диванъ, гдѣ спалъ Миша. Онъ лежалъ на спинѣ, весь вытянувшись, съ угрюмо-нахмуреннымъ во снѣ лицомъ. Но оно безусое, молодое и чистое все еще выражало твердую, сильную рѣшимость...

Уже надѣвъ пальто и калоши, Николай Ивановичъ осторожно прошелъ въ спальню и нерѣшительно остановился передъ дверью: онъ не зналъ—будить ли ему жену и сказать ей, куда уходить, или не будить. Онъ боялся, что она станетъ упраснивать его не ходить... Отворивъ потихоньку дверь, онъ вошелъ въ полутемную комнату, увидалъ ее, хорошенькую, улыбающуюся счастливо улыбкой и подумалъ: „Нѣтъ, не надо будить!“ И тихо вышелъ, не разбудивъ ее...

Въ передней Паша, помогая ему одѣваться, говорила встревоженнымъ голосомъ:

— Какъ бы васъ, баринъ, не убили... опять стрѣляютъ...

— Глупости, Паша...

Но выйдя на крыльцо и услышавъ, что дѣйствительно гдѣ-то, но опять далеко, ухаютъ пушечные выстрѣлы, онъ недовольно поежился. День былъ сѣрый, хмурый, и какъ вчера, шелъ мокрый снѣгъ. На улицѣ то тутъ, то тамъ стояли небольшими кучками люди и что-то оживленно говорили между собой. Извозчиковъ совсѣмъ не было видно, и Николай Ивановичъ, поднявъ воротничъ и глубоко надвинувъ баранковую шапку, дѣловымъ шагомъ пошелъ по улицѣ. Онъ шелъ, вздрагивая каждый разъ, когда слышалъ одинокіе, сухіе выстрѣлы. Кругомъ было пустынно и жутко: все заколочено, забито деревянными штакетами. Кое-гдѣ были спилены телеграфные столбы и сорвана проволока. Итти впередъ, въ сѣрую даль улицы было неприятно, и чувство смутнаго, гнетущаго ожиданія чего-то ужаснаго охватывало Николая Ивановича. За-врачая въ переулокъ, гдѣ находился домъ, куда его звали, онъ вдругъ остановился, откинулся назадъ и съ холоднымъ ужасомъ сталъ напряженно смотреть передъ собой... Тамъ, около крыльца большого дома, въ лужѣ еще свѣжей, неуспѣвшей стечь кривіи, лежалъ человѣкъ. Блѣдное, застывшее въ невыносимомъ страданіи тонкое, худощавое лицо было обращено вверхъ, къ небу; одна рука конвульсивно сжата въ кулакъ и согнута, какъ будто мертвый кого-то проклиналъ, кому-то грозилъ... И олимпійскіе глаза прищуренныя, улыбающіяся ягемъшиливо, злобно глядѣли въ небо... Но жи-

вота не было: вмѣсто живота зіяла одна кровавая рана вывалившимися внутренностями... И видъ ихъ былъ такъ ужасенъ, что Николай Ивановичъ вдругъ поблѣднѣлъ, и чувствуя, какъ у него дрожатъ ноги, бросился прочь...

Только позвонивъ у крыльца, пришелъ онъ въ себя и очнулся. Ему долго не отириали. Снята кто-то продолжительно возился съ ключомъ, потомъ окликнулъ его:

— Кто здѣсь?

— Это я,—докторъ.

Тогда его впустили. Въ маленькой комнаткѣ, куда торопливо провела его горничная, никого не было, и раздвѣаясь онъ слышалъ, какъ за стѣной кто-то тихо, тоскливо стоналъ. Гдѣ-то ходили, разговаривали, что-то такое дѣлали люди. И онъ, прислушиваясь ко всѣмъ этимъ звукамъ, испытывалъ странное, томительное чувство тоски и равнодушія. Все было слишкомъ непривычно, слишкомъ ужасно, чтобы можно было думать надъ этимъ...

Наконецъ по коридору застучали торопливые шаги и въ комнату вошелъ докторъ. Это былъ немолодой уже, хорошо знакомый ему товарищъ по больницѣ, у котораго они собирались по субботамъ и играли въ винтъ. Но теперь Николай Ивановичъ съ трудомъ узнавалъ въ этомъ измученномъ, странномъ человѣкѣ спокойнаго, веселаго товарища. Лицо у него было желтовато-блѣдное и осунувшееся за ночь; сѣдые волосы разбиты и некрасивыми прядями падали на высокой, потный лобъ; а руки засученныя до локтя были испачканы въ липкой, красной крови...

— Давайте мыться... скорѣй! крикнулъ онъ въ дверь нервнымъ, измученнымъ голосомъ, и кивнувъ Николаю Ивановичу головой, сказалъ:

— Мы устроили здѣсь пунктъ... Масса раненыхъ... и все скверные такіе... Тамъ еще товарищъ работаетъ и сестры... Да давайте же воду! громко и злобно крикнулъ онъ. И умываясь продолжалъ говорить:

— Они все несутъ и несутъ, но куда мы ихъ дѣнемъ, куда? Они лежатъ вездѣ: на полу, въ крови... А ихъ все несутъ... тихо повторилъ онъ. И когда горничная, испуганная, блѣдная, унесла тазъ окровавленной воды, онъ торопливо подошелъ къ Николаю Ивановичу, и червно схватывая его за руку, прошепталъ:

— Отвѣйте мнѣ, что же это такое?! Въдъ ихъ сотни... женщины, дѣтя... Море крови... Но отчего же они не захлебнутся въ немъ? Я былъ на войнѣ, но тамъ нѣтъ, нѣтъ этого ужаса... а-а!.. вскрикнулъ онъ. Взгляды ихъ встрѣтились и ужаснувшись упали въ бездну.

— Ха ха!.. хрипло крикнулъ опять докторъ.— Говорятъ: ближній, любовь?.. О, зачѣмъ же такъ нагло, такъ подло врать?!. Они дѣлаютъ изъ людей кашу и вдавливаютъ человѣческой мозгъ въ третій этажъ... Слышите?.. Онъ подошелъ вплотную къ Николаю Ивановичу, наклонилъ къ нему очень близко свое блѣдное

лицо съ лихорадочно блестящими глазами и шепотомъ сказалъ:

— Вы слы-шите? Онъ стонеть... онъ умираетъ!.. А у него есть, быть можетъ, жена, худая, жалкая женщина и дѣти... да дѣти! Онъ замолчалъ, какъ будто задумался. Но на самомъ дѣлѣ онъ ничего не думалъ. Онъ такъ измучился и истерзался всѣмъ пережитымъ, что его мысль какъ будто упала въ какую то пропасть, а ея обрывки, острые и страшные, мѣшались въ его головѣ. И то, что родили они въ немъ, было такъ ужасно и мучительно, что не выдержавъ онъ вдругъ выпрямился, какъ будто кто-то ударилъ его по лицу и хрипло, задыхаясь прошепталъ:

— Какая ложь!.. какой ужасъ!..

— Гдѣ же докторъ? Пожалуйста доктора... кричалъ кто-то въ коридорѣ слабымъ, измученнымъ голосомъ. Николай Ивановичъ захватилъ инструменты и вышелъ. Въ коридорѣ его дождалась сестра. Это была хорошенькая, еще совсемъ юная дѣвушка, съ большими, усталыми отъ страданія глазами. Они были широко раскрыты, и казалось, что дѣвушка смотритъ куда-то вглубь себя. И то, что она видитъ тамъ,—ужасно; и оттого такъ широко раскрыты эти глаза и такъ странно великъ зрачокъ въ нихъ.

Разсказывая ему о раненыхъ, сестра испуганно вздрагивала, готовая каждую минуту заплакать. И видно было, что только сознаніе огромнаго дѣла, которое она исполняла, удерживаетъ ее... Но вдругъ она схватила его за руку и спросила нервнымъ, напряженнымъ шепотомъ:

— Голубчикъ, за что же это, за что?!

И ему не казалось страннымъ, что эта незнакомая дѣвушка называетъ его близкимъ, ласковымъ именемъ, ибо въ это мгновеніе они и въ самомъ дѣлѣ были близкими людьми. Несчастіе и страданіе носятъ въ себѣ искру сближенія, и оба они почувствовали это. И то, что внутри ихъ глѣло, заброшенное грязью и мусоромъ жизни, теперь вспыхнуло такъ ярко и жгучими волнами любви охватило ихъ. неподвижно стоялъ Николай Ивановичъ, и сжимаемая въ темнотѣ ея маленькую, теплую и дрожащую ручку, чувствовалъ, что, потушенное сѣрымъ, сырымъ утромъ, его вчерашнее свѣтлое чувство снова разгорается и овладѣваетъ имъ. И темнота, и тревожные стоны раненыхъ, доносившіеся откуда-то сюда, и эта тоненькая дѣвушка съ сияющимъ отъ слезъ глазами, и бѣлая повязка съ краснымъ крестомъ у ней на рукѣ,—все это было новое, огромное и трогательное. И Николаю Ивановичу сильно хотѣлось обнять сестру за ея худыя, вздрагивающія плечи и плакать вмѣстѣ съ ней, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни не стыдясь, какъ слабости, своихъ слезъ. Онъ крѣпко пожалъ ея руку и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Идемте, идемте... Они ждутъ...

Они проходили темнымъ, длиннымъ коридо-

ромъ, гдѣ сильно и рѣзко пахло карболкой и куда въ темноту вползали чьи-то стоны:

— О-о!.. о-о-о!..

— Изъ такъ много, такъ много... говорила сестра.—Что мы можемъ сдѣлать?..

Въ комнатѣ, черезъ которую они проходили, па койкахъ поставленныхъ въ поларшиза другъ отъ друга и прѣхъ на полу, на какихъ-то тѣсякахъ, обрызганныхъ чѣмъ-то липкимъ, краснымъ,—лежали съ измученными, блѣдными лицами раненые и стонали...

— Сюда, сюда, докторъ! дергая Николая Ивановича за рукавъ, звала молоденькая сестра. И провела его въ операционную.

На простомъ деревянномъ (раньше онъ стоялъ въ кухнѣ) столѣ, въ свѣтѣ, падающемъ отъ окна, дергаясь лежалъ какой-то человѣкъ—„вѣроятно рабочий“, подумалъ Николай Ивановичъ,—и хрипло отрывисто стоналъ...

Его начали раздѣвать. Бѣлое, мускулистое и сильное тѣло конвульсивно вздрагивало и билось, а въ животѣ видѣлась маленькая, пулевая ранка.

— О-о-оставьте!.. О, Господи!.. заскрежеталъ зубами раненый и мучительно застоналъ. Николай Ивановичъ сбросилъ сюртукъ, засучилъ рукава и началъ работать.

Было, вѣроятно, уже довольно поздно, потому что стемнѣло и зажглись огни, когда онъ, усталый и измученный, бросилъ инструменты и уступилъ свое мѣсто новому товарищу. Съ чувствомъ огромной слабости и тупого равнодушія онъ шелъ темнымъ коридоромъ въ докторскую, когда кто-то въ сосѣдней комнатѣ вдругъ закричалъ истерическимъ голосомъ:

— Они оторвали ему голову!.. Ха-ха-ха!..

И опять все смолкло. Только попрежнему отовсюду неслись жалобные, тихіе стоны. Придя въ докторскую, Николай Ивановичъ вымылъ испачканныя руки и устало опустился въ кресло. Огня не зажигали, и въ комнатѣ было темно. Неслышные тамъ, за стенами, здѣсь ясно громыхали отдаленные пушечные выстрѣлы. А онъ сидѣлъ, закрывъ глаза, охваченный какою-то странной, тяжелой тоской.

И казалось ему, что онъ идетъ по незнакомой, длинной, очень узкой улицѣ, съ огромными сѣрыми домами, а впереди всюду лежатъ набросанные другъ на друга мертвые люди, и у всѣхъ у нихъ одно лицо рабочаго, которому онъ дѣлалъ сегодня операцію. А внизу, на мостовой все красно, и нельзя разобрать кровь это, или солнце заходить...

Кто-то съ толстой, смѣющейся мордой наклоняется къ нему, смотритъ своими мертвыми глазами, хоочетъ и кричитъ громкимъ, истерическимъ голосомъ:

— Они оторвали ему голову! Ха-ха-ха!..

Онъ вздрогнулъ и очнулся: кто-то кричалъ въ коридорѣ. „Что это со мной, кошмаръ?“ думалъ Николай Ивановичъ и, стараясь притти въ себя, провель рукой по лицу, вынулъ кожа-

ный портсигаръ и закурилъ папирску. Ярко вспыхнула спичка, и отъ свѣта разступился кругомъ таинственный мракъ, задрожалъ и опять сгустился. Спичка погасла. Никогда раньше не испытывалъ Николай Ивановичъ такого наслажденія отъ папирсы. Онъ затягивался глубоко и сильно. Въ комнатѣ запахло табакомъ, и Николай Ивановичъ вспомнилъ свой уютный, теплый кабинетъ, и теперь ему страстно захотѣлось попасть домой. Онъ закрылъ глаза и представилъ себѣ маленькую, милую гостиную, освѣщенную нѣжными свѣтомъ лампы подъ розовымъ абажуромъ, Шурочку, склонившуюся надъ роялемъ... И откуда-то тихо-тихо, точно издалека, стали приближаться, расти и окутывать его мягкіе, поющие звуки знакомаго вальса. Папирска выпала у него изъ рукъ, рассыпалась золотыми искорками и погасла. Онъ задремалъ.

— Докторъ! Что вы, докторъ? Спать бѣдняга...

Надъ нимъ стояла сестра и, осторожно трогая его за плечо, говорила:

— Да идите же домой... А на ночь мы васъ ждемъ...

— Что еще, что вамъ нужно? открывая глаза, спросилъ Николай Ивановичъ и, вдругъ вспомнивъ, гдѣ онъ, торопливо поднялся и сказалъ:

— А я, кажется, задремалъ... Ну что?

— Идите, докторъ, домой, а потомъ приходите.

Онъ простился и пошелъ. Въ передней онъ долго не могъ попасть въ рукавъ пальто, потому-что гдѣ-то, совсѣмъ рядомъ, навзрыдъ плакалъ какой-то человѣкъ. И точно отвѣчая ему, сдѣ-то стонали раненые.

VII.

Ночь плакала.

Двигались низкія, черныя тучи; частые, мокрые хлопья свѣга бросали онѣ въ мглистую тьму; а упругій, сырой и холодный вѣтеръ ловилъ ихъ и качая опускалъ на землю. Стоялъ туманъ. И большіе каменные дома, деревья, заборы, скользкіе тротуары,—все было покрыто его липкой влагой.

Послѣ тепла и яркаго свѣта прихожей Николай Ивановичъ сразу попалъ въ сырой, холодный мракъ ночи.

На улицахъ было пустынно. Только иногда торопливымъ, испуганнымъ шагомъ проходилъ случайный прохожій, или спѣша проѣзжалъ куда-то одинокій извозчикъ. Иногда то тутъ, то тамъ раздавались одинокіе, яркіе выстрѣлы. И было такъ жутко, что Николай Ивановичъ, осторожно пробираясь по тротуару, невольно сталъ думать о томъ, что его могутъ убить. Какъ ни гналъ отъ себя эту мысль, она не уходила и властно, тревожно забиралась въ сердце. Но умереть теперь ему казалось чудовищнымъ и невозможнымъ. Ничего не было

невозможнаго, и онъ прекрасно зналъ это,—въ томъ, что его убьютъ, такъ какъ стрѣляли гдѣ-то близко, позади и впереди его. Но умереть теперь, когда передъ нимъ открылась новая страница жизни, когда все сдѣлалось по новому дорогимъ, а впереди было такъ много важнаго и нужнаго,—умереть было невозможно, дако, ужасно!..

И самая мысль о смерти была невыносимо противна. Стараясь отогнать ее, онъ поднялъ опущенную голову и посмотрѣлъ впередъ: гдѣ-то на поворотѣ, въ окнѣ громаднаго, темнаго дома сіялъ маленькій, трепетный огонекъ; вѣроятно горѣла свѣчка. И глядя на этотъ огонекъ, Николай Ивановичъ думалъ: „Если я дойду до того большаго дома и свѣча не потухнетъ, значитъ, меня не убьютъ, а если...“—Ахъ, какъ глупо, глупо! вслухъ прошепталъ онъ, ускоряя шаги. Никогда такъ сильно не хотѣлось ему попасть домой. И вспоминая о домѣ, онъ думалъ, что Шурочка, вѣроятно, ждетъ его и безпокоится. Онъ жалѣлъ, что не разбудилъ ее утромъ и не сказалъ, куда уходитъ. И спѣша домой, онъ, незамѣтно для себя, увеличивалъ шаги, и теперь уже не шель, а почти бѣжалъ. И вдругъ изъ-за угла большаго каменнаго дома сверкнула тоненькая, огненная полоска, что-то дрогнуло,—и Николай Ивановичъ почувствовалъ, что онъ валится. Падая на землю, онъ помнилъ еще, какъ неловко и непослушно подвернулась правая нога и стало очень больно. Онъ хотѣлъ поправить ее, приподнялся и со стономъ упалъ на прострѣленный бокъ. И въ немъ мелькнули еще послѣднія мысли:

„Въ меня выстрѣлили?... Я умираю... О-о! Какъ больно!!“

Потомъ онъ вытянулся, сжалъ зубы, и судорожно взмахнувъ въ послѣдній разъ правой рукою, замеръ...

Кругомъ стояла холодная, темная ночь. Мокрый свѣгъ началъ крутись падать на его лицо и таять на немъ. А въ окнѣ попрежнему, борясь съ мглой, горѣлъ яркій огонекъ жизни.

VIII.

Его принесли. Въ передней долго возились, тяжело топали, и слышались незнакомые, испуганные голоса...

— Паша, что тамъ такое? крикнула Александра Васильевна.

Паша вбѣжала блѣдная, встревоженная и задыхающимся голосомъ крикнула:

— Барига принесли... Убили!

Дрожащая, испуганная Шурочка бросилась въ переднюю. Но его уже пронесли въ кабинетъ. И когда она задыхаясь вбѣжала туда,—увидала его мертваго на диванѣ. Онъ такъ и лежалъ, какъ его принесли, въ шубѣ и калошахъ; а молодое, красивое и такъ недавно еще полное жизни лицо выражало страданіе, боль и безпредѣльный, мертвый ужасъ.

Взглянувъ на него, Шурочка почувствовала, какъ что-то невыносимой болью сдавило ей сердце, куда-то поплыла комната, утѣшающая ее Паша, она бросилась, обхватила его ноги, и страстно пѣлая ихъ, закричала безумнымъ, страшнымъ голосомъ:

— О, милый!.. милый!.. милый!..

ТРИ КЛАДБИЩА.

1.

За городомъ раскинулись три кладбища: старое, новое и третье.

Городъ жилъ шумно, жилъ страшно, и окрестной своей, тонувшей въ отчаяніи, вѣчно испуганной, вѣчно ждавшей ужаснаго, какъ щитомъ закрывался отъ мертвыхъ, молчаливыхъ полей трехъ кладбищъ. И когда въ городѣ умиралъ довольный, — черезъ окраину везли его къ мертвымъ, молчаливымъ полямъ.

Старое кладбище съ широкими зелеными, привѣтливыми воротами и каменной оградой было мирнымъ и спокойнымъ. Давно уже здѣсь не хоронили, никогда здѣсь не рыдали, и прозрачный, ясный воздухъ его не потрясали тоскующіе звуки торжественныхъ отпѣваній, скромныхъ отпѣваній... Навѣщали кладбище старики и старухи, сгорбленные, съ узловатыми пальцами на рукахъ, уставшіе плакать, уставшіе вздыхать, ходившіе шаркающими шагами, — всѣ перекипѣвшіе, всѣ добрые, добрые. Какъ бабочки на лугу, или какъ дѣти въ лѣсу беззаботныя, рассыпались съ утра старые мужчины, старые женщины въ старомодныхъ одеждахъ, и кладбище принимало ихъ ласковое, успокоенное, и всѣ молчали: старики, и старухи, и ветхія деревья, и старая трава, и мохъ на камняхъ... Пустынная улица хитро заглядывала черезъ ограду и видѣла разбросанные холмы похороненныхъ камней и къ нимъ, прижавшись въ нѣмой мольбѣ, стояли вѣчные люди, уже на людей непохожіе... Какъ будто изъ пропасти въ высоту, всѣ, покорно и сложивъ руки молитвенно на груди, шли вверхъ, всѣ поднимались вверхъ, къ первому небу, и ко второму небу, и къ третьему небу, — такъ до седьмого.

Но новое кладбище, какъ мать охватившее полукольцомъ старое, было тревожнымъ и печальнымъ. Какъ будто дыханіе страданія оживало съ первыхъ рядовъ памятниковъ и, чѣмъ дальше въ глубь, становилось болѣе глужимъ и острымъ, — спокойствія здѣсь не было. Словно измученные долгой болью, со скрежетомъ и жестомъ безсилія, скакали памятники черезъ могилы и свѣжіе холмы, каждый въ объятіи своей смерти. И пожилые мужчины, солидные въ городѣ, и пожилыя женщины, почтенныя въ домахъ, скакали за ними, потрясая плечами отъ рыданій, отъ жалости, отъ ужаса, отъ скорби; и было все вмѣстѣ, и звуки, и люди, и камни, —

съ ней сдѣлался обморокъ. И ее, неподвижную, отнесли на кровать и послали за докторомъ. Къ ночи начались родовыя боли и стоны... Но потомъ все стихло, стало мертво.

Призракъ, стоявшій въ мглистомъ воздухѣ, опустился надъ домомъ и овладѣлъ имъ...

Александръ Истоминъ.

подобно гимну страха или ненасытимой жалобѣ кому-то на міръ, на жизнь, на любовь... И молчаливая улица, хитро заглядывавшая черезъ ограду, видѣла крылатые памятники, какъ драконы свирѣлые, съ вырывающимся огнемъ изъ ноздрей ихъ и ртовъ, и преображенныхъ болью и скорбью людей, въ мольбѣ прижавшихся къ нимъ, и всѣ снизу вверхъ, какъ изъ пропасти въ высоту, всѣ сколько ихъ было, летѣли вверхъ: къ первому небу, и ко второму небу, и къ третьему небу, — такъ до седьмого...

Тамъ же, гдѣ хоронили молодыхъ, цвѣтущихъ, ярко жаждавшихъ, гдѣ хоронили сегоднешнихъ и вчерашнихъ, гдѣ подъ разрыхленной землей замирали послѣднія гнѣвные движенія костей и мышцъ, — тамъ было грозно и прекрасно. Тамъ курганами поднимались братскія могилы, красныя могилы; печали висѣли въ воздухѣ и на курганахъ лежала печаль. Слезы висѣли въ воздухѣ, проклетія висѣли, и гнѣвъ, словно левъ, неся среди высокихъ могилъ и низкихъ могилъ, рыскалъ по мертвымъ аллеямъ, выскакивалъ изъ глазъ плачущихъ, прекрасный левъ возмущенія и ненависти, — цѣлые дни кричали его стоны, и кто-то радовался имъ, чьи-то бодрые глаза улыбались, чьи-то уста тихо шептали: „Кричи, прекрасный левъ, зови, прекрасный левъ, — зови!“

Кричи, прекрасный левъ, зови, прекрасный левъ! И онъ кричалъ, зывалъ; сливались всѣ ненависти въ одну ненависть, всѣ гнѣвы въ одинъ гнѣвъ; и пустынная улица, хитро заглядывавшая черезъ ограду, видѣла красный лѣсъ могилъ, прижавшихся къ нимъ въ гнѣвъ людей, и все, и памятники, и люди, и могилы, — какъ изъ пропасти въ высоту, угрожалъ вверхъ: и первому небу, и второму небу, и третьему небу, — такъ до седьмого... Опускала голову пустынная улица и безшумно ползла кольцомъ вокругъ трехъ кладбищъ къ окраинѣ. Тамъ хищная поднимала голову и раскрывала беззубую пасть. Тянулася изъ города дроги за дрогами, везя мертвыхъ на своихъ жесткихъ, деревянныхъ плечахъ и укачивая трупы ярко жаждавшихъ. Тянулись дроги за дрогами... Поднималась улица, дѣвольная, и тихо ползла за ними до трехъ кладбищъ; тамъ покидала ихъ и ползла назадъ, снова жадная, раскрывала пасть и поджидала новыхъ. И когда насыщалась, ложилась вѣрнымъ песомъ у кладбищъ и засыпала до утра.

За городомъ раскинулись три кладбища...

Шапочникъ Клангъ съ женой Эвой и шестнадцатилѣтней дочерью Марой жили въ крайнемъ домикѣ окраинной улицы. Изъ ихъ квартиры открывался видъ на пустынный, мертвый поля; и въ ясный, солнечный день такъ отчетливо видны были памятники трехъ кладбищъ, словно они стояли въ комнатѣ. Когда же наступала осень, поля поглощались туманами, и изъ оконъ ничего не было видно. Тогда дѣвушка Мара выходила за ворота и тоненькая, стройненькая, скрестивъ руки на груди,—прележно выглядывала дроги, тянувшіяся изъ города... Шли черныя лошади, не спѣша выдувая шаръ изъ ноздрей, серьезно уставивши глаза въ землю, которая ихъ приметъ; шли черные люди съ серебрянными позументами на шляпахъ, на рукавахъ, скучные черные люди, которымъ все равно; какъ черное, погасшее око лежалъ гробъ, позади еле передвигались мужчины и женщины, но все было красиво черной красотой и для Мары торжественно и прелестно. Ничего близкаго это не имѣло съ жизнью, съ безпокойствомъ, не слышно было ни криковъ, ни разговоровъ, все молчало красиво, торжественно, прелестно, и каждая погода была чудной рамой для уходящихъ... Передвигались дроги, тихо топали лошади и люди по влажной землѣ, и казалось, надъ ними повисли ангелы, трубившіе въ длинныя, тонкія трубы, миловидные ангелы, скрестившіе ноги и откинувшіе ихъ назадъ. Не выносила Мара тягостной радости, забѣгала въ комнату и громко кричала всѣмъ:

— Умирають, умирають, умирають!

Зимой или лѣтомъ было еще лучше. По пустынной улицѣ, занесенной снѣгомъ, ярко бѣлымъ, или по сухой, теплой землѣ умершіе перепосились такъ быстро, что, казалось, они пролетали; и Мара, глядя на нихъ въ окно, виновато вскакивала и снова радостно возвѣщала:

— Умирають, умирають, умирають!

Такъ хорошо было, что три кладбища стояли у окна, такъ хорошо! Въ лунныя ночи всѣ три съ мертвыми, молчаливыми полями, какъ будто придвигались къ домику и, точно въ зеркалѣ, преобразенныя, ясныя, дальнія и близкія блистали до утра иной бѣлизной памятниковъ и красотой земли, и манили и звали... Отецъ и мать спали, дѣдъ Бейръ о чемъ-то вздыхалъ, и это было печально, а она глядѣла на три кладбища, все видѣла что тамъ и переговаривалась съ мертвыми полями и памятниками. Какъ будто изъ могилъ выходили люди и рассказывали о нездѣшной жизни, счастливой, желанной, и она уже видѣла ее... Съ ужасомъ Мара оглядывала окружающее: бѣдные домики, въ горѣ спавшихъ людей и спрашивала себя:

— Зачѣмъ я здѣсь?

Такъ хорошо было, что три кладбища стояли у окна, такъ хорошо! Вставала она рано и выходила изъ дому... Отецъ кивалъ головой,

старой, некрасивой, загнанной головой, и мать кивала головой... Мара уходила весело, и въ окно ее видѣли бѣжавшей, мелькавшей долго, подобно живому, ходящему деревцу или тростнику. У стѣны стараго кладбища Мара оставалась. Вилось ся сердце... Здѣсь ссорены ея мечты, вся любовь ея къ тихой жизни, чистой, безгнѣвной. Ни слезъ, ни стонувъ, ни кроваваго пота на лбу, ни бездоннаго ужаса. Во всемъ правда, какъ небо ясно, какъ памятники бѣлы... Хорошо на кладбищѣ: вѣтеръ, солнце, облака,—хорошо на кладбищѣ!

Черезъ стѣну Мара видѣла могилы, прибитыя лопатой горки земли; всѣ улыбались ей, всѣ таинственнымъ языкомъ молчанія рассказывали о счастьѣ людей, лежавшихъ здѣсь, о прекрасной жизни тѣхъ, что ушли отъ земли, отъ земного отчаянія, отъ земной неправды и каждая звала ее къ себѣ: „Приди, приди!“ И на зовъ она загадочно улыбалась:

— Я приду, я приду!..

На самомъ кладбищѣ она углублялась въ чащу памятниковъ, выбирала иногда самые красивые, иногда самые старые, усаживалась подлѣ, опускала голову и смотрѣла въ землю... И когда приходили изъ города и изъ окраины старики и старухи, она съ нѣжной завистью шла за этими, которые скоро умрутъ, безотчетно плакала, и радостно становилось въ ея душѣ отъ того, что помучившись въ жизни, какъ отецъ и мать, какъ люди, она станетъ увядать и умереть, умереть...

Не спѣша переходила она отъ одного памятника къ другому и, когда уставала, опять садилась на землю, срывала травку и, покусывая ее, тихонькая и серьезная, оглядывала кладбище. Всѣ могилы были ей знакомы и она какъ бы кланялась каждой.

— Здравствуй дѣдушка Фавль, здравствуй дѣвочка Бетя, здравствуй бабушка Гитель!..

Милыя голы ее окружали, старики помолдѣвшіе за гробомъ и дѣти возмужавшіе... Всѣмъ имъ она съ грустью жаловалась, что еще должна жить, и они понимали ее и серьезно соглашались:

— Въдъ ты еще должна жить, да должна жить!..

И всѣ плакали отъ скорби, отъ состраданія, что такая молоденькая, хорошая, чистая дѣвушка должна прожить десятки лѣтъ и страдать на землѣ, когда такъ хорошо наверху въ царствѣ Божьемъ,—и она плакала съ ними.

Углублялась Мара дальше, гдѣ стояли еще могучіе, сохранившіеся памятники, поднималась по лѣстничкамъ и прочитывала золотыя надписи на бѣлыхъ камняхъ. Почтенные люди лежали здѣсь, святые люди лежали здѣсь! Совсѣмъ ребенкомъ она себя чувствовала, испуганная глядѣла въ землю, и все видѣла Мара, все видѣла... Всѣ мечты ея, наивныя и странныя, всѣ жажданія высшихъ радостей раскрывались тутъ, и несмѣло молила она кого-то, котораго здѣсь не было:

— Возьми меня къ себѣ, возьми...

Пробѣгали тѣни нездѣшнихъ вещей, красиво уродливыя и въ тлѣнии прекрасныя, вставали гдѣ то умершія птицы, ради людей убитыя, и всѣ существа, убитыя ради людей, и всѣ надломленные и всѣ напрасно замученные,—вереницей проходили мимо нея и, скрываясь въ чащѣ памятникѣвъ, радостно пѣли о томъ, какъ хорошо подѣ землей, и какъ черезъ землю всѣ шли—къ первому небу, ко второму небу, къ третьему небу, до седьмого... И пѣли о томъ, что вверху, на седьмомъ, на тронѣ изъ золота сидитъ Вѣчный и ласково говоритъ приходившимъ:

— Ступайте направо въ мое царство: помучились вы довольно.

Плакала Мара, одинокая, среди мертвыхъ одна живая, что долго ей еще страдать на землѣ, пока позоветъ ее Вѣчный къ себѣ и скажетъ:

— Ступай Мара направо, въ мое царство: намучилась ты довольно!

Кладбище! Трава, земля, небо, кладбище! Что же тамъ, за стѣнами было лучшаго, чѣмъ этотъ городъ съ бѣлыми домиками и маленькими улочками?..

На новомъ кладбищѣ отпѣвали счастливыхъ, и трагически сладостные голоса хора, словно огненные крылья, поднимали душу вверху, въ безпредѣльный просторъ, гдѣ, какъ рогъ утренней луны, желтый, колыхался тронъ Вѣчнаго, Стараго, всѣхъ любившаго, всѣхъ прощавшаго. Почему же они плачутъ? По комъ они тоскуютъ? Почему они гнѣвны? И мелькая, какъ духъ, Мара неслась среди камней, одна влюбленная, одна понявшая, здѣсь улыбаясь, тамъ обнимаемая памятники, и было ей весело. Марѣ на кладбищѣ было весело...

3.

Утро свѣтлое и теплое. Въ тихихъ домикахъ раскрываются ставни. Хлопотливо мелькаютъ въ окнахъ дѣвушки и женщины. Мужчины становятся на утреннюю молитву. По мертвымъ, пустыннымъ полямъ чернымъ облакомъ кружатся галки и закрываютъ солнце. Потомъ вереницей тянутся къ городу и скучно смотрѣть на нихъ. Утро ясное и какъ будто спокойное. Три кладбища утопаютъ въ золотѣ, три кладбища зовутъ: „Поспѣшите къ намъ, утро едва началось, утро едва началось!“

Дѣдъ Бейръ попросился на улицу посидѣть на солнцѣ. Такъ онъ просилъ. Онъ тепло одѣтъ. На плечахъ у него толстое одѣяло, на шеѣ красный, вязанный шарфъ въ два аршина длинны. Онъ нахлобучилъ шапку на глаза.

— Ну! вынесемъ его! сказалъ Клангъ, мигнувъ Марѣ.

Мара понесла ноги дѣда. Какъ сокровище несла она ихъ и улыбалась ему...

— Хорошо тебѣ, дѣдъ Бейръ,—вотъ ты хмуришься и мяѣ страшно? Хорошо тебѣ, дѣдъ Бейръ?

Клангъ съ острой бородкой и прозительными глазами, напрягши мышцы, съ трудомъ дышалъ.

— Тяжелый ты сталъ, Бейръ... Ой, гой! я уже знаю, отчего ты такой тяжелый.

И подмигивалъ своей Эвѣ, тонкой и длинной, старой и печальной:

— Ой, гой! ненадолго хватить Бейра. Вотъ то-то, вотъ то-то!

А Бейръ молчалъ, какъ камень или какъ мудрецъ, и лицо его было равнодушнымъ... Онъ былъ чудной, всегда молчалъ, отчего молчалъ,—никто не зналъ, а когда говорилъ, говорилъ коротко, но сильно и прекрасно. Такъ казалось всѣмъ. Никто не зналъ откуда онъ, гдѣ прожилъ жизнь, какъ провелъ ее. Пришелъ онъ въ окраину съ палкой въ рукахъ, поселился у шапочника Кланга, и всѣ рѣшили, что такъ оно должно было быть. Съ широкой, курчавившейся бородой былъ Бейръ, очень сѣдой; не расчесывалъ бороды никогда, и каждое колечко волосъ жило своей жизнью. Носъ у него былъ съ горбинкой. Глаза ясные, все рѣшившіе. А на головѣ снова пышные, очень сѣдые волосы надъ прямымъ, крѣпкимъ лбомъ. И всѣ говорили: „У дѣда Бейра львиная голова...“

— Ну вотъ, опять утро, сказалъ Клангъ высокимъ голосомъ и потирая руки,—опять утро! Почему Бейръ? Сейчасъ Клангъ пойдетъ шапки дѣлать, а отвѣта нѣтъ.

Онъ уперся какъ ребенокъ: „Почему Бейръ?“ Бродила у него въ головѣ какая-то упрямая, злая мысль, точила мозгъ и не отставала. Остался онъ, чтобы посмотрѣть солнцу, и вотъ, когда взглянулъ на него, тотчасъ же пришла мысль:

— Ну, Бейръ? Какъ же? Шапки ждутъ! Лежатъ шапки, какъ дѣти безъ молочка, и спрашиваютъ: гдѣ работникъ Клангъ, гдѣ несчастный работникъ Клангъ?..

— Ступай отецъ въ комнату... съ отчаяніемъ попросила Мара.

— Я пойду, Мара, но пусть онъ скажетъ! Пусть скажетъ!.. Вотъ такъ, Бейръ, я вижу: тамъ шапки, а тамъ камни, да, камни! А тамъ жирные люди и повсюду худые люди,—видишь, Бейръ? Всѣ говорятъ, спорятъ, бьютъ, толкаются, и что еще дѣлаютъ? И что еще дѣлаютъ? А я въ серединѣ, какъ ось въ колесѣ!..

Свѣтило солнце ярко, ослѣпительно ярко; бѣдный человѣкъ стоялъ внизу: онъ ждалъ, а правды все не было... Бейръ съ усиліемъ поднялъ свою тяжелую, желтую руку, взялъ въ нее бороду и, глядя солнцу прямо въ глаза, думалъ...

— Скажи, Бейръ... просилъ Клангъ.—Что-то и спалъ скверно, и сны были скверные, и дрожу какъ собачка на холодѣ... Эва моя тоже, она тоже!..

Теперь словно въ огнѣ горѣли три кладбища. Какъ мирно пасущіеся, золотые

коня, стояли они, повернув головы и кроткіе глаза сюда. А галки стальми кружились вверху и будто надъ ними смѣялись своимъ страннымъ смѣхомъ: „Кра-кра-кра-кра!“

— Видишь, Клангъ... не спѣша сказалъ Бейръ, закрывъ глаза.—Видишь ли. Всѣ деревья должны вѣдь сравниться. Это ничего, что одно выше, а другое ниже... Высокое опустится, невысокое поднимется. Всѣ должны сравниться...

— Высокое опустится... невысокое поднимется! невольно и не понимая почему повторила Мара.

— Ну, такъ я доволенъ, Бейръ... быстро и рѣшительно пробормоталъ Клангъ.—Сравнится! Ты такъ сказалъ, Бейръ? Наверно? Теперь спокойно пойду работать. Я доволенъ...

Пятясь и кланаясь и глядя на три кладбища, онъ исчезъ въ воротахъ. А Мара усѣлась на скамеечкѣ близко къ Бейру, чтобы ему удобно было гладить ее голову. И онъ тотчасъ же положилъ свою тяжелую, толстую руку на ее голову и закрылъ глаза. Мара сидитъ неподвижно, чутко... Дѣдъ думаетъ, и кажется Марѣ, что черезъ теплую, пухлую руку текутъ его мысли къ ней и она знаетъ, о чемъ онъ думаетъ. Теперь онъ думаетъ, что скоро умретъ. Да, умретъ! Ему будетъ удобно въ мо.илѣ. Онъ раскинется широко на землѣ, и руки широко, голову, какъ захочетъ—и будетъ лежать и посмѣиваться надъ тѣми, которые остались.

— А я все буду жить, дѣдушка? Тебѣ хорошо, а я останусь? Такъ ясно вижу, какъ пойду направо отъ Вѣчнаго, и всѣхъ радостныхъ встрѣчу и всѣхъ веселыхъ. Зачѣмъ мнѣ жить, и почему мнѣ жить?

Она долго ждала отвѣта. Дѣдъ молчалъ, словно спалъ. Показались дроги, и улица ожила. Шли спокойно черныя лошади, черныя люди...

— Умираютъ, дѣдушка, крикнула Мара,— умираютъ!

— Вижу... отвѣтилъ Бейръ и съ трудомъ повернулъ голову.

— Ну, а я, а я?

— Ну такъ что же? спросилъ дѣдъ.

Она нахмурилась...

— Видишь ли, дѣдушка, ей шестнадцать лѣтъ! Да, ей шестнадцать лѣтъ! Разсказать ли тебѣ, дѣдушка? Есть работникъ Кройнь... Онъ любить ее. Ты не спишь, дѣдушка? Есть работникъ Кройнь, молодой и такой смѣлый, такой смѣлый... Она любить его. Ты слышишь, дѣдушка? Онъ приходитъ и зоветъ ее. Но вотъ, дѣдушка, она царство Божіе любить еще больше, чѣмъ Кройна... Ты не спишь, дѣдъ? Иногда ночью она къ нему выходитъ. Они гуляютъ, держась за руки. Онъ говоритъ о городѣ и зоветъ ее въ городъ; а она говоритъ о кладбищахъ и тянетъ его къ кладбищамъ... Они не уступаютъ другъ другу. Да, не уступаютъ...

— Ну такъ что же? спросилъ дѣдъ.

— И умереть хочу, дѣдъ, и любить хочу...

Онъ сдѣлалъ серьезное лицо, а потомъ долго смѣялся... „И умереть хочу и любить хочу...“ Вотъ чего дѣвушкѣ захотѣлось! А можетъ быть, такъ и будетъ, а можетъ быть...

Тянулись дроги за дрогами, люди за людьми. Опять появились галки. Отъ нихъ небо стало чернымъ. Утро было свѣтлое, полдень туманнымъ...

4.

Вечеромъ выпалъ снѣгъ. Изъ комнаты онъ казался розовымъ, багровымъ, синимъ. Мара стояла у окна и выглядывала въ поле. Три кладбища мерещились ей. Сѣвось съѣтъ слѣпыхъ хлопьевъ, бессмысленно вжившихся, бессмысленно падавшихъ, она видѣла пляшущіе памятники. Ей было грустно...

Клангъ ужиналъ, а Эва прислуживала ему. Въ комнатѣ было тускло, словно весь свѣтъ отъ лампы уходилъ въ поле. Въ углу лежала горка шапокъ. Изъ сосѣднихъ квартирокъ доносились возня и плачь и ругань. Было жутко и отъ черныхъ полей, и отъ кладбищъ, и отъ того, что кругомъ жили беззащитные, слабые люди...

— Теперь, Бейръ, сказалъ Клангъ, переставъ ѣсть,—добрый вечеръ!

— Хорошо... отвѣтилъ Бейръ серьезно.—На дворѣ снѣгъ, но... добрый вечеръ.

— Послушай, Клангъ... дрожащимъ голосомъ попросила Эва...

— Видишь ли, Бейръ, говорилъ Клангъ, не слушая жены,—вотъ я беру стаканъ съ водой, переливаю воду въ другой, а изъ другого переливаю въ первый... Такова жизнь! Къ чему это?

— Да, къ чему это? со страхомъ повторила Мара, прислушиваясь.

— Послушай же Клангъ... настаивала Эва.— Вотъ ты говоришь, а ночью опять проснешься... Сядешь на кровать и будешь плакать...

Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее, поднялся и, качая головой, подошелъ къ горкѣ шапокъ.

— Гдѣ работникъ Клангъ? произнесъ онъ.

— Гдѣ несчастный работникъ Клангъ?

— Онъ здѣсь, онъ здѣсь... пѣвуче отвѣтила Эва, вертясь по комнатѣ.

Лицомъ къ свѣту сѣлъ Клангъ и сталъ вдѣвать въ иголку нитку. Завтра будетъ еще день, но кто знаетъ какой?

— Вотъ, произнесъ онъ, взявъ шапку въ руки,—когда придѣть ночь, я и вижу лучше и слышу лучше... Зачѣмъ, Бейръ, держать глаза закрытыми? Съ неба падаетъ снѣгъ, розовый какъ кровь козленочка, три кладбища смотрятъ на насъ, на всѣхъ, на дома; поля плачутъ какъ дѣти; а я вижу лучше и слышу лучше.

— Вотъ ты какой! съ упрекомъ перебила его Эва.—Три кладбища! Къ чему вспоминать о нихъ? Поговоримъ о свѣтлыхъ домахъ. Гдѣ-нибудь вѣдь поютъ, и играютъ, и танцуютъ...

— Мы не можемъ... съ усиленіемъ отвѣтилъ Бейръ, борясь со сномъ.—Сломанное сердце, сломанныя руки, усталыя ноги... Мы не можемъ!

— Я вижу лучше... упрямо говорилъ Клангъ, загадочно глядя на лампу.—Играютъ или поютъ, или работаютъ и кричатъ,—я спрашиваю: къ чему это? Встаютъ жены, просыпаются дѣти. Спрашиваютъ о деньгахъ... Покупаютъ хлѣбъ... Къ чему это? Подиваются все слезами. Къ чему это?

Онъ придвинулся къ столу и началъ быстро работать, смахивая слезы въ глазахъ движеніемъ вѣкъ. Бейръ уже спалъ. Эва, почесавъ спящими въ вискахъ, принялась вязать чулокъ. Ночь ползла медленно, какъ колесница съ мертвыми... Куда идетъ ночь? Кто скорбный поджидаетъ ее? Чьи близкіе глаза упорно смотрятъ въ даль? Кто выйдетъ навстрѣчу и нѣжно скажетъ: „Здравствуй, ночь, я люблю тебя, ночь!“

„Онъ пришелъ“, подумала Мара, вздрогнувъ...

Не спѣша она поднялась и оглянулась. Если бы вдругъ разлетѣлся, какъ дымъ! Если бы не родиться! Въ смятеніи она набросила на себя шаль и открыла дверь. Все падалъ свѣтъ, бессмысленно кружился... Впереди и кругомъ низенькіе домики, похожіе на тьму, и въ оконцахъ люди, жалкіе люди. О близкіе, о дорогіе! Въ огнѣ печали и страданія всѣхъ ихъ она видѣла, всѣхъ ихъ ткущихъ узоры своей смерти, поверженныхъ внизъ, на ледяную землю. Всѣхъ ихъ праведныхъ, замученныхъ, ослѣпшихъ въ черныхъ облакахъ жизни она видѣла и трепетныя судороги уйти вверхъ, къ теплому небу. Ихъ сердце она знала... Ихъ мольбы она знала... О люди, о дорогіе!

Она вышла на улицу и сказала Кройну просто:

— Я ждала тебя, Кройнь... Пойдемъ къ кладбищамъ.

Какъ слѣпая, она взяла его руку, и такъ они пошли вмѣстѣ съ хлопьями снѣга къ пустыннымъ, мертвымъ полямъ.

— Я ждала тебя, говорила Мара, прижимаясь къ нему,—потому что люблю тебя...

— Я пришелъ за тобой... сказалъ Кройнь.—Городъ пылаетъ. Тамъ нужны люди съ крѣпкими сердцами, съ славной ненавистью.

— Я не пойду, Кройнь...

— Каждый разъ ты отвѣчаешь—нѣтъ. Почему? Всѣ юноши и дѣвушки уже вышли изъ домовъ. Они идутъ впередъ...

— Я пойду на кладбище, Кройнь. Я люблю тебя, но я пойду на кладбище...

— Что же я скажу своимъ, Мара? Я приду и меня спросятъ: „А гдѣ твоя дѣвушка, Кройнь?“ Я отвѣчу: „Моя дѣвушка пошла на кладбище.“ Падо мною будутъ смѣяться. Посмотри на городъ: тамъ разгорается пламя, тамъ разгорается пламя...

Онъ сжималъ ея руки, молилъ, а ова спрашивала непонимавшая:

— Къ чему это?

— Я хочу къ Нему... говорила она.—Ты понимаешь, Кройнь,—къ Нему. Что жизнь здѣсь? Я вижу однихъ печальныхъ, однихъ проклятыхъ, и имъ нужно туда... Они придутъ, и Вѣчный спроситъ ихъ: „Кто вы?“ Они скажутъ: „Вотъ такіе и такіе мы, а есть еще худшіе, что веселятся и танцуютъ, и такіе, что только стонутъ, и такіе, что не убивая убиваютъ“. Онъ скажетъ: „Знаю о нихъ, они придутъ ко мнѣ"... И такіе, какъ ты, Кройнь, есть! Онъ скажетъ: „И объ этихъ знаю,—они придутъ ко мнѣ"... Всѣй придетъ къ Нему, Кройнь. Пойдемъ на кладбище, на старое... Постоимъ у могилъ. Поплачемъ...

— А на третьемъ кладбищѣ ты была? вдругъ спросилъ Кройнь.

— Никогда, Кройнь, но чувствую, что приду туда.

— Если увидишь меня тамъ, придетъ ли въ городъ? Вотъ это скажи мнѣ. Я буду лежать со многими молодыми, стройными какъ сосны и со старыми, крѣпкими какъ дубы...

— Кройнь, Кройнь!

— Приходи въ городъ умереть ради людей. Тогда сорвутся крыши съ темныхъ домовъ и всѣ увидятъ свѣтъ.

— Свѣтъ, Кройнь? Пойдемъ на старое кладбище. Я поведу тебя къ самой далекой могилѣ. Мы сядемъ на камнѣ и будемъ смотрѣть въ землю. Ты обвинишь меня и мы все увидимъ... Куда же ты уходишь, Кройнь?

— Я пойду одинъ, Мара. Спросятъ меня, гдѣ моя дѣвушка, я скажу: „Она придетъ.“

— Она придетъ? задумчиво спросила Мара.

— Я скажу: „Моя дѣвушка любитъ людей; она придетъ.“

— Почему же ты уходишь? съ сожалѣніемъ спросила Мара.—Отчего же ты не прощаешься со мной?

Она пошла вдоль стѣны стараго кладбища, одна среди мертвыхъ, молчаливыхъ полей. Какъ хорошо теперь подъ землей! Падаетъ неслышно свѣтъ изъ бархатистой тьмы, и старые камни одѣваются въ мраморъ. Какъ радостно подъ теплою землей! Собрались тамъ всѣ старые и мудрые, всѣ юные и веселые въ кружокъ и говорятъ: скоро всѣ придутъ къ намъ и станутъ тихо на землѣ. Опустѣетъ земля, солнце будетъ восходить и освѣщать горы и камни зданій, по ночамъ звѣзды ласково будутъ грядѣть внизъ, но будетъ тихо, тихо... Ушелъ Кройнь! Почему же онъ ушелъ? Но если тихо,—не будетъ замученныхъ, не будетъ проклятыхъ! Встанетъ солнце, зажмурится отъ радости: тихо на землѣ, тихо!..

5.

На третьемъ кладбищѣ весь день работали: предавали землѣ убитыхъ! Мертвыхъ подвозили десятками, ихъ поглощали широкія ворота, а вдаль тянулись новыя и новыя платформы, гдѣ вповалку лежали застывшія тѣла молодыхъ, молодыхъ, молодыхъ...

Мара стояла у воротъ кладбища и, какъ хозяйка встрѣчала гостей. Еще и еще! Съ сжатыми губами, молчаливая, вперивъ глаза вдаль, смотрѣла она на загадочный городъ, закутан- ный дымомъ. Весь день тамъ стрѣляли. Вчера стрѣляли!.. Вечеромъ стрѣляли!.. Въ живыхъ вонзали острые пули, острые куски горячаго желѣза! Въ людей втыкали длинные, холодные куски желѣза. Въ людей плевали желѣзомъ! Желѣзо, желѣзо, желѣзо!

Иногда она какъ бы опомнилась и убѣгала на кладбище. Повсюду высились горки теплой взрыхленной земли, красные, кровавые курганы, повсюду слышались рыданія и несся гнѣвъ... Какъ гончая, вбирая въ себя крѣпкій ядъ ненависти, бѣжала Мара, припадала къ кричащимъ могиламъ и снова бѣжала.

— Желѣзо, желѣзо, желѣзо!

Залитые кровью, твердые и прекрасные лежали убитые въ огромной мертвецкой. Она падала на колѣни, ползала между ними, отдавая каждому свою душу, свою скорбь, и не плакала. Ко всякому тѣлу прижималась она въ страданіи и думала: „А я, а я? Какъ сказалъ Кройиъ? Его дѣвушка придетъ? Она придетъ! Но отчего же его еще нѣтъ здѣсь? Вотъ онъ кричитъ вдали, вотъ онъ кричитъ вблизи!“ — Кройиъ, Кройиъ!

Ужасъ поднялъ ее. Вотъ онъ кричитъ вдали... онъ падаетъ! Она понеслась къ воротамъ и побѣжала вдоль улицы, охваченная одной мыслью. Привезутъ новыхъ. Среди нихъ будетъ его тѣло, Кройна тѣло. И она ему напомнитъ... Она подойдетъ и шепнетъ ему на ухо: „Ты не простился со мною, Кройиъ!“ Возьметъ его прекрасную голову въ руки, прижметъ къ ней и съ нѣжнымъ упрекомъ скажетъ: „Въ твоёмъ тѣлѣ остыло горячее желѣзо, но отчего ты не простился со мною?“

Навстрѣчу ей тянулись платформы и гордо колыхались твердая, прекрасная тѣла убитыхъ. Позади озираясь шли люди. Мара останавливала ихъ и спрашивала:

— Моего Кройна вы не привезли?

Ей отвѣчали:

— Вашего Кройна здѣсь нѣтъ, но его привезутъ.

Опустивъ голову, она шла дальше и думала съ тоской: „Его привезутъ!“

Что-то оживало вблизи города... Что-то оживало неуловимое, суровое, желѣзными когтями царапало воздухъ, и было страшно. Духъ кладбища! Она оглянулась, вбирая тихій ужасъ въ свою кровь... Словно трое судей стояли три кладбища, торжественно протянувъ свои тысячи рукъ поверхъ домовъ, поверхъ улицъ... Она еще разъ повернулась къ городу, чего-то ища, еще вѣруя... Но тамъ стрѣляли... Во что-то явившееся какъ чудо, оживившее молчаливую землю и впервые полившее ее слезами, вдохнувшее жизнь въ камень, въ желѣзо, въ звѣзды,— въ прекрасное и непостижимое стрѣляли...

Стрѣляли въ жизнь! Разносили сердце, пожираемое любовью, раздробляли руки, творившія добро.

Она повернула назадъ... Колѣни у нея дрожали отъ усталости и глаза слипались. Она пойдетъ домой и скажетъ матери:

— Я все поняла, мать!

Спроситъ ее Клангъ: „Что же ты поняла?“ Ничего не отвѣтитъ она отцу. Ничего!

Съ трудомъ вспоминала она о своихъ, борясь съ раскаяніемъ, которое терзало ее... Вотъ старое кладбище, вотъ новое. Все лучшее она отдала сюда, въ навзную вѣрѣ прошла ее жизнь; а тамъ, тамъ боролись, тамъ строили новое небо для земли... Гдѣ же она была? Скажутъ ли оставшіеся, что жила въ мірѣ дѣвушка Мара, которая отдала свою душу ради людей? Нѣтъ, не скажутъ! Или когда она придетъ къ Вѣчному и станетъ на порогѣ, что скажетъ она крѣпкимъ и мужественнымъ, которые спросятъ ее: „Что ты сдѣлала для людей?“ Отвернется она въ отвѣтъ. Сердито и недовольно оглянетъ ее Вѣчный и упрекнетъ: „Для моихъ людей ты ничего не сдѣлала! Вотъ моихъ людей гнали, терзали, мучили; а ты ничѣмъ не помогла имъ“... И развѣ оставшіеся не скажутъ ей: „Вотъ, насъ гнали, терзали, мучили, а ты что дѣлала? На могилахъ сидѣла и смертямъ радовалась?“

Показались ворота третьяго кладбища. Она вошла смиренная, униженная, готовая преклониться передъ каждымъ деревцомъ, охраняющимъ убитыхъ, и долго въ горѣ бродила по аллеямъ, поджидая Кройна. И когда вечеромъ его привезли и положили рядомъ съ другими молодыми, прекрасными, она сказала себѣ:

— Ну вотъ теперь я его вижу и спокойна. Кройиъ, я вижу тебя и успокоилась. Мое сердце переполнено гордостью!

Она подползла къ нему и нѣжно подняла его тяжелую, молодую голову.

— Я люблю тебя, Кройиъ... шепнула она ему на ухо.— Ты слышишь, Кройиъ? Да, ты слышишь! Ты прекрасно умеръ. Завтра я умру, какъ ты. Я опояшусь мечомъ и пойду въ городъ. Клянусь...

Спокойны были мертвые черты его лица. Завтра Мара умретъ. Пусть она положитъ его голову.

— Видишь ли, Кройиъ, говорила она, — ты общалъ, что твоя дѣвушка придетъ, такъ ты общалъ... Я же стояла долго у стѣны стараго кладбища и о чемъ-то думала. Я пойду умереть, но станетъ ли тихо на землѣ? Должна же утихнуть земля? Я умру, Кройиъ, какъ ты хотѣлъ, какъ ты велѣлъ... но пусть станетъ тихо на землѣ! Такъ я говорю, Кройиъ, такъ я требую!..

Теперь она могла пойти домой... И она пошла спокойная, молчаливая, какъ бы уже опоясанная мечомъ. У порога дома своего она еще разъ обернулась къ тремъ кладбищамъ.

Уже стемнѣло, и сейчасъ въ сумеркахъ они казались другими. Какъ три друга людей, раскрывъ объятія, стояли они и своимъ покоемъ словно призывали всѣхъ усталыхъ... Не они ли были дорогой къ лучшей жизни? О чемъ жалѣть? Скорѣе, скорѣе! Растите же, распрямитесь, прекрасные три кладбища, приберите живѣе бѣдныхъ людей, жалкихъ, связанныхъ, и пусть стачетъ тихо на землѣ!..

6

Утромъ Мара вышла изъ дому, и больше ее не видѣли. Былъ свѣтлый, яркій день, когда она вышла; звонили въ небесахъ и пѣли наверху торжественные голоса, когда она вышла; галки кружились надъ кладбищами, когда она вышла,— и больше ее не видѣли.

Въ городѣ она сказала:

— Я пришла къ вамъ, юноши и дѣвушки... Я сказала Кройну, что умру ради людей, и вотъ я пришла. Покажите мнѣ мое мѣсто.

Звонили наверху, въ воздухѣ скрежетали громы, и юноши и дѣвушки падали безъ стонъ... Залитые кровью, молча падали они... И солнце свѣтило ярко... И солнце свѣтило ярко... И небеса сияли...

Въ отчаяніи сказала Мара:

— Покажите мнѣ мое мѣсто, и я умру. Вы прекрасны! Я не знала, что вы такъ прекрасны! Я съ радостью умру.

— Твое мѣсто здѣсь! сказали ей юноши.

ПЕРЕДЪ СУДОМЪ.

Товарищъ прокурора, Ульянцевъ обвинялъ московскаго цехового, Сергѣя Жохова въ убійствѣ собственного ребенка и въ покушеніи на убійство жены...

Ульянцевъ стоялъ на своемъ возвышеніи въ лѣнливой, но не лишенной красоты позѣ. Жоховъ сидѣлъ противъ него за своей рѣшеткой, какъ звѣрь въ клѣткѣ; а за его спиной вытянулись два неподвижныхъ жандарма съ саблями наголо.

Ульянцевъ—стройный, прилично-плотный мужчина, лѣтъ за 30, съ очень молодожавымъ, унылымъ, серьезнымъ лицомъ, изящной, „хорошо воспитанной“ бородой, съ бѣлыми выхоленными руками, въ новомъ вицъ-мундирѣ и ослѣпительной крахмальной рубашкѣ. Жоховъ—сутуловатый, болѣзненно-худой, истощенный, вихрастый, съ клочковатой бородой на молодомъ, но уже морщинистомъ лицѣ, съ впалыми безжизненными глазами, съ грязными исхудалыми руками, которыя онъ, нервно пожевываясь, старался запрятать какъ можно глубже въ рукава отвратительнаго арестантскаго балахона.

Ульянцевъ началъ свою обвинительную рѣчь вяло; такъ начинать онъ большую часть сво-

Звонили наверху, и торжественные хоры неслись навстрѣчу ся душѣ.

Сейчасъ она придетъ къ Кройну... Ихъ положить рядомъ и она скажетъ ему:

— Я видѣла людей и умерла ради нихъ... Но никто не сказалъ мнѣ, что станеть тихо на землѣ. Съ отчаяніемъ умерла я. Ибо, уходя къ тебѣ, я оставляла правыхъ и виновныхъ. Я думала: всегда они будутъ кричать, страдать, всегда будетъ проливаться кровь... Ты плачешь, Кройну? И я плачу,— не будетъ тишины на землѣ. Пойдемъ наверхъ, къ Нему. Падомъ ницъ и станемъ молить Его. Соберемъ всѣхъ правыхъ и виновныхъ, что по правую руку Его и по лѣвую, призовемъ всѣхъ ангеловъ, и всѣ звѣзды, и всѣ солнца, и все, что кругомъ Него, и станемъ просить Его... Скажемъ Ему: „Сознай свою ошибку, Вѣчный! Ты замучилъ людей! Мы, люди, прощаемъ Тебѣ, но прекрати жизнь на землѣ! Сдѣлай, чтобы было тихо. Сдѣлай, чтобы было тихо!“

Кругомъ падали юноши безъ стона, и дѣвушки падали, и невинныя дѣти...

Въ дыму стояли улицы. Духъ кладбищъ виталъ надъ городомъ и сосчитывалъ павшихъ: всѣхъ заберу, всѣхъ!

— Ну вотъ, сказала сурово Мара падая,— отнесите меня къ Кройну...

За городомъ раскинулись три кладбища: старое, новое и третье.

Семенъ Юшкевичъ.

нхъ рѣчей въ судѣ. Многие, не разъ слышавшіе его, утверждали, что это—одинъ изъ прокурорскихъ фокусовъ: начать рѣчь какъ будто нехотя, показать всѣмъ, что ему, въ сущности, тяжело обвинять, а потомъ вдругъ взять да и обрушиться на подсудимаго съ видомъ чело-вѣка добродушнаго, но выведеннаго изъ себя низостью преступленія. На самомъ дѣлѣ это было не такъ: Ульянцевъ просто не ощущалъ непосредственнаго желанія громить чело-вѣка, не сдѣлавшаго лично ему никакого зла. Была ли это нервная вялость, или эгоистическое равно-душіе ко злу, не затрагивающему лично его,— сказать трудно. Можетъ быть, вліяло на него еще и то, что лица подсудимыхъ были большою частью смиренныя, туши или болѣзненныя; ему было тошно смотрѣть на нихъ, но гнѣва въ немъ они не возбуждали.

Вотъ и теперь наружность подсудимаго наводила на Ульянцева только скуку и уныніе, а если по временамъ и раздражала его, то единственно своей апатичностью. „Ну, зачѣмъ такіе люди живутъ на свѣтѣ?“ думалъ онъ, косаясь съ неудовольствіемъ на спящаго, неодухотвореннаго никакой мыслью лица Жохова. „Вѣдь и самимъ имъ скверно, и другимъ отъ нихъ скверно...“ Самое главное, о чемъ шла рѣчь на судѣ, т. е. преступленіе Жохова, отошло

для Ульянцева куда-то далеко, какъ одна изъ уродливыхъ частностей той чудовищной безсмыслицы, какую представляетъ изъ себя все существованіе подобныхъ субъектовъ. „Такимъ людямъ надо бы просто исчезнуть съ лица земли, для нихъ же собственнаго блага; а вмѣсто этого приходится разбираться въ ихъ уродствахъ, обвинять ихъ, сажать въ тюрьму,сылать... Нелѣпо!“

Съ равнодушнымъ, скучающимъ видомъ началъ онъ свое: „Господа присяжные засѣдатели! здѣсь передъ вами...“ и такъ далѣе.

Въ тотъ его не слышалось никакого прокурорскаго темперамента и задора; рѣчь была такая же апатичная, безкрасочная, какъ неподвижное, безкровное лицо подсудимаго. Его скучный голосъ, казалось, говорилъ не о томъ, что саможникъ Жоховъ—зловѣй, достойный строгой кары, а о томъ, какъ вообще все безтолково, бессмысленно, нелѣпо: и подсудимый и прокуроръ, и адвокатъ, и судьи, и зеркало, и обнаженные сабли,—все это въ данномъ случаѣ никому и ни для чего не нужно: надо покончить скорѣй съ этою тяжелой скукой и заняться чѣмъ-то другимъ, менѣе скучнымъ и нелѣпымъ...

Но, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, собственные слова разжигали его. Въ болѣзненно-угрюмомъ лицѣ Жохова ему уже начинала мерещиться „ясно выраженная злая воля“. Если онъ способенъ выбросить въ окно собственнаго ребенка, такого крошечнаго и безпомощнаго, то, значитъ, ему вообще ничего не стоитъ лишить живое существо жизни. Онъ уже представлялъ себѣ Жохова съ окровавленнымъ ножомъ, готоваго развѣзать не только жену, но и кого угодно, по первому поводу; ему уже было легко вообразить себѣ, какъ Жоховъ бросается съ ножомъ на него, Ульянцева и равнодушно рѣжетъ его, забывая все божескіе и человѣческіе законы.

— Но, пусть онъ вспомнитъ, что есть законы, карающіе безчеловѣчіе! громко и гнѣвно восклицаетъ Ульянцевъ, все больше распалаясь враждой на человѣка за рѣшеткой.

Рѣчь его полилась бурливымъ, негодующимъ потокомъ. Всѣ какъ-то подтянулись и насторожились.—„Упекутъ, пожалуй...“ шепнулъ защитникъ Жохова своему коллегѣ.

Подсудимый поднялъ голову и уставился на сердитое лицо прокурора. Мало-по-малу лицо Жохова становилось тоже сердитымъ, но не оттого, что онъ былъ раздраженъ нападками Ульянцева: вѣтъ, ему просто инстинктивно передавался негодующій видъ обвинителя, а гнѣвная интонація прокурорскаго голоса заставляла его бессознательно насупливаться. Ульянцевъ же, скользя неприязненнымъ взглядомъ по угрюмой физиономіи и по всей костлявой фигурѣ подсудимаго, говорилъ себѣ мысленно: „Вѣдь вонъ какимъ волкомъ смотритъ!“

— Взгляните на него!.. закончилъ онъ патетически свою рѣчь, указывая присяжнымъ на

Жохова.—Вы сразу увидите, что передъ вами типичный, закоренѣлый преступникъ, не заслуживающій вашей пощады уже по одному тому, что самъ не знаетъ ея!..

Головы всѣхъ,—и присяжныхъ засѣдателей и публики,—повернулись отъ прокурора къ подсудимому, который подъ тяжестью взглядовъ съежился и сталъ упорно смотрѣть на свои рукава, куда онъ все глубже закидывалъ руки. „Упекутъ! упекутъ!“ чудилось въ беспокойной, напряженной тишинѣ судебного зала.

Всѣмъ сдѣлалось какъ-то легче, когда всталъ молодой помощникъ присяжнаго и началъ свою защитительную рѣчь. Съ непривычки онъ волновался, зашнчался, повторялся, у него горѣли уши, и это еще больше смущало его.

Возражал обвинителю, онъ разбиралъ подробно обстановку преступленія и доказывалъ, что тутъ не было злой воли и обдуманнаго намѣренія, а имѣлъ мѣсто аффектъ. Голосъ его былъ добрый, примирительный, лицо—такое открытое, слабое. Жоховъ уставился теперь на своего защитника. Неприятныя старческія складки на лбу и щекахъ подсудимаго мало-помалу разглаживались, глаза смотрѣли мягче, спокойнѣе: такъ дѣйствовали на него добрый голосъ и вся симпатичная фигура молодого адвоката, въ рѣчь котораго онъ плохо вникалъ, пропуская мимо ушей все, что говорилъ тотъ о „соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ“.

Ульянцевъ, какъ только адвокатъ заговорилъ, уткнулся въ бумаги съ такимъ видомъ, точно давалъ повѣть, что ему напередъ известны всѣ аргументы и уловки защитника: „аффектъ“ (страсть) „вліяніе среды“ „соціальные факторы“ „дегенерация“ (вырожденіе) и проч., и проч.,—все это онъ сто разъ слышалъ... Адвокатъ путался, спотыкался или, теряя нить, дѣлалъ неловкую, длинную паузу, прокуроръ кидалъ на него насмѣшливый, разсѣянный взглядъ, а потомъ начиналъ нетерпѣливо перелистывать бумаги.

Вдругъ онъ насторожился. Защитникъ рассказывалъ біографію подсудимаго. Какія-то смутныя-смутныя воспоминанія шевельнулись въ Ульянцева. Они и раньше, во время судебного слѣдствія, нѣсколько разъ мелькали у него, какъ мимолетныя тѣни, не оставляющія послѣ себя никакаго слѣда; а теперь они начинали беспокоить его, заставляли вдумываться, искать чего-то въ прошломъ. Они всплывали, но, не дойдя до поверхности, снова тяжело погружались въ темную глубину, и снова онъ силится вызвать ихъ на свѣтъ сознанія. „Село Ивановское“... „Сергій Жоховъ...“ „Сергій Жоховъ...“ звучало во встревоженной душѣ Ульянцева, и чѣмъ-то страшно далекимъ, неуловимымъ, но роднымъ вѣяло на него отъ этихъ словъ: такъ иногда слышишь какой-то смутный звукъ,—и не можешь опредѣлить, благовѣсть ли это, чуть доносящійся издалека,

жуужжанье ли комара въ комнатѣ, или просто звонъ въ собственномъ ухѣ?

Онъ сталъ внимательно прислушиваться къ словамъ защитника.

— Родители подсудимаго, обнищавъ въ слѣдствіе малоземелья, неурожаевъ, пожаровъ, хищности деревенскихъ ростовщиковъ, принуждены были идти съ сумой. Сына пришлось отдать въ городъ, къ сапожнику. Думали ли они, отпуская сына, что съ этого момента жизнь роковымъ образомъ будетъ толкать его къ скамьѣ подсудимыхъ? Если бы малоземелье, экономическая и моральная безпомощность, не принудили Жоховыхъ оторвать ребенка отъ родной земли, онъ, гг. присяжные засѣдатели, быть можетъ, не сидѣлъ бы теперь передъ вами за этой позорной рѣшеткой...

Защитникъ заговорилъ объ аграрномъ вопросѣ, но Ульянцевъ уже не слушалъ его. Какіе-то образы или ощущенія, едва различимые, похожіе на забытый сонъ, насильно протискивались въ его душу и не давали ему покою. Ему необходимо было вспомнить что-то... Но это „что-то“ все слилось въсплыть, опять падало на дно, вновь всплывало, вновь тонуло... и вдругъ разомъ всплыло и освѣтилось!.. Точно молнія блеснула передъ глазами Ульянцева и мгновенно озарила ему темную глубь забытаго прошлаго. Передъ нимъ встала, какъ живая, фигурка деревенскаго мальчика, Сергуньки Жохова. Сергунька кричитъ надорваннымъ голосомъ, истерически воетъ, захлебывается слезами и, какъ рыба, пойманная на крючокъ, судорожно рвется изъ рукъ отца, который хочетъ отвести его къ сапожнику въ ученье... Два раза Сергунька убѣгалъ отъ сапожника въ свое родное село къ матери, два раза былъ битъ за это нещадно отцомъ, озлобленнымъ своимъ разореніемъ, — и вотъ теперь въ третій разъ его, избитаго, волокутъ въ ненавистное ученье, гдѣ его ожидаютъ тоже ругань и побой. Володя Ульянцевъ смотритъ на него и плачетъ и негодуетъ на злого мужика Жохова; Сергунька кажется ему такимъ несчастнымъ, истерзаннымъ, забытымъ; дѣтское сердце Володи разрывается отъ жалости... Задыхаясь бѣжить онъ къ своему отцу, полному, обрюзшему, но все еще красивому барину, просить его вступить за Сергуньку, чтобы его не мучили такъ... Отецъ посмѣиваясь беретъ его за пухлую, мокрую отъ слезъ щеку и говоритъ: „Ну, ладно, ладно... Поди умой мордашку да не суйся въ чужія дѣла, которыхъ ты еще не понимаешь“... Сергуньку уволакиваютъ, и долго еще слышитъ Володя его отчаянные вопли, долго еще послѣ этого тоскуетъ по немъ, представляя себѣ Сергуньку одинокимъ на чужой сторонѣ, заплаканнымъ, голоднымъ, покрытымъ сняжками...

— Я нарисовалъ передъ вами, гг. присяжные засѣдатели, невыносимо-тяжелую картину жизни, выпавшей на долю мальчика въ

заведеніи его патрона, сапожника: тѣлесныя наказанія во всѣхъ видахъ, пьянство и сквернословіе, грязь, голодь, холодъ... Ни дѣтскихъ игръ, ни ласковаго слова!.. Еще мальчикомъ, почти ребенкомъ, его приучили пить водку, курить махорку, ругаться непристойно. Съ дѣтства его ожесточали, уродовали нравственно — и не дали никакого противоясія...

Ульянцевъ привыкъ къ такимъ рѣчамъ, но теперь онъ чувствовалъ, что слова защитника странно волнуютъ его и что-то больно скребетъ внутри. Подъ акомпаниментъ адвокатской рѣчи, онъ неволью слѣдуетъ за Сергунькой въ городъ, видитъ его безобразно вспущшее отъ слезъ и затрепичившее лицо, видитъ, какъ градъ щелчковъ сыплется на его бѣдную, бѣлобрысую голову, какъ Сергунька, уткнувшись въ темный уголъ, тихонько завываетъ отъ тоски и обиды, ломаетъ свои грязныя, худенькія руки, — и нѣтъ ни одной души, которая пожалѣла бы его...

Ульянцевъ взглянулъ съ волненіемъ на изможденное лицо подсудимаго. Отъ прежняго Сергуньки, худенькаго, бѣлоголоваго мальчика съ ясными голубыми глазами, не осталось ничего: все искажено, все обезображено!.. Но въ складкѣ около губъ и въ остренькомъ подбородкѣ было что-то неувольно-характерное: Ульянцевъ увидалъ на одинъ мигъ передъ собой своего Сергуньку такъ живо, что даже неволью привсталъ на мѣстѣ.

— Позвольте, я еще не кончилъ!.. торопливо заявилъ защитникъ, думая, что тотъ хочетъ перебить его, и, вытеревъ платкомъ вспотѣвшій лобъ, перешелъ къ послѣднему періоду въ жизни подсудимаго.

— Дѣвушку, которая стала его женой, онъ горячо любилъ. Это былъ единственный свѣтлый лучъ въ его угрюмомъ существованіи... Женившись онъ бросаетъ пить, съ женой обращается нѣжно, предупредительно, что рѣдко встрѣчается въ его средѣ. Любила ли она его, мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ, отношенія ея къ мужу были хороши до тѣхъ поръ, пока не начались сплетни, нашептыванья, злорадное хихиканье окружающихъ. Вы знаете, что подсудимый сталъ ревновать жену къ одному изъ заказчиковъ, а ее раздражало это. Пошли ссоры, грубыя сцены, а окружающіе считали нужнымъ подливать масла въ огонь. Обвинитель доказывалъ, что въ данномъ случаѣ не было повода къ ревности, что подсудимый убилъ ребенка и покушался на убійство жены только потому, что въ немъ кипяти звѣрскіе инстинкты... Да, — слѣдствіе не установило факта измѣны со стороны жены, но вотъ это-то именно отсутствіе всякаго серьезнаго повода къ преступленію и показываетъ, какъ нельзя лучше, до какой аномаліи способна довести челоуѣка обстановка, въ которой выросъ и жилъ подсудимый...

Ульянцевъ давно не слушалъ. Низко скло

нившись над бумагами и закрывъ глаза ладонью, онъ неподвижно сидѣлъ съ мрачнымъ, сосредоточеннымъ видомъ и думалъ все о томъ же Сергунькѣ. Представлялось ему, какъ онъ, Володя Ульянцевъ, выходитъ утромъ на заднее, крыльцо барскаго дома, а здѣсь уже поджидаетъ его босой, голубоглазый мальчикъ—съ удочкой, свистулькой или еще съ какимъ-нибудь развлеченіемъ. Володя говоритъ: „Погоди,—сейчасъ!“ бѣжить на террасу, выпиваетъ на-скоро чашку чаю со сливками и булкой и возвращается къ Сергунькѣ. Тутъ, вплоть до обѣда, идутъ у нихъ разныя игры, забавы, разговоры. О чемъ они тогда разговаривали, Ульянцевъ забылъ, онъ помнитъ только ощущеніе радостной, интересной жизни, переполнявшее все его маленькое существо, когда они гуляли и разговаривали вдвоемъ съ Сергунькой. Все ему было мило въ Сергунькѣ,—и его добрые голубые глаза, и худенькія, чрезвычайно цѣпкія руки, и босыя, грязныя ноги, и его простодушный разговоръ: „чаво“, „ничаво“, „У яво“, „отселева—дотелева“. И что бы они ни дѣлали вмѣстѣ съ Сергунькой, ему всегда было хорошо, весело, потому что „Сергунька тутъ“. Вотъ они купаются въ большой дужѣ, которую они называютъ „прудомъ“, барахтаются въ прогрѣтой солнцемъ водѣ, брызгаютъ другъ на друга, обѣгаютъ голые кругомъ дужи,—и обоямъ Богъ знаетъ какъ весело и смѣшно. Вотъ они копаются въ горячемъ пескѣ, солнце обливаеъ ихъ ласковыми лучами, и обоямъ такъ хорошо вмѣстѣ, что они готовы не разставаться до ночи...

— Послѣ обѣда опять, смотри, приходи! говоритъ Сергунька. И Володя спѣшитъ покончить съ обѣдомъ, чтобы опять выбѣжать къ товарищу; а если его не пускаютъ, онъ плачетъ, рвется къ Сергунькѣ и знаетъ, что и тотъ томится по немъ...

— Если мы, люди выросшіе въ порядочной средѣ, не застрахованы отъ болѣзненныхъ аффектовъ, допоситя до Ульянцева адвокатская рѣчь,—то что же сказать о человѣкѣ, жившемъ всю жизнь впроголодь, котораго вѣчно тѣснили, ожесточали, уродовали и обстоятельства и люди, за которымъ какъ будто не признавалось никакихъ человѣческихъ правъ? Въ будни Жюховъ сидѣлъ скрючившись за каторжной работой, приоснившей ему жалкіе гроши; въ праздникъ ему, одурманенному водкой, давали зуботычины и дворники, и городовые; а потомъ грубо ругали его и заказчики, и хозяева квартиры, и лавочникъ... Да кто, спрошу я, относился къ нему по-человѣчески? Кто видѣлъ... кто хотѣлъ видѣть въ немъ человѣка?.. Непосильная работа, винный угаръ, ругань, побой—вотъ его жизнь, съ того фатальнаго момента, когда нищій отецъ притащилъ сына въ городъ и тамъ бросилъ его среди грязи!

И опять передъ Ульянцевымъ встаетъ та

ужасная, возмущившая его сердце сцена, когда Сергуньку, грязнаго, изодраннаго, исколоченаго волокли въ городъ, а онъ бросался на землю и, даваясь слезами, кричалъ: „Убѣгу, убѣгу!.. Мамка! ма-амка!..“ А мамка шла поодаль, заливалась слезами и жалобно причитала... И его, Володю Ульянцева, тоже свезли въ городъ, но не избытаго, не заплаканнаго, а окруженнаго заботами и ласками. Его тоже отдали въ ученье, въ гимназію, и родные гордились имъ, старались облегчить каждый его шагъ, просили за него учителей, нанимали репетиторовъ. Онъ жплъ въ хорошей, свѣтлой квартирѣ, у него была своя комната, свои книги, товарищи, развлечения. Когда онъ подросъ, его возили въ театръ, въ гости, лѣтомъ брали съ собой въ далекія поѣздки. Потомъ у него была собственная, тоже хорошая квартира, собственная бібліотека, даже свой извозчикъ, нанимаемый помѣсячно; онъ выписывалъ газеты, журналы, участвовалъ въ кружкахъ, танцевалъ и ухаживалъ за барышнями, учился и развлекался,—словомъ, жилъ полною жизнью. А Жюховъ въ это время изнывалъ въ смрадномъ подвалѣ или безцѣльно шатался пьяный по улицамъ, одинаково изнемогая и отъ непосильной работы и отъ тоскливой праздности, не видя просвѣта ни впереди себя, ни позади... О немъ, Владимірѣ Ивановичѣ Ульянцевѣ, съ дѣтства постоянно заботились разные люди: отецъ, мать, губернантъ, учителя, репетиторы, прислуга, начальства, товарищи. А о Сергунькѣ кто заботился?

Ульянцевъ вздрогнулъ, какъ внезапно пробудившійся человѣкъ, посмотрѣлъ въ тусклые глаза подсудимаго, гдѣ уныло отражалась вся его постылая жизнь, потомъ обвелъ взглядомъ судей, присяжныхъ, публику, и дикимъ ему показалось, что онъ и эти люди сидятъ и судятъ Сергуньку, о которомъ никто изъ нихъ никогда не думалъ и не заботился. „Не онъ, а мы, мы все привлекаемся къ суду!“ пронеслось у него въ головѣ, и тотчасъ же онъ почувствовалъ, что вотъ это-то и есть настоящій судъ, это-то и есть самое важное, а все эти рѣчи, рѣшетки, сабли, мундиры, бумаги—одно тяжелое, тоскливое и обидное недоразумѣніе.

— Сергуньку ребенкомъ волокли насильно къ звѣрю-сапожнику... Потомъ его пьянаго, одурѣлаго волокли въ участокъ... Потомъ волокли въ тюрьму... А теперь вотъ поволокутъ на каторгу!..

— Ульянцевъ поднялся со стула...

— Извините, я еще не кончилъ... замѣтилъ защитникъ.

— Я.. отказываюсь отъ обвиненія... произнесъ глухо Ульянцевъ и потомъ садясь добавилъ мысленно:

„Навсегда“.

II. Тимковскій.

ЗАВОДЪ.

Утромъ, въ девятomъ часу, Шарль Брюно подъѣзжаетъ къ Сыроматной. Рысакъ его кормленъ бѣлымъ хлѣбомъ, и пролетка плавно летитъ мимо заводскаго забора. Вѣтромъ несетъ облака пара и дыму, а солнце полыхаетъ въ нихъ лучами, точно это золотыя волны. Брюно крутитъ усь; сбоку плыветъ теплая полоса отъ печей; за заборомъ трубы, крыши, курится шлакъ и злобно визжитъ круглая пила. Повернуть, ворота, Шарль легко спрыгиваетъ. Прямо—красный ящикъ, контора. Сухое Шарлево тѣло сбрасываетъ пальто; вотъ онъ въ правленіи, въ заказахъ, подрядахъ. Вокругъ кишать комми, стоятъ гудѣе мастеровъ, волосатыхъ подрядчиковъ. Шарль коротко бросаетъ слова. Твердый, четкій мозгъ его будто выстукиваетъ телеграммы. Десятки меньшихъ мозговъ, въ очкахъ, пенснэ, красныхъ и черныхъ галстукахъ, движутся вокругъ. Трещать ремингтоны, пишутъ перья; чертять, спорять, ходять.

Такъ идутъ часы. Становится жарче, люди теплѣютъ, что-то плавится внутри, и толстяки начинаютъ пыхѣть. Солнце ложится изъ оконъ свѣтлыми квадратами. Снимаютъ пиджаки и пишутъ тише. Кассиръ за рѣшеткой шуршитъ бумагами и сопить, какъ тюлень въ клѣткѣ. За окнами раскаленно-плывущій воздухъ, пыль, гамъ. Въ немъ снуютъ изъ конторы въ заводъ несвѣжые люди, въ рубашкахъ фантази,—носить вѣдомости, бѣгутъ съ приказаньями. Иногда бредутъ запаренные мастера съ печей. Потомъ снова непрерывнымъ потокомъ—монтеры, десятники, директоръ.

Со стороны завода тяжелый грохотъ, какъ отъ желѣзныхъ листовъ; и вдругъ — рѣзкій ударъ, точно огромнымъ молотомъ раскололи чугунный котель. Мастерскія, рядами и отбѣгая вбокъ, разбросаны какъ стальные коробки.

Въ самомъ центрѣ ихъ—паровые котлы и электрическая ставдці. Подъ котлами вѣ топкахъ горитъ каменный уголь медленнымъ, раскаленнымъ пламенемъ; пары подъ страшнымъ давленіемъ покорно скопляются въ сухопарникѣ и текутъ наверхъ, въ машины. Здѣсь высокая зала, много свѣту, однообразно рычать динамы; электротехники стоятъ у мѣдныхъ приборовъ, какъ автомобильные шофферы. И все время воздухъ тихо, мощно ухаетъ, масляный потъ дымится подъ ползунами и царятъ спокойныя силы, прозрачно-холодныя и невидимыя.

Старый директоръ, съ палочкой, пересѣкаетъ залу, оглядывая все вокругъ опытнымъ, острымъ взглядомъ; выйдя наружу, онъ бредетъ къ гвоздильнѣмъ профзодомъ между корпусовъ. Вдали, на башнѣ электрическіе часы сбрасываютъ стрѣлку съ минуты на минуту, и во всѣхъ отдѣленіяхъ, какъ по командѣ, соскакиваютъ десятки другихъ. Директоръ свѣряетъ свои. Мимо

него катитъ на вагонеткѣ дымныя глыбы—шлакъ, въ уродливыхъ изломахъ, съ рдѣющей коркой. Сзади, въ облакахъ пара, тѣни рабочихъ.

Отъ гвоздильни издали—глухой шумъ: кажется, гдѣ-то реветъ водопадъ, длинно, на одну ногу. Но когда директоръ отворитъ три двери, одну за другой, грохотъ сразу охватываетъ его сплошнымъ кольцомъ. Узенькіе станочки идутъ въ два ряда, въ нихъ что-то непрерывно дергается и кривляется, какъ дѣтскіе паяцы; стальные челюсти, ручки, ножки, сразу бьютъ во всѣ стороны, и изъ-подъ ихъ клешней безостановочной струей летятъ гвозди.

Онъ морщится, идетъ въ другой конецъ, къ сѣднемому мастеру Блоху. Воздухъ оретъ безъ умолку желѣзными нотами; что-то мертвое раздѣляетъ всѣхъ; надъ станками гнутся хмурые фигуры; они подливаютъ масла, щупаютъ временами теплые гвозди; ихъ гаснущіе мозги какъ-бы прикованы къ этимъ пляшущимъ уродцамъ.

Сверху дрожитъ и задыхается туманный свѣтъ.

Улыбаясь, наполовину знаками директоръ объясняется съ Блохомъ, стоя на галлерейкѣ; сквозь стекло надъ ними видно небо, какъ пзъ парника; а внизу—какъ вчера, завтра и послѣзавтра. Туманъ отъ грохота. И когда начальство уходитъ, Блохъ, кривоногий Эльзасецъ, продолжаетъ стоять попрежнему. Изъ дня въ день, много лѣтъ онъ служитъ на этомъ мостикѣ, пишетъ на конторкѣ, смотритъ, какъ грузятъ гвозди въ ящички, какъ угрюмые глухари гнутъ свои спины,—и все молчитъ, молчать. Трудно понять, что выражаетъ его ожелѣзившее лицо.

Директоръ идетъ среди мотковъ проволоки къ своей калиткѣ. Здѣсь надо немного въ горку; онъ оборачивается, переводя духъ. Сзади весь заводъ,—угрюмые груды съ трубами, выступами и углами. Бурлятъ печи для сталеваренія; бьетъ молотъ; въ тишинѣ дремлютъ магазины съ издѣльями; а вдалькѣ, на дворѣ, сложены штыки желѣза въ пакетахъ.

Солнце жжегъ; раскаленные крыши дрожатъ въ жарѣ; надо всѣмъ пыльное облако.

Но вдругъ электрическіе часы сразу соскакиваютъ на двѣнадцать, и сейчасъ же, будто въ отвѣтъ имъ, реветъ гудокъ. Всѣ быстро бросаютъ работу. Изъ тянульных, литейныхъ гурьбой бредутъ рабочіе. Со станковъ сбрасываютъ ремни, они мрутъ. Заводъ гложетъ, полуденное пламя наполняетъ его.

Рабочихъ въ воротахъ ощупываютъ ловкимъ движеніемъ, и они черными лентами ползутъ по слободамъ. Тамъ они моются, завтракаютъ, и сидя передъ низкими оконцами, глядятъ на улицу. Шарль, натягивая перчатки, увосится въ городъ на холостую квартиру. Обѣдаютъ мастера-чехи, конторщики, служащіе. Старенькій Блохъ ковыляетъ домой и хмуρο мол-

чить, будто ему вѣчно слышны гвалтъ станковъ и знакомые желѣзные голоса. Директоръ устало пьетъ пиво на балконѣ подь шумъ топильковъ. Изъ-за стѣны на него летитъ гарь.

Только сталелитейной нѣтъ отдыха: ей нельзя остывать, и сейчасъ, за толстыми стѣнами, глубоко внутри плавится металлъ; вотъ ломаютъ пробку, золотой потокъ брызжетъ въ формы, летятъ фонтанами огненные звѣзды, будто это распалившійся фейерверкъ. Сверху, съ печей смотрятъ мастера, въ безпокойствѣ, черезъ синія стекла; огонь проникаетъ до костей, и лица у нихъ опухло-блѣдны. А внизу кипятъ рабочіе, какъ при наводненіи; на глазахъ ихъ черные выпуклые очки, и они точно водолазы смываютъ подь золотистыми выстрѣлами. Пыхтя, громыхая, подползаютъ паровой кранъ, съ желѣзной рукой, повисшей навискомъ. Маленькій машинистъ управляетъ имъ; какъ уродливое насѣкомое, кружить онъ вокругъ своей оси, спускаетъ лапу, спокойно цѣпляется сотни вудовъ и тащитъ въ воздухѣ. Печь изсякаетъ; сталь похожа на лаву, и появляются мрачно-красныя тоны; стропила, груды болванокъ, рабочіе съ наглазниками — тухнутъ; попрежнему дымный полумракъ и дальній визгъ пыли.

Солнце клонитъ за полдень; пыль, зной, будто стонъ надь мастерскими: желѣзные крыши млѣютъ; люди горятъ у машинъ, сбрасываютъ рубашки и голой кучей бѣгутъ къ душамъ; трепещущія тѣла сразу ежатся подь холодомъ, стекаетъ наработанная грязь, — и опять къ станкамъ, въ прокатную. Около брусевъ красного металла рубашки сохнутъ какъ въ огнѣ, отъ нихъ идетъ паръ, и кажется, что сейчасъ выпарятся и сами мозги.

А рядомъ гудятъ вальцы, сквозь нихъ ползутъ мягкіе комья желѣза, какъ красныя тянушки. Ихъ гонятъ взадъ-впередъ, они плющатся, вытягиваются лентой извиваясь, и твердые рабочіе ловко цѣпляютъ ихъ крючьями, возвращаютъ опять; все тоньше, злѣе, больнѣй растягиваются; —но волокутъ дальше, въ проволочную; и тамъ изъ-подь узкихъ желобковъ со свистомъ вырывается проволока, огненнымъ бичомъ, — чертитъ воздухъ зигзагомъ, но сейчасъ же ее опять ловятъ, и она покорно наматывается на катушку. Почернѣвшіе и сухотѣлые рабочіе какъ будто безъ устале воюютъ съ ними, — если зазѣваться, обовѣетъ, прожжетъ. Гдѣ-то гудитъ, вздыхаетъ, будто на палубѣ огромнаго корабля съ тяжелымъ ходомъ машины. Мозгъ устаетъ и темныя пятна идутъ въ глазахъ. Къ четверемъ часамъ жены приносятъ въ платочкахъ полдни. Въ углахъ, гдѣ потише, рабочіе примашиваются поѣсть, какъ послѣ большой битвы; нѣкоторые моются, потомъ крестясь садятся за столки; и сразу становится тихо: гулъ, грохотъ гдѣ-то далеко, какъ будто духъ благообразія посѣтилъ это мѣсто.

Но время тянетъ дальше, впередъ; снова они бросаются въ пекло, снова зданія, стекла,

камень въ дымномъ чаду; кажется, будто изъ людскихъ тѣлъ выходитъ горячій туманъ. И около вальцовъ, попрежнему чередуясь и взмывающая яркой лентой, вылетаетъ проволока. Вотъ она длиннымъ концомъ охлестнула кого-то; льютъ воду, тащатъ въ больницу, пахнетъ горѣлымъ тѣломъ, и вокругъ лица блѣднѣй.

Но солнце покраснѣло въ стеклахъ корпусовъ; засіяли въ закатѣ мѣдныя проволоки, — опять гудокъ. Снова бредутъ рабочіе: сталевары со слезящимися глазами, гиганты-молотобойцы, прокатчики и молчаливые глухари изъ гвоздильной. Всѣ они — отдѣльными струями: блѣдно-хмурые, прокаленные огнемъ, возбужденные, одеревянѣвшіе. И послѣдними — чернорабочіе. Въ воротахъ красное солнце обливаетъ ихъ всѣхъ усталыми лучами. Они смотрятъ на воздушныя громады надь своими слободами и понуро расходятся по сторонамъ.

Трудно двигать ногами въ передвечерней хмарѣ. Тяжелое утомленіе на всемъ. Засѣрѣвшія въ пыли мастерскія хрипятъ еще, но гвоздильня уже молкнетъ, точно ея водопадъ отведенъ въ другое мѣсто; кажется, что и всѣмъ этимъ дымнымъ массамъ надоѣло стучать и прохотать. Толстые чехи, паспортисты, чертежники илетутся по домамъ. Въ чахлахъ садикахъ вокругъ конторы ползплись самовары; старый директоръ пьетъ у себя на балконѣ чай со сливками; но сбоку дымитъ вагранка, и рядомъ снуетъ маленький паровозикъ, портя нефтяными остатками тополя. И у всѣхъ самоваровъ, во всѣхъ бесѣдкахъ, гдѣ пиво, чай, сельтерская, — тяжелыя груди и глаза съ красной поволокой.

Рабочіе же дома умываются и тоже пьютъ чай съ поблѣднѣвшими лицами. Но въ маленькія оконца льетъ растопленный воздухъ съ сухой пылью. И скоро плацъ за заводомъ чернѣетъ кучками. Тяжелыя группы сидятъ, стоятъ, вяло бросаютъ орла и рѣшку, сонно курятъ, лежа на спинѣ, глядя въ небо. И кажется, что это выбросили на берегъ бѣдныхъ рыбъ, которымъ нечѣмъ дышать.

Солнце багрово закатывается. Красный дымъ, муть надо всѣмъ. Женщины съ дѣтьми идутъ домой, дѣвушки бѣгутъ въ рошу. Тамъ, среди сосенъ и песочныхъ ямъ появляются босяки; на огородахъ вокругъ кончаютъ работать, и безстыдныя бабы отдаются по канавамъ. Сохнетъ капуста отъ зноя, пахнетъ нечистотами; ржавыми полукокусамы торчатъ баки для нефти. И издали — со свалокъ на заводъ и плацъ надвигается жаркая, вонючая туча; медленно развѣртывается она сухимъ пологомъ и осторожно пропнитываетъ всѣ уголки домовъ, садиковъ, комнатъ. Если смотрѣть, она стоитъ за рошей, призрачно бурѣя.

Пожелтѣвшіе люди прячутся по домамъ; чехи тяжело дышатъ, пьютъ пиво и ругаются въ своихъ бесѣдкахъ; директоръ чахнетъ, беретъ прохладную ванну и ходитъ съ разстегнутымъ воротомъ. А издали, — отъ заставы, гдѣ хуторъ

золотарей, вытѣжаетъ обозъ—въ городъ и къ заводу. Темнѣетъ, у ограды затрепыхали фонари, будто на нее надѣли сіяющій поясъ. Пляцъ опустѣлъ, рабочіе крестятся, ужинаютъ, ложатся спать. Скоро огни у нихъ гаснутъ и ихъ кривыя улочки пропадаютъ во тьмѣ, сливаясь съ домами и глухой чернотой. Временами въ ней летятъ мимо завода яркіе поѣзда, какъ тяжелыя пули. Они прорѣзываютъ ночь своей грохочущей струей и гибнутъ гдѣ-то вдали.

Голубой свѣтъ дрожитъ сквозь многостекольные стѣны прокатной, и заводъ кажется синевагымъ фонаремъ. Поздно ночью къ нему подползаетъ обозъ бочекъ. Сонные золотари покачиваются на передкахъ, и весь ихъ отрядъ похожъ на цѣпь таракановъ. Они подбираются къ красному корпусу, налаживаютъ свои трубы, разставляютъ узкія бочки,—качаютъ. Вдругъ красный свѣтъ вспыхиваетъ въ воздухѣ, надъ сталеварной, и рѣзкими волнами ложится вкругъ, обнимаетъ лачуги, крыши и вырисовываетъ всѣ мелочи. Какъ бы огненные столбы встаютъ другъ за другомъ и рвутся въ небо,

ДѢТИ.

Оставшись одинъ, Ванька добрался до грязной, крутой лѣстницы и попробовалъ, было, спуститься съ нея на четверенькахъ, но поскользнулся и скатился на площадку, больно ударившись. Онъ не заплакалъ, только оглядѣлся большими серьезными глазами, посидѣлъ, потирая блѣдной и тоненькой рученкой ушибленные мѣста и, придерживаясь за перила, съ трудомъ доставая ступеньки, сталъ спускаться одной ногой, бокомъ.

На лѣстницѣ ему никто не встрѣтился, и онъ на этотъ разъ благополучно добрался до двора. Тутъ Ванька сѣлъ на порогъ и ежась подобралъ подъ себя безкровныя, какъ палочки худенькія ножки безъ чулокъ, обутыя въ рваныя, порожѣлыя сапожки.

Онъ сидѣлъ неподвижно, сосредоточенно, только иногда невольно цѣплялся обѣими рученками за порогъ, потому что въ эти минуты ему казалось, что онъ вдругъ куда-то падаетъ стремглавъ, а передъ глазами быстро-быстро мелькаютъ красныя, желтыя, зеленые круги. Когда круги исчезали, онъ судорожно, напряженно вздрагивая горломъ, глоталъ слюну, инстинктивно стремясь хоть чѣмъ-нибудь заполнить маленькій, сводящійся голодными судорогами, животъ. Со вчерашняго дня Ванька не ѣлъ ни крошки. Вчера въ полдень онъ съ отцомъ и съ матерью поѣлъ „похлебки“ изъ воды и наболтаннаго въ нее чаю, спитого до такой степени, что похlebка не окрасилась даже въ слабый желтоватый цвѣтъ. Мать все утро ходила по сосѣдямъ, выпрашивая хоть корку хлѣба, но тѣ, у кого еще былъ хлѣбъ, берегли его для себя.

Сросая на облака мощный снопъ. Золотари почесываютъ вшивыя головы и съ жутью глядятъ на фейерверкъ. Но вотъ выпускъ кончился, все гаснетъ. Снова сіяютъ шары, шуршатъ вольтовы дуги.

А они сосутъ, сосутъ. Служащіе глубоко спятъ вкругъ по домамъ, набирая силъ на завтра. Сторожа и дозорные бьютъ въ колотушки и хмуро стерегутъ чужое добро. Насытившись бочки трогаются. Снова грубая сидѣнья, вонь, смутный ходъ пары въ дышло, колен и завѣса пыли. Впереди роца, сзади пылаетъ заводъ. Они вздыхаютъ, оборачиваются на странныя чудища и бормочутъ что-то. Настаетъ глубокой ночной часъ. Золотари молчатъ; тяжело кряхтятъ мастеровые по хибаркамъ, святъ дѣтв, худыя женщины, красновоые нѣмцы на заводѣ. Директоръ видитъ во снѣ деревню. Шарль же спитъ заграничнымъ сномъ у себя на пустой дачѣ, а завтра готовъ вскочить съ пѣтухами и мчаться на сырмятную.

Бор. Зайцевъ.

Такъ и вернулась бы съ пустыми руками, да Марья-слесарша съ ихъ же завода подѣлилась спитымъ чаемъ.

— Не ядовитое что... Пили же чай, можно и листочковъ поѣсть! Все сытѣ! сказала она добродушно, давая горсточку.

А сегодня—ничего не ѣли. Мать ушла со двора не сказавшись, отецъ, какъ ушелъ вчера съ другими рабочими, такъ и не возвращался еще.

На грязномъ, мрачномъ дворѣ-колодцѣ сложится съ десятокъ ребятишекъ.

Не слышно ни смѣха, ни перебранки. Не играютъ, не дерутся... Эти дѣти непохожи на дѣтей.

Развѣ у дѣтей бываютъ такіе скорбные глаза, ввалившіяся щеки, костлявыя руки?

Увидѣвъ Ваньку, дѣти одинъ за другимъ подѣли къ нему.

— Ыли у васъ нынче? задаетъ кто-то наболѣвшій вопросъ.

— Вчерась... ѣли... съ усиліемъ бормочетъ Ванька, хватаясь за порогъ.

— А что ѣли-то? спрашиваетъ тотъ же голосъ; но Ванькѣ не хочется говорить, и онъ не отвѣчаетъ.

— Дуже ѣсть хочется!.. несется изъ группы тяжелый вздохъ.

— А я нынче шелухи картошкиной нажрался... На улицѣ подобралъ. Теперь въ животѣ-то во-какъ!..

— У насъ давеча мамка отцу хлѣбушка принесла... „Ышь, гритъ, съ Колькой да Петькой; мы, гритъ, съ Машкой да съ Митькой все одно помремъ“, вяло и равнодушно сообщаетъ семилѣтняя худенькая. Машка съ годовалымъ Митькой на рукахъ.—А тятка на нее какъ закричитъ! „Чего, гритъ, рано закаркала! Не гитѣви Бога-то!“ Да и намъ всѣмъ далъ и

мамынькѣ... А лѣтось объ эту пору мы арбузы ѣли... добавляетъ онъ, улыбаясь воспоминанію. Но что за улыбка!..

— Нѣтъ, а я вамъ что, ребята, расскажу... начинаеть другой малышъ.—У мѣдника жена съ голодухи померла, молодая-то. Такъ сказываютъ, самъ повѣсился хотѣлъ, а Гришку чадомъ уморить, да увидали... Гришку въ больницу сволокли, а самого въ участокъ забрали..

Вдругъ внезапный, раздражающій крикъ прерываетъ рассказчика.

Схватившись за животъ, отчаяннымъ стономъ надрыгается наѣвшійся шелухи Мишка.

— Ой, ребята, помру! Ой рѣжетъ!

— Поѣсть бы! И-и-и!.. подхватываютъ голодный плачь другіе

— Ъсть!

— Да замолчите вы, треклятые! Ужъ дошли бы скорѣй! закричала, распахивая окно, еще не старая, тощая и испитая женщина и, съ бѣшенствомъ погрозивъ кулакомъ, захлопнула окно. Дѣти снова притихли. Покорная, зловѣщая тишина.

— Это токариха... боязливо оглядываясь на окно, шепчетъ Варька.

— У ей нынче опять покойникъ. Васюку скрутило.

Помолчали.

— Бабушка намедни сказывала, скоро свѣто-пред-став-леніе... еле выговариваетъ Колька.—Всѣ тогда померемъ, а какъ померемъ—кажинный день на томъ свѣтѣ булки ѣсть будемъ и золотыми яблоками насъ обдѣлять стануть... убѣжденно фантазируетъ ребенокъ.

— Ну-у!.. Нѣшто золотыя яблоки бывать? недовѣрчиво отзываются слушатели.

— На томъ-то свѣтѣ? Бываютъ!

Холоднымъ ужасомъ вѣетъ отъ этихъ дѣтей. Стоитъ сѣрая, холодная и вѣтряная осень. Тускло и слѣпо глядятъ закоптѣлыя, мутныя стекла пятиэтажныхъ, сжимающихъ дворъ корпусовъ. Непривѣтливо, мрачно.

Точно все вымерло здѣсь.

Всѣ взрослые ушли по своимъ дѣламъ, на сходки, или на поиски хлѣба для дѣтей. Только больные и совсѣмъ ослабѣвшіе, — угрюмые, обезсилѣвшіе, отчаявшіеся лежатъ по своимъ разореннымъ и жалкимъ угламъ.

Въ одномъ изъ оконъ четвертаго этажа стукнула форточка.

— Оедька-а! Захарка-а! бѣгите живѣй: хлѣбцемъ раздобылась! гулко раздается надтреснутый, радостный голосъ.

Изъ толпы отдѣляются Оедька и Захарка и, спотыкаясь на ослабѣвшихъ ногахъ, несутся на зовъ.

Остальные только встрепенулись при словѣ „хлѣбъ“, да жадные, голодные огоньки сверкнули въ глазахъ.

— Не дасть... точно угадавъ общую мысль, говорятъ печально Варька.

— Ребята! нешто заложиться?! вдругъ вдохновенный счастливой мыслью внезапно предлагаетъ одиннадцатилѣтній Петька. — Ребята, намедни тетка утюгъ съела,—двугривенный дали! Три дин ѣли... Я съ теткой бѣгаль, знаю мѣсто-то! Ну, скидавай кто-что! съестися оя и первый стаскиваетъ засаленный картузишко.

— Какъ оттаскають... нерѣшительно раздается изъ толпы.

— А пускай ихъ.. Эка! Ъсть больво хочется! Сыты будемъ... соблазняетъ, храбрится Петька, не будучи въ силахъ отказаться отъ мечты поѣсть.

— Тяткамъ дадимъ, какъ придуть ужо... Не забрѣнять.

Дѣти болѣе не могутъ колебаться. Ъсть хочется. Стаскиваются обтрепанные платки, потерявшіе давно свой первоначальный цвѣтъ, безформенные картузы. Увлеченный общимъ приѣромъ, Ванька машинально снимаетъ крошечные, дырявые, порыжѣлыя сапожки; когда-то они были такіе нарядные, съ блестящими пуговками. Теперь вмѣсто пуговокъ болтаются одѣвъ порыжѣлыя ниточки.

Петька быстро связываетъ вещи въ узелъ и крадучись, съ оглядкой исчезаетъ со двора. Ребята оживились, заговорили, даже зашумѣли какъ въ былые дни.

— Ежели тяткамъ дать, не хватить всѣмъ-то...

— Ежели и кузнецу, такъ вѣдь онъ во—сколько съѣсть!

— Кузнецу не давать, ребята...

— Да-ать кузнецу!.. заплакала кузнецова дѣвочка, золотушная, съ кривыми ножками.

— И то дать... рѣшаютъ дѣти.

— Не реви, дура,—токариха услышитъ.

— Хлѣбушка ситенькаго, да съ чайкомъ бы..

— Горяченькаго... печеночки..

— Говядины бы лучше... спорять, мечтають облизываясь дѣти. Лица порозовѣли отъ ожиданія, зажглись потухавшіе глазки..

— Чтой-то Петька не идетъ?!

— Ну какъ сбѣжалъ?.. Самъ съѣсть..

— Вона, сбѣжалъ! Чай, купить-то сходить надо.

— Да вотъ онъ! Ребята, милые, цѣлый узелъ харчей, узелъ цѣльный!

— Кому первому?

— Мнѣ! Мнѣ! Мнѣ!

— Развязывай, что ли! бросились къ Петькѣ ребята.

Только Ванька, блѣдный какъ полотно, не смогъ двинуться отъ охватившей его слабости и только протянулъ рученку.

— Не берутъ... Рванье, говорить...

Е. Ключарова.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СТАЧКИ.

Изъ жизни англійскихъ рабочихъ.

I.

Могучій, хотя и нѣсколько охрипшій отъ постоянныхъ агитационныхъ рѣчей, голосъ председателя покрылъ всѣ звуки, и въ обширной залѣ сразу водворилась внимательная тишина.

— Товарищи! Хоръ пенринскихъ рабочихъ, который вы видите здѣсь, на эстрадѣ, врядъ ли нуждается въ особой рекомендаціи. Вы всѣ навѣрное знаете, что наши пенринскіе братья уже больше года, какъ покинули свои семьи, что они путешествуютъ по всей Англій, давая повсюду концерты въ пользу своей стачечной кассы. Насколько прекрасны ихъ народныя уэльскія пѣсни, лучше всего доказывается неизмѣнно переполненными залами, гдѣ эти концерты даются. Вамъ всѣмъ также извѣстно, какую важность для всего рабочаго класса имѣетъ борьба нашихъ пенринскихъ братьевъ. Въ продолженіе цѣлаго столѣтія боролись мы за право вести переговоры съ хозяевами отъ имени рабочаго союза, а не отдѣльныхъ лицъ, за право, безъ котораго рабочій классъ превращается въ классъ рабовъ. И уже болѣе четверти вѣка, какъ мы добились законодательнаго призванія за нами этого права. Законъ 1875 г. признаетъ за нами право организоваться въ союзы и право рабочихъ союзовъ отстаивать передъ хозяевами интересы отдѣльныхъ членовъ. Но лордъ Пенринъ хочетъ показать, что законы писаны не для защиты бѣдняковъ противъ богатей, а лишь для защиты богатей противъ бѣдняковъ, для угнетенія рабочихъ хозяевами. Фабриканты организуются въ синдикаты, картели и тресты, чтобы увеличивать свои дивиденды. За фабрикантами стоятъ—организованная полиція, организованная армія, организованное правительство, готовые по первому знаку фабриканта набить пустое брюхо рабочаго штыками, пулями, картечью, лишь только послѣдній вздумаетъ покунуться на „священные права“ хозяевъ. Но когда рабочіе хотятъ защищать организованными силами свои права противъ покушеній хозяина, хозяева, въ лицѣ лорда Пенрина, испускаютъ вопль негодованія и выгоняютъ рабочихъ на улицу, обрекая ихъ семьи на муки голода и холода...

— Shame! Стыдъ! Позоръ! пронесся по всей залѣ негодующій ропотъ слушателей.

— Да, позоръ, что въ свободной Англій одинъ человѣкъ имѣетъ право лишить три тысячи трудящихся семей куска хлѣба и крова!.. Позоръ, что земля, на которой мы родились, и безъ которой ни одинъ человѣкъ не можетъ жить, отдана въ монопольную власть отдѣльнымъ лицамъ!.. И позоръ, несмыслаемый позоръ падетъ на головы всего рабочаго

класса, если онъ не поддержитъ своихъ пенринскихъ братьевъ, если онъ дозволитъ лорду Пенрину голодомъ принудить каменоломовъ къ тому, чтобы они отказались отъ права всѣмъ вмѣстѣ защищать свои интересы!..

— Hear! Hear! Слушайте! Слушайте! прокатилось энергичное одобреніе по залѣ.— Долой лэндлордизмъ! раздалось въ рядахъ, гдѣ сидѣли социалисты.

— Дѣло пенринскихъ рабочихъ есть дѣло всего рабочаго класса! снова покрылъ всѣ звуки мощный голосъ председателя.— Но пусть лучше изложитъ вамъ это дѣло самъ депутатъ отъ пенринскихъ рабочихъ... Слово за мистеромъ Вильямомъ Джонсомъ!..

Энтузіазмъ овладѣлъ публикой, и восторженная рукоплескавія встрѣтили изящнаго, стройнаго джентльмена въ безукоризненномъ черномъ сюртукѣ, поднимавшаго со своего мѣста по правую руку председателя. Никто бы не узналъ въ этомъ членѣ парламента, съ интеллигентнымъ лицомъ, сына уэльскаго батрака, когда-то мальчикомъ работавшаго вмѣстѣ со своимъ отцомъ на хозяйской фермѣ.

Джонсъ окинулъ смѣлымъ взглядомъ переполненную залу и, заложивъ одну руку за спину, а другую сунувъ въ карманъ, началъ говорить спокойнымъ, внятнымъ голосомъ. Слушатели насторожившись выткнули впередъ головы.

— Дѣло пенринскихъ рабочихъ я излагалъ много разъ, и не только на народныхъ митингахъ, но и въ парламентѣ, и, долженъ сказать, я встрѣчалъ со всѣхъ сторонъ однихъ лишь сочувствующихъ слушателей... Я бесѣдовалъ съ депутатами и лордами обѣихъ палатъ и обѣихъ партій, я велъ длинные переговоры съ правительствомъ, и всѣ, рѣшительно всѣ выражали свое неодобреніе лорду Пенрину и свои симпатіи его рабочимъ. „Что можемъ мы подѣлать?“ говорили мнѣ министры. „Мы не вправѣ вмѣшиваться въ эту распрю... Лордъ Пенринъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ закона“... Когда британскіе миллионеры пожаловались правительству, что имъ не даютъ политическихъ правъ въ Трансваалѣ, оно послало болѣе 300.000 солдатъ и затратило 2 миллиарда на завоеваніе имъ политическихъ правъ. Тутъ оно нашло нужнымъ вмѣшаться. Но когда 3.000 пенринскихъ рабочихъ попросили правительство стать на защиту ихъ экономическихъ правъ, оно нашло невозможнымъ, незаконнымъ вмѣшаться, хотя его симпатіи и лежатъ на сторонѣ пенринскихъ рабочихъ. Оно знаетъ, что образъ дѣйствій лорда Пенрина есть только болѣе рѣзкая форма образа дѣйствія другихъ лэндлордовъ и что онъ опирается на тотъ самый законъ, на который опираются всѣ владѣльцы всевозможныхъ монополій...

— Вѣрно! Слушайте! раздался въ залѣ ропотъ голосовъ.

— Впрочемъ, оно вмѣшалось въ распрю...

По первому требованію лорда Пенрина, оно послало въ Ветэсду нѣсколько отрядовъ солдатъ для усмиренія безпорядковъ, которые войска и полиція тщетно старались вызвать... Вы хотите, чтобы я изложилъ причины, вызвавшія стачку. Причинъ, или вѣрнѣе, поводовъ, было много. Были споры о заработной платѣ, о подрядныхъ и артельныхъ работахъ, о празднованіи майскаго праздника. Но всё онѣ играютъ второстепенную роль. Главная, единственно важная причина нынѣшней стачки, тянущейся уже столько мѣсяцевъ, — это право рабочихъ вести со своимъ работодателемъ переговоры какъ одно цѣлое, через свой выборный комитетъ. Это право есть главный устой существованія союзовъ — трэдъ-юнионовъ, и въ этомъ правѣ лордъ Пенринъ отказываетъ своимъ рабочимъ. За это-то право рабочіе борются нынѣшней стачкой, за него они боролись во время стачки 1896 года, изъ-за него происходили всѣ столкновенія между лордомъ Пенриномъ и его рабочими, начиная съ первой стачки 1865 года.

И ораторъ принялся излагать исторію этихъ столкновеній... Но вмѣсто того, чтобы слѣдить за его рѣчью, перенесемся въ Карнарвонширъ, графство Сѣвернаго Уэльса, гдѣ расположены аспидныя копи лорда Пенрина.

II.

Широко, далеко раскинулись богатая владѣнія лорда Пенрина. Поля, долины, горы, шумная рѣчка Огвенъ, быстро несущая свои кристаллическія воды среди живописныхъ береговъ, покрытыхъ кустами красной смородины и черной ежевики, — все представляетъ частную собственность лорда Пенрина. Даже прекрасная гавань, куда впадаетъ горная Огвенъ, называется Портомъ-Пенриномъ. Небо, благословившее графство Карнарвонширъ мягкимъ климатомъ и прекрасной природой, не удовлетворялось, однако, этимъ. Чтобы обезпечить благосостояніе карнарвонширскихъ жителей, оно помѣстило въ этой области одну изъ высочайшихъ горъ Уэльса и заложило въ ней пласты асида, *) представляющіе обширнѣйшія и богатѣйшія по качеству аспидныя залежи въ мірѣ. И эта гора съ богатѣйшими аспидными залежами, надъ разработкой которыхъ тысячи людей трудятся и трудились въ теченіе многихъ столѣтій, эта богатѣйшая въ мірѣ аспидная гора также попала въ частную собственность лордовъ Пенриновъ.

Никто не знаетъ, какъ велики теперь богатства лорда Пенрина; но всякій знаетъ, что богатства эти созданы тружениками, которые изо дня въ день, изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ колютъ аспидныя доски въ мощной груди пенринскихъ горъ.

*) Изъ него, между прочимъ, дѣлаются „грифель-пня“, аспидныя доски.

Отъ ближайшей желѣзнодорожной станціи къ Ветэсдѣ, мѣстечку, населенному пенринскими рабочими, ведетъ извилистая тропника вдоль по берегу Огвена. Съ веселымъ рокотомъ мчатъ свои воды по каменистому ложу Огвенъ, пѣнясь и торжествуя побѣду надъ холодными скалами, среди которыхъ онъ проложилъ себѣ дорогу къ свободному морю. Задумчивая ива тамъ и сямъ таинственно склоняетъ свои вѣтви къ говорливой рѣкѣ, и стремительный Огвенъ подхватываетъ эти вѣтви своими водами, пѣлуется ихъ и шепчетъ имъ любовныя пѣсни. По обѣимъ сторонамъ рѣки раскинулись поля, на которыхъ живописно красуются группы могучихъ дубовъ. А тамъ, дальше виднѣются горные кряжи, гордо вздымающіе къ небу свои почти всегда покрытыя снѣгомъ вершины. Жить бы здѣсь и радоваться жизни!..

Картина значительно теряетъ въ красотѣ, когда вы подходите ближе къ этимъ горамъ, окружающимъ, точно бдительные часовые, мѣстечко Ветэсду. Вы натываетесь на ряды черныхъ, безобразныхъ холмовъ, образовавшихся изъ отбросовъ аспидныхъ работъ. Склонъ высочайшей горы оказывается изрытымъ копиямъ въ видѣ огромнаго амфитеатра, радусомъ болѣе мили, и идѣющаго въ своей высшей линіи болѣе мили глубины. Въ рабочее время тысячи черныхъ точекъ двгаются по террасамъ амфитеатра и оживляютъ картину.

Само мѣстечко Ветэсда, со своимъ 15-тысячнымъ населеніемъ, въ мирное время представляетъ веселую картину. Отъ центральной торговой улицы во всѣ стороны разбѣгаются безчисленныя группы красивыхъ домиковъ-коттеджей, уютныхъ въ тщательно взращенныхъ садикахъ. Окруженная живописными горами, прикрытая яснымъ куполомъ голубого неба и обвѣваемая южнымъ вѣтеркомъ, прилетающимъ съ моря, Ветэсда звенѣла всегда пѣснями о любви и радостяхъ жизни: въ отличіе отъ суровыхъ и прозаическихъ англичанъ, уэльсы владѣютъ богатой сокровищницей народныхъ пѣсенъ и любить веселье, музыку, танцы.

Но веселье и жизнь за послѣдніе годы покинули Ветэсду, и она теперь представляетъ картину полумертваго города, жители котораго бѣжали въ страхѣ передъ непріателемъ. Непріятель этотъ — голодь... голодь, порожденный стачкой.

III.

Ветэсда уже не разъ переживала тяготы открытой борьбы съ лордомъ Пенриномъ. Первая стачка, упоминаемая исторіей этого округа, относится къ 1865 году, но причинъ, вызвавшихъ это столкновеніе рабочихъ съ хозяевами, намъ не удалось узнать. Въ книгѣ матеріаловъ, собранныхъ Вильямомъ Парри (The Penrhyn Lock-out, Statement and appeal. London. 1901), упоминается только, что къ стачкѣ

1865 г. рабочіе были приведены „жестокими“ условіями работы, существовавшими въ продолженіе ряда лѣтъ передъ этимъ годомъ. Въ то время коями владѣлъ отецъ пынѣшняго лорда,—человѣкъ, о которомъ его рабочіе сохранили добрую память. Но заправлялъ всѣмъ дѣломъ не онъ самъ, а назначенный имъ директоръ съ помощниками. Когда рабочіе покинули шахту, лордъ Пенринъ согласился вести съ ними лично переговоры и выслушать ихъ жалобы. Рабочіе выбрали комитетъ, который, послѣ нѣсколькихъ свиданій съ лордомъ, получилъ отъ него обѣщаніе удовлетворить всѣ ихъ требованія. Такимъ образомъ, рабочіе побѣдили и послѣ 14 дней забастовки вернулись на работу.

Побѣдѣ-то они побѣдили, но не столько вслѣдствіе своей силы, сколько благодаря тому, что старый лордъ былъ человѣкъ благоразумный и по своему добрый. Какъ было уже сказано, пенринскія копи производятъ наиболѣе цѣнныя аспидныя доски въ мірѣ; въ Пенринѣ вырабатываютъ цѣльныя великолѣпныя доски, употребляемыя для биллиардовъ, клозетовъ и т. п. Копи эти представляютъ своего рода монополію, доставляющую огромные доходы собственнику. Но никто, кромѣ коренныхъ пенринскихъ рабочихъ, не можетъ работать въ нихъ. Особенность пенринскихъ копей заключается въ томъ, что ихъ аспидные пласты лежатъ вполне горизонтально, тогда какъ въ другихъ копияхъ они лежатъ наклонно. Поэтому работа въ пенринскихъ копияхъ производится особыми инструментами, для правильнаго обращенія съ которыми требуется, въ виду высокой цѣнности матеріала, многолѣтняя сноровка. Только пенринскіе каменоломы могутъ работать въ пенринскихъ копияхъ, и только въ пенринскихъ копияхъ могутъ работать пенринскіе каменоломы, такъ какъ во всѣхъ другихъ копияхъ работа производится другими инструментами. Пенринскіе рабочіе находятся въ большой зависимости отъ лорда Пенрина, такъ какъ во всякомъ другомъ мѣстѣ она вынуждены были бы работать не какъ мастера своего дѣла, а какъ простые чернорабочіе и получать гораздо меньшую заработную плату. Но, съ другой стороны, и лордъ Пенринъ не можетъ получать доходовъ отъ своихъ копей, иначе какъ при помощи труда коренныхъ пенринскихъ каменоломовъ; разъ послѣдніе бастуютъ, приходится закрыть шахты, откуда взять новыхъ каменоломовъ, которые бы знали, какъ обращаться съ пенринскими орудіями копки.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ болѣшую гармонію интересовъ капитала и труда, чѣмъ въ другихъ производствахъ. Болѣшая взаимная зависимость побуждаетъ къ взаимнымъ уступкамъ, и потому лордъ, убѣдившись въ правотѣ рабочихъ, уступилъ имъ.

Но рабочіе, выигравъ стачку, крѣпко призадумались. Какъ ни коротка была забастовка, она все-таки успѣла убѣдить ихъ въ томъ, что,

несмотря на взаимную зависимость лорда и рабочихъ, лордъ все-таки спльнѣе рабочихъ. У лорда, помимо копей, имѣлись еще другія владѣнія, и на доходы съ послѣднихъ онъ могъ бы, несмотря на стачку, жить спокойно, сколько угодно; тогда какъ среди рабочихъ уже къ концу второй недѣли многіе сидѣли безъ хлѣба и поговаривали о томъ, чтобы вернуться на работы. И вотъ тѣ изъ каменоломовъ, которые были умнѣе и опытнѣе, собрали всѣхъ своихъ товарищей-рабочихъ на митингъ и изложили имъ все, что надумали.

— Товарищи! обратился къ нимъ съ рѣчью одинъ изъ ихъ вождей, молодой талантливый Вильямъ Вильямсъ.—Лордъ Пенринъ уступилъ намъ, и мы выиграли стачку. Спасибо ему за это!

— Hear! Hear! Слушайте! Ура лорду Пенрину! пронеслись по всему собранію клики.

— Но что бы было, если бы нашъ лордъ отказался удовлетворить наши жалобы?! Вы всѣ знаете, что бы было: мы бы голодали до тѣхъ поръ, пока видъ нашихъ умирающихъ дѣтей и плачущихъ женъ не погналъ бы насъ обратно на работы, на какихъ угодно условіяхъ...

Ораторъ остановился п обвелъ собраніе глазами. Слушатели молчали, угрюмо понуривъ головы. Черезъ открытыя окна доносился насмѣшливый рокотъ Огвена.

— Пусть же эта стачка послужитъ намъ урокомъ... снова началъ Вильямсъ.—Воспользуемся опытомъ рабочихъ другихъ отраслей производства и постараемся получить оградить свои интересы на будущее время. Почему нортумберландскіе углекопы работаютъ въ среднемъ 7—8 часовъ въ день и зарабатываютъ отъ 30—40 шил. въ недѣлю, тогда какъ палочники или цѣпочники Восточнаго Лондона работаютъ по 16—18 час. въ день и получаютъ лишь отъ 15—20 шил. въ недѣлю? Вѣдь оба рода работъ одинаково тяжелы, и научиться имъ можно съ одинаковой быстротой? Потому что углекопы организовались въ рабочей союзъ, и этотъ союзъ требуетъ для нихъ лучшихъ условій труда, тогда какъ цѣпочники не имѣютъ союза и потому не могутъ требовать. И тѣ и другіе могутъ, конечно, устроить стачку для полученія лучшихъ условій труда. Но углекопы успѣли, путемъ правильныхъ взносовъ, собрать значительный капиталъ въ стачечной кассѣ своего союза, и могутъ безъ особыхъ лишений выдержать долгую стачку. Поэтому ихъ хозяева предпочитаютъ избѣгать стачки, уступая имъ во всѣхъ ихъ разумныхъ требованіяхъ. Цѣпочники же, не имѣя союза, не имѣютъ кассы и не могутъ долго бастовать. Поэтому хозяева не боятся ихъ и эксплуатируютъ ихъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Когда цѣпочники набирается смѣлости и идетъ къ хозяину жаловаться на то, что въ мастерской душно и грязно, что нужно ввести вентиляцію и вообще улуч-

шить санитарныя условія, или же на то, что мастера обращаются съ нимъ грубо и облагаютъ незаконными штрафами, что въ хозяйской лавкѣ продаются гнилые продукты по повышеннымъ цѣнамъ и т. п.,—хозяинъ отвѣчаетъ ему: „Тебѣ не нравится работать умснѣ? Можешь убираться! Я найду много другихъ на твоѣ мѣсто“... И онъ даетъ ему расчетъ. Углекопу же, когда онъ замѣчаетъ непорядокъ, незачѣмъ ходить жаловаться къ хозяину. Онъ дѣлаетъ секретарю своего союза заявленіе, и секретарь отъ имени союза вступаетъ съ хозяиномъ копей въ переговоры. Секретарь не боится хозяина, такъ какъ онъ получаетъ свое жалованье отъ союза и работаетъ только на союзъ, и хозяинъ надъ нимъ не властенъ. Переговоры ведутся здѣсь уже не между „хозяиномъ“ и подчиненными ему рабочими, а между двумя равноправными сторонами. Такимъ образомъ, только путемъ организованнаго союза рабочій можетъ отстаивать свое человѣческое достоинство и стать на равную ногу съ капиталистомъ...

— Вѣрно! Правильно! Намъ нуженъ союзъ! пронесся гулъ восклицаній по залѣ.

— Благодаря также союзу, углекопамъ удалось уничтожить „волчій билетъ“. Раньше, когда какой-либо рабочій выступалъ смѣло на защиту своихъ товарищей, хозяинъ говорилъ: „Это коноводъ, зачинщикъ всѣхъ волненій! Онъ язва для нашихъ копей“... И „коновода“ не только прогоняли, но еще давали знать хозяйкамъ другихъ копей, чтобы его не брали на работы, такъ какъ онъ „опасенъ“. Но когда союзъ сталъ выдавать такимъ пострадавшимъ товарищамъ пособіе, чтобы они могли выждать, пока не найдутъ работы, и когда онъ сталъ наиболѣе „опасныхъ“ коноводовъ назначать въ секретари свои, тогда исчезъ „волчій билетъ“: хозяйка перестали увольнять зачинщиковъ... Опять, благодаря союзу, самая работа углекоповъ стала регулярнѣе. Раньше хозяйка въ горячее время заставляла работать массу сверхъ-урочныхъ часовъ, чтобы удовлетворить спросу на уголь; а въ тихое время они считывали своихъ рабочихъ сотнями и тысячами. Когда же союзъ сталъ силой, онъ добился того, чтобы за сверхъ-урочные часы плата была вдвое выше, чѣмъ за нормальные часы. И съ тѣхъ поръ хозяйка нашли для себя болѣе выгоднымъ не давать сверхъ-урочной работы и не увольнять рабочихъ въ тихое время: они теперь предпочитаютъ заготовлять въ тихое лѣтнее время запасы, которыхъ хватило бы для повышеннаго спроса на уголь въ зимнее время... Такъ вотъ, товарищи, тѣ главные выгоды, какія даетъ союзъ. Союзъ есть необходимое дополненіе къ стачкѣ. При помощи союза рабочій получаетъ возможность защищать свои человѣческія права, не прибѣгая къ стачкѣ. Когда же хозяинъ вынуждаетъ рабочихъ прибѣгнуть къ стачкѣ, союзъ дѣлаетъ борьбу между хозяй-

номъ и рабочими болѣе равной. И я думаю, вы согласитесь со мною, что и намъ нужно организовать въ союзъ, если мы хотимъ быть людьми, а не рабами!..

Вильямъ кончилъ. Въ залѣ поднялась страшная суматоха. Одни кричали, что союзъ необходимъ, но что нужно объединить въ союзъ не только пенринскихъ рабочихъ, но и рабочихъ всѣхъ другихъ аспидныхъ копей Уэльса. Другіе утверждали, что, такъ какъ лордъ у нихъ добрый и общалъ заботиться о нихъ, то и незачѣмъ заваривать каши и сердить хозяина. Наконецъ, третьи, признавая необходимость союза, возставали противъ соединенія съ рабочими другихъ копей.

Послѣ ряда собраній и долгихъ горячихъ споровъ рабоче большинство голозовъ высказались противъ общаго союза всѣхъ каменоломовъ Уэльса, но за образованіе мѣстнаго союза пенринскихъ каменоломовъ: лордъ, навѣрное, откажется имѣть дѣло съ представителями отъ чужихъ рабочихъ, но онъ ничего не можетъ имѣть противъ мѣстнаго союза, дозволеннаго закономъ. Болѣе 1800 человекъ немедленно записались въ члены новаго союза, около же тысячи каменоломовъ предпочли стоять въ сторонѣ отъ „опаснаго“ предпріятія.

Но лордъ Пенринъ категорически отказался примириться съ существованіемъ даже мѣстнаго союза. Немедленно созвавъ бывшій стачечный комитетъ и нѣкоторыхъ другихъ рабочихъ, онъ прочиталъ имъ торжественно бумагу, въ которой, между прочимъ, говорилось, чтобы „они не слушались этого такъ называемаго комитета, результатомъ дѣятельности котораго будетъ лишь отчужденіе его, лорда, отъ рабочихъ. Онъ, лордъ, до сихъ поръ всегда относился къ рабочимъ, какъ другъ; благодаря же комитету, между ними возникнутъ враждебныя чувства, и обѣ стороны лишь проиграютъ... И онъ предупреждаетъ рабочихъ, что лишь только онъ услышитъ объ образованіи трэдъ-юніона, союза, онъ закроетъ всѣ свои шахты, и откроетъ ихъ лишь для тѣхъ, которые откажутся отъ всякаго участія въ подобномъ движеніи“.

Рабочіе собрались, совѣщались между собой и рѣшили отказаться отъ союза, положившись на великодушіе лорда Пенрина. Оказался ли лордъ великодушнымъ,—неизвѣстно, да и неинтересно для рабочихъ, такъ какъ непосредственно заправлялъ копами не лордъ, а назначенный имъ директоръ, Джонъ Франсисъ. Директоръ же этотъ вскорѣ послѣ стачки понизилъ расцѣнки и принялся притѣснять рабочихъ по-старому. Отношенія между лордомъ и его рабочими сдѣлались еще болѣе натянутыми. Въ 1868 году сынъ лорда Пенрина поставилъ свою кандидатуру въ парламентъ отъ Карнарвонширскаго графства. Рабочіе провалили его и выбрали вмѣсто него одного радикала, мѣстнаго жителя. Въ отвѣтъ на это въ 1870 году болѣе 80 лучшихъ рабочихъ было уволено безъ

всякаго повода изъ пенринскихъ копей. Всѣ они играли видныя роли во время стачки 1865 г. и во время выборовъ 1868 г.

IV.

Это тяжелое для пенринскихъ рабочихъ время продолжалось нѣсколько лѣтъ. Въ началѣ 1874 года среди рабочихъ всѣхъ аспидныхъ копей Уэльса возникло сильное движеніе въ пользу образованія всеобщаго трэдъ-юніона аспидоломовъ. Въ апрѣлѣ этого года союзъ былъ организованъ. И въ маѣ того же года хозяева всѣхъ аспидныхъ копей собрались и порѣшили, что „въ виду сохраненія добрыхъ отношеній между хозяевами и рабочими, всякій рабочий, присоединяющійся къ трэдъ-юніону, будетъ немедленно удаленъ изъ копей и хозяевамъ всѣхъ другихъ копей объ этомъ будетъ дано знать“. На этомъ совѣщаніи присутствовалъ также и директоръ пенринскихъ копей, но самъ лордъ Пенринъ вскорѣ объявилъ въ газетахъ, что онъ лично не одобряетъ рѣшенія хозяевъ, и что его директоръ принималъ участіе въ совѣщаніи безъ его, лорда, вѣдома.

Началась борьба по всей линіи, во всемъ Уэльсѣ, борьба за право рабочихъ объединяться въ союзы и вести переговоры съ хозяевами черезъ секретарей союза. Одинъ хозяинъ за другимъ рассчитывалъ всѣхъ своихъ рабочихъ и закрывалъ копи, чтобы сокрушить союзы—трэдъ-юніоны. Но стойкость рабочихъ и широкая матеріальная поддержка, получаемая ими отъ трэдъ-юніоновъ всей Англіи, рѣшила борьбу почти неизмѣнно въ ихъ пользу. Послѣ нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ стачки хозяева открывали слова свои копи и принимали обратно своихъ рабочихъ, уже какъ членовъ трэдъ-юніона.

Дошла очередь и до пенринскихъ рабочихъ. Лордъ Пенринъ, узнавъ, что его каменоломы собрали между собой болѣе 2.000 руб. для поддержки забастовавшихъ рабочихъ другихъ копей, объявилъ, что онъ закроетъ свои шахты, если это повторится снова. Пенринскіе рабочіе немедленно отвѣтили почти поголовнымъ присоединеніемъ къ Общему Союзу аспидныхъ каменоломовъ. Они вслѣдъ затѣмъ избрали комитетъ, который и предъявлялъ управленію копей рядъ требованій о повышеніи расцѣнокъ, установленіи постояннаго третейскаго судьи для разбора всѣхъ могущихъ возникнуть между обѣими сторонами недоразумѣній и о возвращеніи всѣхъ уволенныхъ въ 1870 г. товарищей.

Всѣ пенринскіе рабочіе забастовали, и началась перешиха между комитетомъ союза и лордомъ Пенриномъ. Комитетъ утверждалъ, что расцѣнки въ пенринскихъ копияхъ ниже, чѣмъ въ другихъ копияхъ Уэльса.

— Вѣрно, отвѣтилъ лордъ черезъ своего

управляющаго,—но вы не принимаете во вниманіе, что я выстроилъ для васъ школы, сдаю вамъ землю подъ коттеджи по низкимъ цѣнамъ и вношу значительную сумму на поддержку вашей лѣчебницы.

— Тогда мы отказываемся отъ всѣхъ вашихъ пожертвованій, возразилъ комитетъ.— Если вы вычитываете пожертвованія ваши деньги изъ нашего заработка, тогда ихъ нельзя считать пожертвованіемъ. Мы предпочитаемъ платить сполна сами за нашу лѣчебницу, но за это мы требуемъ права контроля надъ нею. Вѣдь мы тоже дѣлаемъ взносы на это дѣло, между тѣмъ, мы не знаемъ, какъ эти деньги расходуются, такъ какъ ими распоряжается безконтрольно вашъ главный управляющій, мистеръ Франсисъ. Что же касается коттеджей, то мы ихъ выстроили на наши сбереженія на землѣ, которая вамъ не приносила никакого дохода, и потому ренту, платимую вамъ за эту землю, нельзя считать низкой.

— Если бы я согласился на ваши расцѣнки, мнѣ бы пришлось скоро совѣмъ закрыть шахты: на вашихъ условіяхъ шахты не могутъ приносить такого дохода, который бы вознаградилъ достаточно собственника за всѣ его заботы, безпокойства и волненія...

— Мы не споримъ противъ того, что собственникъ долженъ получать доходъ отъ своихъ копей. Но мы считаемъ несправедливымъ, чтобы рабочій получалъ за свой тяжкій трудъ недостаточную заработную плату только потому, что въ глазахъ хозяина прибыль его недостаточно высока.

Чувствуя за собой поддержку союза всѣхъ уэльскихъ каменоломовъ, пенринскіе рабочіе говорили теперь совѣмъ другимъ языкомъ: они уже не зывали къ „великодушію“ лорда,—они прямо и смѣло требовали себѣ правъ и условій, необходимыхъ для человѣческаго существованія.

Стачка продолжалась семь недѣль. Лордъ дѣлалъ одну уступку за другой и, наконецъ, уступилъ по всѣмъ существеннымъ пунктамъ. Расцѣнки были увеличены, уволенные рабочіе приняты обратно, завѣдываніе лѣчебницей передано въ руки рабочихъ и для разсмотрѣнія жалобъ рабочихъ былъ избранъ лордомъ и рабочими третейскій судья. Отнынѣ рабочій, недовольный чѣмъ-либо, могъ передавать свою жалобу на разсмотрѣніе избраннаго рабочими комитета; и если комитетъ находилъ жалобу справедливой, онъ ее передавалъ на окончательное рѣшеніе третейскому судѣ. Безъ согласія послѣдняго ни одинъ рабочій не могъ быть увольняемъ изъ копей.

Побѣда рабочихъ, такимъ образомъ, была полная, ихъ союзъ и представители были признаны лордомъ, и они вернулись всѣ на работы. Лордъ уѣхалъ къ берегу моря на отдыхъ, а третейскій судья поѣхалъ по дѣламъ на континентъ Европы.

Но уже черезъ два дня рабочіе покинули копъ и снова забастовали. Оказалось, что директора копей, воспользовавшись отлучкой третейскаго судьи, захотѣли нанять рабочихъ по старымъ расцѣнкамъ и вообще не признавать новыхъ условий. Началась новая стачка. Рабочіе рѣшили скорѣе умереть съ голоду, чѣмъ сдаться. Пріѣхалъ третейскій судья, разсмотрѣлъ жалобы рабочихъ и по 17 пунктамъ изъ 18 нашелъ ихъ справедливыми. Три главныхъ директора, съ Дж. Франсисомъ во главѣ, подали въ отставку. Рабочіе вернулись на работы, и вторая забастовка, длившаяся болѣе 10 недѣль, прекратилась. По приглашенію лорда, представитель отъ рабочихъ разсмотрѣлъ книги по управленію лѣчебницей, которой завѣдывалъ Дж. Франсисъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. И когда было доказано, что около 25 тысячъ изъ принадлежащихъ лѣчебницъ суммъ было растрчено, лордъ уволилъ окончательно Дж. Франсиса, назначивъ ему пожизненную пенсію въ 5.000 руб. въ годъ.

И въ Бетэсдѣ водворился счастливый миръ.

V.

Миръ этотъ продолжался около десяти лѣтъ. Отношенія между рабочими и лордомъ Пенриномъ были все это время самыя сердечныя. Рабочіе были полны благодарности къ хозяину и всячески выражали ее ему. Бетэсда сдѣлалась очагомъ веселья и счастья, и, по увѣренію историка пенринскихъ рабочихъ, мистера Парри, во всей Великобританіи не было болѣе благоденствующаго уголка, чѣмъ городокъ Бетэсда.

Но счастье это покоилось на зыбкомъ основаніи. Источникъ этого счастья—договоръ, заключенный въ 1874 году между лордомъ и союзомъ его рабочихъ, былъ лишь частнымъ договоромъ, не измѣняющимъ сущности существующихъ экономическихъ отношеній, поддерживаемыхъ закономъ. Неограниченное право частной собственности на копи оставалось за лордомъ Пенриномъ, и стоило последнему откаться отъ договора 1874 г., чтобы все благополучіе рабочихъ, добытое стачкой, рассыпалось въ прахъ. Это именно и случилось въ маѣ 1885 года, когда во владѣніе копиями вступилъ сынъ лорда Пенрина,—нынѣшній лордъ Пенринъ.

Новый лордъ однимъ росчеркомъ пера уничтожилъ всѣ тѣ права, которыхъ рабочіе добились въ 1874 г. цѣною столь упорныхъ усилій. 4 мая 1885 г. во всѣхъ штатахъ было вывѣшено объявленіе, въ которомъ новый хозяинъ оповѣщалъ, что отнынѣ договоръ 1874 г. отменяется, третейскій судъ уничтожается и жалобы на управленіе должны быть представляемы самому управляющему, и не черезъ комитетъ союза, а самими потерпѣвшими рабочими. Въмѣстѣ съ тѣмъ была объявлена от-

крытая война рабочему союзу. По распоряженію лорда, общія жалобы отъ всѣхъ рабочихъ могутъ быть представлены черезъ депутацію, составленную непременно изъ равнаго числа представителей отъ рабочихъ, участвующихъ въ союзѣ, и отъ рабочихъ, не участвующихъ въ немъ. Но когда къ лорду пришла депутація изъ 6 человекъ, троимъ изъ нихъ—трэдъ-юнионистамъ, былъ объявленъ расчетъ еще раньше, чѣмъ сама депутація была выслушана. Когда же, благодаря этому акту произвола, начался сильный волненіи среди всѣхъ рабочихъ, выразившихъ готовность поддержать своихъ уволенныхъ товарищей стачкой, послѣдніе были приняты обратно, но при условіяхъ, унижительныхъ для ихъ человѣческаго достоинства.

Походъ лорда Пенрина противъ союза объясняется не одними экономическими интересами, но также и причинами политическаго характера. Выше уже было упомянуто, что онъ ставилъ свою кандидатуру въ 1868 году и потерпѣлъ пораженіе. Въ 1880 году онъ снова выступалъ въ Карнарвонширскомъ графствѣ въ качествѣ консервативнаго кандидата и снова потерпѣлъ пораженіе. Та же участь постигла и нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ Уэльса.

Уэльсъ посылаетъ 30 депутатовъ въ парламентъ. Изъ нихъ 24—28 мѣстъ достаются радикальной партіи и только 2—6 мѣстъ—консервативной. Кейръ-Гарди, социалистъ, засѣдающій въ палатѣ общинъ, былъ выбранъ также въ одномъ изъ уэльскихъ избирательныхъ округовъ. Уэльскій народъ отдѣляется отъ лэндлордовъ и шахтовладельцевъ не только различіемъ ихъ экономическихъ интересовъ, но также и различіемъ языка, религій, расоваго происхожденія. Уэльсы, подобно ирландцамъ, являются остаткомъ кельтскаго племени: они говорятъ на кельтскомъ языкѣ и принадлежатъ по большей части къ церкви кальвинистовъ. Лэндлорды же—это англичане, предки которыхъ завладѣли силой землями Уэльса; они говорятъ по-английски и принадлежатъ къ англиканской церкви.

Въ интересахъ уэльскаго народа лежитъ добиваться отдѣленія англиканской церкви отъ государства (т. е. уравненія всѣхъ церквей передъ закономъ), расширенія значенія мѣстнаго самоуправления, развитія рабочаго законодательства и ограниченія правъ лэндлордовъ на ихъ земли и копи. Наоборотъ, лэндлорды всячески поддерживаютъ привилегіи господствующей англиканской церкви и борются противъ всѣхъ реформъ. Уэльскій народъ, въ подавляющемъ большинствѣ, является радикалами; уэльскіе же лэндлорды—консерваторы самаго крайняго типа. И такъ какъ уэльскіе трэдъ-юнионы оказываютъ сильную поддержку во время избирательной борьбы радикальнымъ кандидатамъ, то лэндлорды и питаютъ непримиримую ненависть къ трэдъ-юнионамъ и, въ особенности

въ секретарямъ рабочихъ союзовъ, являющимся нерѣдко ихъ опасными конкурентами при выборахъ въ парламентъ.

Въ 1880 году консервативная партія потерпѣла большое поражение на выборахъ, министерство Биконсфильда пало, и премьеромъ былъ сдѣланъ Гладстонъ. Нынѣшній лордъ Пенринъ, также потерявшій въ 1880 г. свое мѣсто въ палатѣ общинъ, взялся немедленно за систематическую борьбу противъ пенринскаго рабочаго союза. Путемъ всякихъ заманчивыхъ обѣщаній, повышеиій по работѣ и тому подобнымъ приемамъ ему или вѣрнѣе его агентамъ удалось отвлечь значительное число рабочихъ отъ союза, и такимъ образомъ, когда въ 1885 г. онъ вступилъ во владѣнiе копями, пенринскiе рабочiе были раздѣлены на два лагеря—трэдъ-юнионистовъ и не трэдъ-юнионистовъ. Благодаря именно этому раздѣленiю рабочихъ, лордъ Пенринъ и могъ безпрепятственно уничтожить соглашенiе 1874 г.: ослабленный рабочiй союзъ не чувствовалъ себя въ силахъ стать рѣшительно и открыто на защиту рабочихъ правъ. Рабочiе выразили печатно своей протестъ, но объявить стачки не могли и рѣшили „ждать событий“.

И они ждали цѣлыхъ 11 лѣтъ. Умъ англійскаго рабочаго работаетъ медленно и подвигается впередъ осторожно, ошупью, не при свѣтѣ теорiи, а лишь подъ давленiемъ непобѣдимой силы фактовъ; но разъ англiйскiй работникъ убѣдился въ необходимости бороться, онъ борется съ упорствомъ, свойственнымъ англiйскому народу.

Итакъ, пенринскiе рабочiе ждали „событiй“, то есть актовъ произвола со стороны лорда. Но лордъ былъ остороженъ. Спросъ на аспидные продукты, бывшiй очень слабымъ въ периодъ съ 1876—1887 года, поднялся, цѣны повысились, и спокойное теченiе работъ въ копяхъ обуславливалось интересами обѣихъ сторонъ. Въ периодъ застоя каменоломы работали только по четыре дня въ недѣлю. Теперь они работали полныхъ 6 дней, и ихъ заработокъ соответственно поднялся; но расцѣнки въ копяхъ другихъ хозяевъ были значительно повышены. Рабочiе все-таки молчали въ продолженiе нѣсколькихъ лѣтъ. Когда же они, черезъ выбранный ими комитетъ, выразили лорду свое неудовольствiе, послѣднiй заявилъ, что повысить расцѣнки, лишь только состоянiе рынка это позволить.

Лордъ сдержалъ свое обѣщанiе, но лишь наполовину. Въ 1891—93 гг. онъ въ три приема повысилъ „добровольно“ расцѣнки на 15%, но за это время цѣны на аспидъ поднялись на 30%. Рабочiй комитетъ продолжалъ настаивать на дальнѣйшемъ повышенiи расцѣнокъ. „Когда цѣны на аспидъ, заявляли рабочiе,—пали въ периодъ застоя 1876—1887 гг. на 30%, мы добровольно согласились на пониженiе нашего заработка на

43%; теперь же, когда цѣны поднялись на 30%, наши расцѣнки повышены лишь на 15%. И цѣлымъ рядомъ цифръ комитетъ доказывалъ лорду, что рабочiе вправѣ требовать повышенiя средней заработной платы до 2 р. 75 коп. въ день (вмѣсто 2 р. 25 к.). Лордъ опровергалъ цифры, приводимыя комитетомъ, и переписка между лордомъ и комитетомъ и обостренныя отношенiя тянулись цѣлые годы, до сентября 1896 г., когда они закончились открытой войной. 14 сентября двое рабочихъ, по окончанiи работъ собирали въ шахтахъ нѣкоторыя свѣдѣнiя, нужныя комитету для подтвержденiя цифръ, оспоренныхъ лордомъ. Мастеръ велѣлъ рабочимъ удалиться, а управленiе немедленно потребовало ихъ въ контору для допроса. Рабочiе отказались пойти въ контору, заявивъ, что у нихъ есть свой выборный комитетъ, къ которому управленiе и должно обращаться за объясненiями, а не къ отдѣльнымъ, индивидуальныхъ рабочимъ. Въ отвѣтъ на „неповкорство“ управленiе объявило, что оба рабочихъ уволены съ работъ на *неопредѣленное время*. Всѣ пенринскiе рабочiе заволновались и совершенно отказались объясняться съ управленiемъ иначе, какъ черезъ комитетъ. Нѣсколько дней прошло, оба рабочихъ продолжали воздерживаться отъ явки въ контору, и правленiе уволило ихъ *навсегда*. Тогда комитетъ обратился ко всѣмъ рабочимъ съ предложенiемъ устроить стачку черезъ 6 мѣсяцевъ, если расцѣнки не будутъ повышены и ихъ уволенные товарищи не будутъ приняты обратно. Рабочiе какъ трэдъ-юнионисты, такъ и не трэдъ-юнионисты высказались почти единодушно за стачку. Въ отвѣтъ на рѣшенiе рабочихъ лордъ далъ немедленный расчетъ всѣмъ членамъ комитета и всѣмъ вообще рабочимъ, принимавшимъ выдающееся участiе въ переговорахъ съ лордомъ. Всего было уволено 71 человекъ, среди которыхъ были рабочiе, проработавшiе въ копяхъ болѣе 30, 40 и даже 50 лѣтъ.

Тогда всѣ рабочiе, какъ одинъ человекъ, забастовали. Собравшись 30 сентября 1896 г., рабочiе единодушно приняли слѣдующую резолюцию:

1. „Мы, рабочiе пенринскихъ копей, прекратили работу изъ-за вопроса первѣйшей важности,—права рабочихъ объединяться и добиваться защиты своихъ справедливыхъ интересовъ черезъ комитетъ и депутацію, и мы увѣрены, что рабочiе всей Англiи будутъ поддерживать насъ въ нашей борьбѣ.“

2. „Когда бы мы ни рѣшили вернуться на работы, мы вернемся не иначе, какъ на условiи, что *всѣ* мы будемъ приняты обратно и на свои старыя мѣста“.

Комитетъ, предвидя, что стачка будетъ долгая и борьба упорная съ обѣихъ сторонъ, посоветовалъ рабочимъ искать пока работы на сторонѣ. И къ концу октября болѣе 1.400

рабочихъ, описавшись съ равными трэдъ-юнионами, нашли себѣ при ихъ посредствѣ работу, но, конечно, за гораздо болѣе низкую плату.

Веласда замерла и опустѣла.

VI.

Въ 1896 году, незадолго до начала стачки, правительство повело законъ, по которому какъ рабочіе, такъ и хозяева могутъ (но не обязаны) обратиться, въ случаѣ стачки, въ министерство торговли съ просьбой установить третейскій судъ для улаженія конфликта (Industrial Conciliation Act, 1896 г.). Пенринскій рабочій комитетъ тотчасъ же подалъ соответственное заявленіе министру торговли, который былъ радъ случаю показать полезность новаго закона. Но, несмотря на всѣ усилія министра, лордъ Пенринъ остался непоколебимымъ и даже не согласился на то, чтобы представитель министерства присутствовалъ во время свиданія и переговоровъ лорда съ делегатами отъ рабочихъ. „Я не желаю вмѣшательства третьихъ лицъ въ мои частныя дѣла,“ писалъ лордъ министру*). Самое свиданіе удалось устроить лишь послѣ переписки, длившейся шесть мѣсяцевъ, такъ какъ лордъ упорно отказывалъ рабочимъ въ ихъ желаніи привести съ собою стенографа для составленія точнаго отчета о переговорахъ. Когда же, наконецъ, это свиданіе состоялось, оно не повело дальше разсужденій и препирательствъ на тему о томъ, что такое трэдъ-юнионъ. Лордъ Пенринъ заявилъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ объединенія его рабочихъ въ союзъ, въ трэдъ-юнионъ, такъ какъ это дозволено англійскимъ закономъ; но онъ рѣшительно отказался имѣть какое-либо дѣло съ комитетомъ, исполнительнымъ органомъ этого рабочаго союза. Рабочіе же видѣли въ правѣ сно-

ситься съ управленіемъ работъ черезъ выбранный ими и постоянно дѣйствующій комитетъ основное условіе свободы союзовъ.

— Для насъ самый важный пунктъ, сказалъ лорду делегатъ рабочихъ Вильямъ Вильямсъ,—это наше право объединяться и дѣйствовать черезъ нашихъ представителей. Вы говорите, что ничего не имѣете противъ рабочаго союза; но единственный способъ осуществитъ союзъ практически, это путемъ права въ выборныхъ союзахъ заступаться за отдѣльнаго члена,—права вступать въ переговоры по этому поводу съ управленіемъ. Разъ законъ даетъ намъ право объединяться въ союзы, объединенные рабочіе являются коллективнымъ, общимъ дѣломъ, и выбранный ими комитетъ является законнымъ представителемъ этого общаго дѣла. Такъ смотря въ главные трэдъ-юнионы въ Англии, и хозяева всѣхъ важѣйшихъ отраслей промышленности ведутъ теперь переговоры и заключаютъ контракты не съ отдѣльными рабочими, а съ союзомъ рабочихъ черезъ ихъ комитетъ. Отдѣльные рабочіе беззащитны противъ своихъ предпринимателей, и только какъ члены союза они въ силахъ, черезъ свой комитетъ, отстаивать свои интересы. Будетъ ли это право признано за нами, т. е. право отстаивать передъ управленіемъ черезъ нашъ комитетъ интересы членовъ союза?

— Право союза дѣлать интересы отдѣльнаго члена интересами всѣхъ членовъ, я полагаю, отвѣтилъ лордъ,—лежитъ въ основѣ трэдъ-юнионизма; и меня это право не касается, я не имѣю никакого намѣренія вмѣшиваться въ это право. Но я не могу согласиться на то, чтобы между хозяиномъ и рабочими стоялъ комитетъ. Я не допущу, чтобы комитетъ вмѣшивался въ отношенія между управленіемъ и рабочими. Рабочій долженъ имѣть право жаловаться управленію непосредственно, а не черезъ комитетъ.

— Но комитетъ вовсе не желаетъ, чтобы рабочій не имѣлъ права жаловаться управленію непосредственно. Если рабочій хочетъ жаловаться непосредственно, пусть жалуетъ, мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія мѣшать ему. Мы хотимъ лишь, чтобы рабочій, если пожелаетъ, могъ вести свое дѣло черезъ комитетъ.

Но лордъ Пенринъ отказался признать комитетъ даже въ такой формѣ. Въ свою очередь, рабочіе делегаты, получивъ отказъ по основному пункту, нашли излишнимъ обсуждать другіе спорные пункты и удалились.

Стачка продолжалась *одинадцать* мѣсяцевъ.

Трижды въ теченіе этого времени лордъ Пенринъ вывѣшивалъ объявленіе о томъ, что, молъ, завтра открываются работы. Но ни одинъ рабочій не являлся. Въ кассу стачечниковъ притекала масса пожертвованій отъ другихъ рабочихъ союзовъ и отъ частныхъ

*) Съ тѣхъ поръ этотъ законъ о промышленномъ третейскомъ судѣ остался мертвой буквой. Законъ былъ обезсилевъ вслѣдствіе того, что его примѣненіе не было обязательнымъ, а лишь добровольнымъ. Надо, однако, замѣтить, что въ Англии не одни только капиталисты высказываются противъ установленія обязательнаго третейскаго суда между хозяевами и рабочими. На послѣднемъ конгрессѣ трэдъ-юнионовъ, имѣвшемъ мѣсто годъ тому назадъ, подавляющее число рабочихъ представителей тоже голосовало противъ включенія принципа обязательности въ промышленный третейскій судъ. Рабочіе боятся, чтобы обязательный третейскій судъ не одѣлался въ рукахъ хозяевъ орудіемъ для подавленія стачекъ. На примѣрѣ судебныхъ рѣшеній по процессу о тафвальской стачкѣ (см. нашу статью въ апрѣльской книжкѣ „Журнала для всѣхъ“, за 1905 г.) рабочіе убѣдились, что, когда вліяніе трудящихся классовъ на правительство слабо, судъ нерѣдко становится послушнымъ слугою капиталистическихъ интересовъ. Въ Новой Зеландіи, гдѣ уже болѣе десяти лѣтъ закономъ установленъ обязательный третейскій судъ, это учрежденіе оказывается дѣйствительно плодотворнымъ и пользуется славой полного безпристрастія. Но въ Н. Зеландіи парламентъ и правительство находятся подъ сильнымъ вліяніемъ рабочаго класса.

лицъ; около 190.000 руб. было въ общемъ получено кассой и распределено между семьями стачечниковъ за эти 11 мѣсяцевъ. Но денегъ этихъ все-таки было мало, и Ветэса все сильнѣе страдала отъ нужды.

Наконецъ, въ августѣ 1897 года между лордомъ Пенриномъ и делегатами отъ рабочихъ было устроено соглашеніе, положившее конецъ стачкѣ. По основному пункту конфликта, по вопросу о правѣ комитета рабочаго союза представлять жалобы правленію, соглашеніе это представляло какъ бы компромиссъ, взаимную уступку: комитетъ попрежнему оставался непризнаннымъ, но вмѣсто него была выработана особая система делегацій, уполномоченныхъ, для представленія жалобъ.

Раздѣлки оставались тѣ же, какія были и до стачки.

Единственной уступкой, завоеванной рабочими, былъ пунктъ 5-ый соглашенія, — обязательство правленія принять всѣхъ рабочихъ обратно, безъ всякаго исключенія, то есть и всѣхъ уволенныхъ раньше членовъ комитета.

Рабочіе вернулись обратно на работы 25 августа 1897 г., но правленіе немедленно нарушило 5-ый пунктъ соглашенія. Всѣ члены комитета, дѣйствительно, были приняты обратно, но 25 другихъ рабочихъ не были приняты обратно.

Уволенные не играли замѣтной роли среди рабочихъ; управленіе оправдывалось тѣмъ, что они по старости, слабосилію и другимъ причинамъ не годились болѣе для работы въ шахтахъ. Но тѣмъ не менѣе это было нарушеніемъ соглашенія, и рабочіе принялись протестовать путемъ делегаціи. Черезъ нѣкоторое время одинъ за другимъ были уволены безъ объясненія причинъ три наиболѣе видныхъ члена делегаціи и комитета. Началась глухая борьба. Никто болѣе не хотѣлъ идти въ члены делегаціи. Всякія сношенія съ правленіемъ прекратились. Худой миръ, установленный соглашеніемъ, грозилъ смѣниться еще болѣе худой ссорой. Но лордъ Пенринъ не обращалъ на это никакого вниманія, и его рѣшимость быть неограниченнымъ хозяиномъ судьбы „своихъ“ рабочихъ не ослабѣвала. Въ ноябрѣ 1900 года снова были уволены по пустому поводу 26 рабочихъ. И тогда началась новая забастовка, описаніемъ которой я началъ этотъ очеркъ.

VII.

Такова исторія пенринской стачки.

Въ этой экономической борьбѣ между тремя тысячами пенринскихъ аспидоломовъ и лордомъ Пенриномъ все, казавшееся, было на сторонѣ рабочихъ.

Они проявили съ самаго начала полную солидарность, и рѣшимость бороться не ослабла до конца.

На ихъ сторонѣ были симпатіи всего рабочаго класса Англіи, симпатіи всей прессы,

можно сказать, всей британской націи. Пожертвованія въ ихъ стачечную кассу обильно притекали со всѣхъ концовъ Англіи, и со своей стороны, трэдъ-юніоны обложили себя ежедневнымъ взносомъ въ пользу стачечниковъ. Семьи стачечниковъ все время были обезпечены кровомъ, такъ какъ ихъ коттеджи, хотя и построенные на землѣ Пенрина, были выстроены на ихъ деньги и составляютъ ихъ собственность. Наконецъ, стачечники были съ самаго начала увѣрены, что ихъ лордъ не можетъ замѣнить ихъ другими рабочими, и что его шахты будутъ бездѣйствовать до тѣхъ поръ, пока они не захотятъ вернуться на работы.

Противъ этихъ трехъ тысячъ рѣшительныхъ и солидарныхъ между собой людей, противъ единодушнаго приговора общественнаго мнѣнія всей Англіи стоялъ одинъ лордъ Пенринъ, только одинъ собственникъ-работодатель съ чрезмѣрно упрямымъ характеромъ и средневѣковымъ образомъ мыслей. Но этотъ работодатель владелъ частью собственностью на аспидную гору, — монополіей, дарованной его предкамъ много вѣковъ тому назадъ безответственнымъ королемъ Англіи; и онъ владелъ извлеченными изъ этой горы руками рабочихъ капиталами, позволяющими ему жить въ роскоши, хотя бы шахты его были закрыты навсегда.

Передъ волей этого одного деспотическаго человѣка, выставившаго несправедливую и неразумную претензію, должна была въ концѣ концовъ преклониться вся Англія: побѣда досталась лорду Пенрину. Послѣ трехъ лѣтъ стачки рабочіе вынуждены были сдаться и возобновить работу на условіяхъ, предложенныхъ ихъ лордомъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ большая часть взросло мужского населенія цѣлаго города, Ветэсы, вынуждена была работать вдали отъ своихъ женъ и дѣтей, въ разныхъ концахъ Англіи. Въ теченіе всего этого времени оставленные въ коттеджахъ женщины, старики и дѣти жили впроголодь, смертность дѣтей увеличилась, старики безвременно сходили въ могилы, и все это изъ-за каприза одного человѣка. И въ концѣ концовъ наказаніе пало на голову рабочихъ, а не на голову лорда. Когда рабочіе сдались въ концѣ 1903 г., лордъ Пенринъ, чтобы наказать ихъ за стачку, заявилъ, что онъ можетъ открыть лишь половину своихъ шахтъ и потому приметъ обратно лишь половину своихъ рабочихъ. Такимъ образомъ, болѣе тысячи семей до сихъ поръ еще живутъ въ крайней нуждѣ, хотя стачка прекратилась уже полтора года тому назадъ. И на-дняхъ нѣсколько сотъ рабочихъ, доведенныхъ до полной нищеты и растерявшихъ не только весь свой домашній скарбъ, но и все свое мужество за 4¹/₂ года борьбы, отправило депутацію къ лорду Пенрину съ униженной просьбой сжалятся надъ ними и взять ихъ обратно на работы. Побѣда лорда Пенрина, такимъ образомъ, была полная.

Но стачка эта оставила глубокие слѣды въ англійскомъ рабочемъ движеніи. Пенринскіе аспидомы не были социалистами. Они были богобоязненными людьми (на ихъ средства построено 26 диссидентскихъ церквей въ Бетсдѣ), убѣжденными сторонниками частной собственности, и они горячо вѣрили въ существованіе согласія интересовъ труда и капитала и въ благія намѣренія хозяевъ-работодателей.

Въ теченіе всѣхъ трехъ лѣтъ стачки рабочіе вели себя, съ точки зрѣнія порядка, образцово. Ни разу ни полиція, ни войска не имѣли повода вмѣшаться. Лордъ Пенринъ жилъ все время среди стачечниковъ въ полной безопасности. „Даже дичь въ вашихъ владѣніяхъ не была обезпокоена нами, несмотря на всю нашу нужду...“ сказалъ лорду одинъ изъ его рабочихъ во время переговоровъ по вопросу о возобновленіи работъ.

И слѣдя день за днемъ, годъ за годомъ за борьбой и бѣдствіями пенринскихъ аспидомовъ, рабочіе всей Англій все болѣе теряли вѣру въ справедливость капиталистическаго

строения и въ достаточность одной только экономической борьбы.

Они все болѣе убѣждались въ необходимости овладѣть законодательными учрежденіями страны, чтобы добиться уничтоженія монополій, исключительнаго права отдѣльныхъ лицъ на богатство природы и продукты труда, долженствующіе быть достояніемъ всей націи... Переворотъ въ политическихъ воззрѣніяхъ рабочаго класса, переживаемый нынѣ въ Англій, въ значительной мѣрѣ вызванъ уроками, преподаанными пенринской стачкой.

— Мы теперь всѣ понимаемъ, что дары природы должны принадлежать всей націи... говорилъ намъ секретарь пенринскихъ рабочихъ.— Вообще, социализмъ у насъ теперь проповѣдуется повсюду, даже нашими диссидентскими священниками. И во всѣхъ городахъ, куда мы ни пріѣзжали, радикалы и социалисты намъ говорили, что благодаря нашей стачкѣ ихъ ряды увеличиваются съ каждымъ днемъ...

Д. Сатуринъ.

ПОЖАЛОВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХЪ ИМѢНІЙ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Очеркъ изъ исторіи частной земельной собственности въ Россіи¹⁾.

Въ московскій періодъ русской исторіи различались два рода населенныхъ имѣній: вотчины и помѣстья. Первоначально владѣльцамъ вотчинъ принадлежало полное право распоряженія ими: они могли отчуждать ихъ всякими способами — дарить, продавать, завѣщать и закладывать безъ всякихъ ограниченій²⁾. Напротивъ, помѣстье было только временнымъ владѣніемъ, подъ условіемъ службы: это было какъ бы выдаваемое государствомъ жалованье, которымъ можно было пользоваться, лишь неся службу. Но постепенно эти два рода недвижимыхъ имуществъ все болѣе сближаются между собою.

Еще до Іоанна IV было установлено правило, что люди, владѣющіе вотчинами, обязаны такъ же нести военную службу, какъ и владѣльцы помѣстій. Указомъ 1556 г. размѣръ службы съ вотчинъ и помѣстій былъ сдѣланъ одинаковымъ. Въ случаѣ неисполненія обязанности ратной службы вотчины отбирались у владѣльцевъ такъ же, какъ и помѣстья. Указомъ 1621 г. велѣно было отбирать вотчины, наравнѣ съ помѣстьями, у тѣхъ дѣтей боярскихъ (служилыхъ

людей), которые уклоняются отъ службы. Но по Уложенію 1649 г. вотчины отписывались въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, чѣмъ помѣстья. Въ 1671 г. половина вотчинъ, наравнѣ съ помѣстьями, была отписана у тѣхъ ратныхъ людей, которые не явились къ сбору или сбѣжали изъ полковъ.

Существовали ограниченія и относительно распоряженія вотчинами. Въ 1562 г. запрещено было отчуждать вотчины княжескія (т. е. принадлежавшія потомкамъ удѣльныхъ князей) и даже проданныя предписано отписать на государя. Въ 1572 г. разрѣшено было оставить проданныя княжескія вотчины въ рукахъ покупателей, но на нихъ были распространены ограниченія, лежавшія на этихъ вотчинахъ. Указами 1562 и 1572 гг. было опредѣлено, что вотчины бояръ и дѣтей боярскихъ не могутъ переходить по наслѣдству далѣе четвертой степени родства; если же бояринъ или сынъ боярскій умретъ, не оставивъ наслѣдника мужского пола и не сдѣлавъ завѣщанія, а близкихъ родственниковъ у него не будетъ, то вотчина отбирается на государя, а женѣ его государь выдѣлитъ часть, чтобы ей можно было прожить.

Въ 1580 г. было запрещено отчуждать вотчины въ пользу духовенства, хотя прежде пріобрѣтенныя были за нимъ утверждены. Запрещено было монастырямъ и „владыкамъ“ пріобрѣтать вотчины по завѣщанію. Если монастырю отказывалось недвижимое имѣніе, то оно отдавалось ближайшимъ родственникамъ прежняго владѣльца, а стоимость его выплачивалась монастырю деньгами. Если у владѣльца не было даже дальнихъ родственниковъ, то имѣніе бралось на государя, съ уплатою его

¹⁾ Очеркъ этотъ составляетъ переработку моей статьи, напечатанной въ одномъ журналѣ въ 1877 г.

²⁾ Впрочемъ, это относится лишь къ вотчинамъ купленнымъ, относительно же родовыхъ вотчинъ существовали (въ интересахъ родственниковъ) ограниченія въ распоряженіи ими. Большія ограниченія установлены были также относительно вотчинъ, принадлежавшихъ потомкамъ удѣльныхъ князей.

стоимости монастырю изъ казны. Митрополиту, владыкамъ и монастырямъ запрещено было покупать и держать вотчины въ закладѣ; купленное или взятое въ залогъ имѣніе отбиралось безденежно въ казну¹⁾.

Вотчины, по способу пріобрѣтенія, раздѣлялись на родовыя, выслуженныя (пожалованныя правительствомъ) и купленныя. Имѣя въ виду служебное значеніе вотчинныхъ земель, московское правительство запрещаетъ вдовамъ наследованіе родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ. Въ 1679 г. запрещено было тѣмъ, у кого были дѣти и внучата, дарить чужеродцамъ свои выслуженныя и родовыя вотчины. Въ томъ же году было запрещено завѣщать вотчины этимъ двухъ разрядовъ лицамъ постороннимъ не только помимо дѣтей, но даже и помимо боковыхъ родственниковъ.

Параллельно съ появленіемъ различныхъ ограниченій относительно вотчинъ возрастаютъ права лицъ, пользовавшихся помѣстьями. Прежде всего развивается право сыновей въ наследованіи помѣстій: отецъ при жизни „припускалъ“ сыновей, прислѣвшихъ на службу, т. е. достигшихъ 15-лѣтняго возраста, къ участию въ пользованіи помѣстьемъ, т. е. они записывались на службу съ помѣстья отца. При отставкѣ отца и малолѣтствѣ его сыновей помѣстья хотя и отбирались, но сдавались ему же на оброкъ до возраста сыновей, а потомъ шли имъ въ раздачу. Такимъ образомъ, уже со временъ Іоанна Грознаго, установилось правило: отцовскихъ помѣстій не отнимать у сыновей, если они годны къ службѣ. Въ XVII вѣкѣ окончательно утвердился наследственный переходъ помѣстій не только къ сыновьямъ, но, за неимѣніемъ ихъ, и въ боковыя линіи. Относительно женъ и дѣтей при Михаилѣ Федоровичѣ было опредѣлено, какая часть помѣстья назначалась для прожитія, что обратилось потомъ въ прямое наследованіе этой части. Дочери давалось въ половину меньше, чѣмъ вдовѣ. Наконецъ, въ 1684 г. велѣно было послѣ смерти отцовъ оставлять за дѣтьми всѣ излишнія земли сверхъ ихъ собственныхъ помѣстныхъ окладовъ. Продавать и дарить помѣстья воспрещалось, но жизнь постепенно ослабила и это правило. Женщина, имѣя прожиточное помѣстье и выходя замужъ, могла справиться его за женихомъ. Многія женщины передавали помѣстья стороннимъ людямъ съ тѣмъ, чтобы они содержали ихъ. Къ этому средству обращались и мужчины, получившіе отставку, относительно помѣстья, данаго имъ „на прожитокъ“. Выдача содержанія натурою могла замѣняться уплатою денегъ, при чемъ возможно было получить и всѣ деньги

равномъ. Такая сдача помѣстій за деньги равнялась уже продажѣ, но только не права собственности, а права пользования. Въ 1685 г. разрѣшено было лицамъ, состоящимъ на дѣйствительной службѣ, безденежное отчужденіе половины помѣстья, но продажа помѣстья истцамъ или родственникамъ должника допущена была указами 1673 и 1678 гг. Правда, всѣ эти сдѣлки могли быть совершаемы не иначе, какъ съ дозволенія правительства, чрезъ помѣстный приказъ, но въ томъ же приказѣ утверждался и переходъ вотчинъ. Такимъ образомъ, различіе между помѣстьями и вотчинами постепенно исчезало.

Это различіе было окончательно уничтожено указомъ Петра В. 1714 г. о единонаслѣдіи, которымъ помѣстья и вотчины были объединены въ одномъ названіи „недвижимыхъ вещей“. Указомъ этимъ было предписано „всѣхъ недвижимыхъ вещей, т. е. родовыхъ, выслуженныхъ и купленныхъ вотчинъ и помѣстій, также и дворовъ, и лавокъ не продавать и не закладывать, но обращаться онымъ въ родъ“. Такимъ образомъ, помѣстья были уравнены съ вотчинами, и помѣстья признаны родовою собственностью. Что же касается ограниченія, введеннаго Петромъ В., т. е. обязательства передавать по завѣщанію недвижимость одному изъ сыновей, а если есть только дочери, — одной изъ нихъ¹⁾, то ограниченіе это не удержалось. Императрица Анна отменила въ 1731 г. законъ о единонаслѣдіи, но оставила въ силѣ уравненіе помѣстій съ вотчинами, повелѣвъ впредь, какъ „помѣстья, такъ и вотчины именоваться равно одно — недвижимое имущество — вотчина“. Такимъ образомъ, было ясно истолковано, что новое понятіе „недвижимое имущество“ равняется прежнему понятію „вотчина“, и помѣстья и вотчины были уравнены съ прежними родовыми вотчинами²⁾. Право родового выкупа вотчинъ, въ случаѣ ихъ отчужденія, было сохранено и въ XVIII вѣкѣ, хотя и подвергалось измѣненіямъ. Различіе имѣній благопріобрѣтенныхъ и родовыхъ, уничтоженное при Петрѣ В., было восстановлено Екатериною II, когда дворянскою грамотою было разрѣшено благопріобрѣтенное имѣніе дарить, завѣщать, отдавать въ приданое или въ прожитокъ, передавать или продавать по

¹⁾ Въ случаѣ отсутствія завѣщанія, наследникомъ недвижимаго имущества по закону являлся старшій сынъ, а если нѣтъ сыновей, то старшая дочь. Бездѣтные могли отдавать недвижимое имущество одному изъ своей фамиліи по своему усмотрѣнію, а въ случаѣ отсутствія завѣщанія, недвижимое идетъ ближайшему въ родѣ.

²⁾ Указъ императрицы Анны Іоанновны объ отождествленіи помѣстій и вотчинъ былъ распространенъ при Екатеринѣ II на Рижскую и Ревельскую губерніи: тамошнія помѣстья, извѣстныя подъ именемъ манляныхъ деревень, были превращены манифестомъ 1783 г. въ наследственные имѣнія. Полн. соб. зак. т. V, № 2789, VIII, № 5717, XXI, № 15719.

¹⁾ Княжескія вотчины, отданныя духовенству до этого постановленія, могли быть оставлены за нимъ лишь съ разрѣшенія государя, а вотчины этого рода, прежде купленныя духовенствомъ, слѣдовало взять въ казну, при чемъ выдача вознагражденія за нихъ покупателямъ также оставлена была на волю царя.

своему усмотрѣнію ¹⁾. Указомъ 22 февраля 1805 г. ²⁾ пожалованныя имѣнія признаны были благопріобрѣтеными.

Правительство давало служилымъ людямъ вотчины въ видѣ награды за службу еще при Іоаннѣ Грозномъ, при чемъ онѣ жаловались обыкновенно за службу особенно тяжелую, чаще всего претерпѣвшимъ „осадныя сидѣнія“, а также и за походы. Съ теченіемъ времени награды эти стали выдаваться всѣмъ участникамъ похода. Часто выслуженныя вотчины раздавались изъ дворцовыхъ имѣній, но еще чаще въ XVII вѣкѣ жаловались опредѣленныя части помѣстнаго оклада ³⁾.

Въ настоящее время еще не опредѣлено количество крестьянъ, розданныхъ отъ Петра В. до Екатерины II. Относительно времени правленія царевны Софіи и царствования Петра В. известно, что съ 1682 г. по 1710 г. включительно было пожаловано изъ дворцовыхъ волостей (самое небольшое количество монастырямъ и митрополитамъ, преимущественно же служилымъ людямъ въ вотчины и помѣстья) 43.655 дворовъ. Во все царствование Петра В. наиболѣе крупныя пожалованія получали Меншиковъ, Шереметевъ, адмиралъ Апраксинъ. Въ царствование Екатерины I самое крупное пожалованіе дано было опять-таки Меншикову. При Петрѣ II были обогатены пожалованными имѣніями по духовному завѣщанію покойной императрицы ея родственники — Скавронскіе и Гендриковы; При Аннѣ Іоанновнѣ щедро одарены вотчинами дѣти бывшаго валахскаго государя Кантемира, а при Елизаветѣ — баловни судьбы Разумовскіе, которые изъ сыновей простого казака сдѣлались графами и генераль-фельдмаршалами, а Кир. Григ. Разумовскій и малороссійскимъ гетманомъ. При Петрѣ III наиболѣе крупныя пожалованія получили — его фаворитка (любимца) Елизавет. Роман. Воронцова и Гудовичъ. На основаніи собранныхъ нами матеріаловъ (именныхъ указовъ о пожалованіяхъ населенныхъ имѣній), мы полагаемъ, что съ 1725 по 1762 г. было пожаловано около 500.000 душъ об. пола, въ томъ числѣ въ царствование Елизаветы Петровны около 200.000 душъ.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ это время пожалованія производились преимущественно изъ отписныхъ или конфискованныхъ имѣній, и случалось, что одна и та же вотчина смѣняла за это время не одного владѣльца. Кромѣ того, жаловались имѣнія выморочныя, дворцовыя, государевы, въ Малороссіи — свободныя войсковыя

деревни, въ Остзейскомъ краѣ — коронныя мызы; но, повторяемъ, чаще всего жаловались конфискованныя имѣнія. Такимъ образомъ, противѣсомъ щедрой раздачѣ населенныхъ имѣній были конфискаціи, которыхъ при Екатеринѣ II уже не было. Наиболѣе крупныя конфискаціи были произведены у князя Меншикова, кн. Долгоруковыхъ, Миниха, гр. Головкина и Остермана.

II.

Извѣстно, что населенныя имѣнія раздавались при Екатеринѣ II въ громаднхъ размѣрахъ; но на основаніи отрывочныхъ данныхъ по этому предмету, разбросанныхъ въ различныхъ печатныхъ источникахъ, невозможно было опредѣлить, сколько въ это время было роздано крестьянъ. Найти отвѣтъ на этотъ вопросъ можно только однимъ путемъ: изучивъ именныя указы императрицы о пожалованіи имѣній, которые разсыяны среди множества другихъ распоряженій, не имѣющихъ никакого отношенія къ ихъ раздачѣ. Мы это и сдѣлали, и собранныя нами свѣдѣнія, основанныя на подлинныхъ именныхъ указахъ, представляютъ все то, что могли дать официальные матеріалы по этому вопросу. Такъ какъ правильность выводовъ, которые сдѣланы въ настоящемъ очеркѣ, прежде всего зависитъ именно отъ того, дѣйствительно ли полны собранныя нами свѣдѣнія о пожалованіи имѣній, то мы должны сказать нѣсколько словъ о матеріалахъ, которые легли въ основаніе нашей статьи.

Собраніе подлинныхъ именныхъ указовъ Екатерины II сенату, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, составляетъ за все царствование около 70 большихъ томовъ. Оно сохранилось весьма хорошо и представляетъ лишь небольшой пробѣлъ только за мартъ и апрѣль мѣсяцы 1764 г.

Гораздо болѣе важнымъ препятствіемъ, чѣмъ этотъ пробѣлъ, при подведеніи итога всего числа пожалованныхъ крестьянъ, могло бы послужить другое обстоятельство: въ указахъ довольно часто не обозначено количество жалуемыхъ душъ, а сказано только, въ какой губерніи и провинціи и какія имѣнія жалуются ¹⁾ Вслѣдствіе этого, многіе изъ именныхъ указовъ о пожалованіи потеряли бы для насъ половину своей цѣны, если бы нельзя было опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ, сколько душъ было въ томъ имѣніи, которое названо въ указѣ. Къ счастью другіе неизданные матеріалы дали возможность почти во всѣхъ случаяхъ опредѣлить число крестьянъ въ пожалованныхъ имѣніяхъ. Такую услугу оказали намъ, во-первыхъ, вѣдомости о числѣ дворянъ и принадлежащихъ имъ крестьянъ, присланныя въ 1777 г.

¹⁾ Особенно часто такой пропускъ встрѣчается въ время съ 1773 по 1777 г. въ указахъ о раздачѣ имѣній въ Вѣлороссіи.

¹⁾ Подробнѣе о помѣстьяхъ и вотчинахъ см. Владимірскій - Будановъ „Обзоръ исторіи русскаго права“, 1905 г. изд. 4, Павловъ-Сильванскій „Государевы служилые люди“, 1893 г., Загоскинъ „Очерки организаціи и происхожденія служилого сословія въ до-петровской Руси“, Казань, 1875 г.

²⁾ Первое Пол. Собр. Зак. т. XXVIII, № 21.632.

³⁾ Лаппо-Данилевскій. „Выслуженныя вотчины въ Московскомъ государствѣ“. „Историч. Обзор.“ 1891, т. III.

изъ разныхъ провинцій Россіи по секретному предписанію генераль-прокурора кн. Вяземскаго. Изъ этихъ вѣдомостей не всѣ сохранились, а быть можетъ, и не всѣ были доставлены, но уцѣлѣли (въ рукописномъ отдѣленіи бібліотеки Академіи Наукъ) именно тѣ, которыя были намъ необходимы. Пересматривая списки дворянъ бѣлорусскихъ губерній, мы встрѣчаемъ здѣсь почти исключительно польскія фамиліи и находимъ въ каждой провинціи лишь небольшую группу русскихъ владѣльцевъ населенныхъ имѣній. Сравнивъ ихъ имена съ указами о пожалованіяхъ за 1773—1777 гг., мы убѣдились, что почти всѣ имѣнія, принадлежавшія въ 1777 г. русскимъ помѣщикамъ въ Бѣлоруссіи, были приобретены путемъ пожалованія. Съ помощью этихъ вѣдомостей было почти всегда возможно пополнить пробѣлы о числѣ пожалованныхъ крестьянъ, встрѣчавшіеся въ именныхъ указахъ до 1777 г. Другія данныя, пополняющія свѣдѣнія, которыя даютъ именные указы, нашлись въ нѣкоторыхъ вѣдомостяхъ (хранящихся въ Государственномъ Archivѣ) о пожалованіяхъ, преимущественно также въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши. Наконецъ, нѣсколько другихъ дополненій возможно было свѣдѣть на основаніи различныхъ отрывочныхъ свѣдѣній, разбросанныхъ какъ въ изданныхъ, такъ и въ неизданныхъ источникахъ, при чемъ, однако, слѣдуетъ принимать съ осторожностью показанія источниковъ неофіціальныхъ.

На основаніи всей этой подготовительной работы былъ составленъ списокъ въ хронологическомъ порядкѣ лицъ, получившихъ при Екатеринѣ II населенныя имѣнія въ полную собственность, съ обозначеніемъ числа душъ въ имѣніи, мѣстности, въ которой было дано пожалованіе, рода имѣній, изъ которыхъ оно было произведено и причины пожалованія, если она была обозначена въ указѣ. Современемъ мы напечатываемъ этотъ списокъ, теперь же познакомимъ читателей лишь съ общими выводами, полученными въ результатъ этой работы. Замѣтимъ, что изъ 406 пожалованій въ наследственное владѣніе, произведенныхъ въ теченіе всего царствованія Екатерины II, только въ 9 намъ не удалось опредѣлить ихъ размѣра, хотя бы приблизительно. Мы вездѣ говоримъ о пожалованіяхъ въ наследственное владѣніе, не упоминая о пожизненныхъ пожалованіяхъ, которыхъ, впрочемъ, было немного, а также не входимъ въ разсмотрѣніе и довольно значительной раздачи въ Остзейскомъ (Прибалтійскомъ) краѣ и губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, арендъ, которыя обыкновенно жаловались или по смерти (иногда безъ платежа арендныхъ денегъ), или на 12-лѣтній срокъ (въ Остзейскомъ краѣ), или на 5 лѣтъ (въ Бѣлоруссіи).

Относительно раздачи населенныхъ имѣній въ наследственное владѣніе, царствованіе Екате-

рины II можно раздѣлить на три періода: 1) отъ 1762 по 1772 г., когда правительству приходилось назначать крестьянъ для пожалованія въ Великороссіи, Малороссіи и Лифляндіи; 2) отъ 1773 до половины 1795 г., когда, съ присоединеніемъ Бѣлоруссіи, нашлись новыя населенныя земли, пригодныя для раздачи, которыя правительство немедленно употребило съ этою цѣлью, и, наконецъ, 3) 1795 и 1796 годы, когда, съ увеличеніемъ пространства Россіи присоединеніемъ Литвы и Юго-западнаго края, Екатерина II стала жаловать имѣнія въ этихъ областяхъ. Собственно говоря, гранью между вторымъ и третьимъ періодами, долженъ былъ бы быть 1793 годъ, когда совершился второй раздѣлъ Польши; но хотя многія пожалованія общинамъ въ день празднованія мира съ турками, 2 сентября 1793 г., и въ нѣкоторые другіе дни, указы объ этихъ пожалованіяхъ были подписаны только 18 августа 1795 г., когда и началась раздача имѣній во вновь присоединенныхъ провинціяхъ. А въ 1793—1794 и первой половинѣ 1795 г. было еще нѣсколько случаевъ небольшихъ пожалованій въ Бѣлоруссіи и Финляндіи, указы о которыхъ были подписаны въ свое время и которыя мы поэтому и относимъ ко второму періоду. Количество пожалованій распредѣляется между этими тремя періодами такимъ образомъ: на первый палаетъ 80 пожалованій, на второй—226, на третій—100; слѣдовательно въ первомъ періодѣ на годъ среднимъ числомъ приходится по 7 пожалованій, во второмъ—по 10, въ третьемъ въ полтора года были подписаны указы о 101 пожалованіи. Разсмотримъ отдѣльно каждый изъ этихъ періодовъ.

Извѣстно, что вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Екатерины II были произведены значительныя пожалованія лицамъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ переворотѣ. Изъ собственноручной записки императрицы видно, что первоначально предполагалось надѣлать имѣніями только 19 человекъ и дать почти всѣмъ по 1.000 душъ (всего 17.029 душъ муж. п.)¹⁾, а остальныхъ награждать деньгами и чинами, но потомъ многіе вмѣсто денегъ, вѣроятно, по собственному желанію, получили имѣнія. Вмѣсто 19 человекъ были награждены населенными имѣніями въ потомственное владѣніе 30 лицъ, при чемъ общая цифра пожалованныхъ крестьянъ мало измѣнилась: именно, было роздано 18.277 душъ, такъ что каждый получилъ менѣе, чѣмъ предполагалось прежде,—отъ 250 до 1.027 душъ. Последнее пожалованіе получилъ гардеробъ-мейстеръ Василій Шкуринъ съ женою, въ семействѣ которыхъ воспитывался сынъ Екатерины II и Григорія Орлова, впоследствии графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобрин-

¹⁾ „Сборникъ Императ. Историч. Общества“, т. VII, 109—110.

скій¹⁾. Изъ 18.277 душъ, розданныхъ въ вознагражденіе за содѣйствіе императрицѣ при вступленіи ея на престоль, 12.177 д. были даны изъ дворцовыхъ вотчинъ, 4.700 изъ собственныхъ государевыхъ вотчинъ, а изъ какихъ имѣній было произведено пожалованіе двумъ лицамъ (1.400 душъ) неизвѣстно.

Въ теченіе всего перваго періода (1762—1772 гг.) было пожаловано 69.753 души м. п., кромѣ того, 1.916 дворовъ въ Малороссіи, 115¹/₈ гаковъ въ Лифляндіи и, наконецъ, количество душъ въ четырехъ пожалованіяхъ неизвѣстно. Въ Малороссіи, въ Крелевецкомъ уѣздѣ, по Румянцевской переписи 1766 г., въ каждомъ крестьянскомъ (посполитомъ) и казацкомъ дворѣ было въ среднемъ 6,5 д. обоего пола, въ Городищенскомъ у.—6,8 д. об. пола²⁾. Въ Суражскомъ у. въ каждомъ дворѣ было у посполитыхъ въ среднемъ по 3,7 д. м. п.³⁾. Въ Полтавскомъ у. средняя населенность на дворъ равнялась 7,5 чел. обоего пола, а у посполитыхъ въ крупныхъ имѣніяхъ 7,74, въ мелкихъ—7,19⁴⁾. Поэтому мы примемъ въ Малороссіи по 3¹/₂ души м. п. на дворъ, такъ что въ 1.916 дворахъ будетъ 6.706 душъ. Что касается лифляндскихъ гаковъ (участка земли различной величины въ зависимости отъ ея качества), то на каждомъ изъ нихъ въ 1715 г. считалось по 16 душъ обоего пола рабочаго возраста, черезъ нѣсколько лѣтъ 18 душъ обоего пола рабочаго возраста⁵⁾, а въ царствованіе Екатерины II, по свидѣтельству Гупеля (1772 г.), жило среднимъ числомъ по 20 душъ м. п. всѣхъ возрастовъ⁶⁾, слѣдовательно на 115¹/₈ гакахъ жило 2.303 души м. п. Итого, во весь первый періодъ, кромѣ четырехъ пожалованій, размѣры которыхъ неизвѣстны, было роздано 78.762 души м. п. Самыя крупныя пожалованія въ это время достались на долю гр. К. Г. Разумовскаго и гр. Орловыхъ. Къ концу этого періода настолько чувствовался недостатокъ въ имѣніяхъ, пригодныхъ для пожалованія, что иной разъ приходилось покупать помѣстья у разныхъ лицъ, чтобы немедленно послѣ того отдать ихъ въ пожалованіе⁷⁾.

¹⁾ На содержаніе Бобринскаго были позднѣе, при Екатеринѣ II, отдѣлены въ Тульской губерніи волости Бобринковская и Богородицкая и въ Московской губ. волость Кіасовская, которая имп. Павелъ черезъ нѣсколько дней по востребіи на престоль пожаловалъ гр. Бобринскому „въ вѣчное потомственное владѣніе“. Въ нихъ было тогда около 25.000 душъ м. п.

²⁾ „Материалы для оцѣнки земель. угодій Чернигов. губ.“, т. XV, стр. 79.

³⁾ Филимоновъ. „Румянц. Генер. опись Суражск. у. 1767 г.“. Вятка, 1888 г., стр. 14.

⁴⁾ Мякотинъ. „Крестьянское землевладѣніе въ Полтавскомъ у. въ 1767 г.“ „Кіевскій Сборникъ“, 1895 г., стр. 159.

⁵⁾ Т о б л и н ъ. „Лифляндское аграрное законодательство“. Рига. 1900 г., т. I, стр. 67.

⁶⁾ P u r e l. Topographische Nachrichten von Lief—und Ehstland, II, 199—204, 212, 214—216, 224—5, 243.

⁷⁾ Такъ, напр., въ 1771 г. было пожаловано адм. Спиридову въ уѣздѣ Переславлѣ Задѣсскаго 1.060 д.

Въ періодъ времени съ 1773 до половины 1795 г. было роздано 200.469 душъ м. п., 300 дворовъ въ Нижегородской провинціи, 122 двора въ Малороссіи, 20 дворовъ въ Новороссіи, 162⁹/₁₆ гака въ Лифляндіи и размѣръ двухъ пожалованій неизвѣстенъ. Переводя дворы и гаки по указанному выше расчету¹⁾, получимъ, что всего въ этотъ періодъ было пожаловано 205.412 д. м. п., въ большинствѣ случаевъ (77% пожалованныхъ душъ) въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ²⁾.

Какъ въ концѣ втораго періода чувствовался большой недостатокъ въ имѣніяхъ для раздачи въ пожалованіе, такъ въ 1793 г. былъ уже сильно истощенъ запасъ имѣній, пригодныхъ для раздачи. Когда 2 сентября 1793 г., въ день празднованія заключенія мира съ Турціей, былъ торжественно провозглашенъ списокъ имѣній, пожалованныхъ 15 лицамъ, то раздавать, собственно говоря, было еще нечего. Правда, мѣсяца за полтора до этого Гродненскій сеймъ былъ уже вынужденъ подписать договоръ, по которому Россіи уступалась значительная часть польской территоріи, но трактатъ съ Пруссіей, возбуждавшій еще большее сопротивленіе, далеко не былъ заключенъ. Если бы сеймъ могъ показать болѣе упорства или вмѣшалась бы какая-либо другая держава, правительство было бы поставлено въ затруднительное положеніе,—какъ исполнить свое обѣщаніе, не пуская въ раздачу въ большомъ количествѣ дворцовыхъ и казенныхъ крестьянъ въ Великороссіи и остатки нерозданныхъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи. 12 сентября 1793 г. состоялось знаменитое нѣмое засѣданіе Гродненскаго сейма, и договоръ съ Пруссіей сочли заключеннымъ. Выстроили затѣмъ событія: не прошло и двухъ лѣтъ, какъ взята была Варшава, а затѣмъ послѣдовалъ третій раздѣлъ, добившій несчастную Польшу. Въ 1795 г. была присоединена къ Россіи и Курляндія.

Тогда настало время исполнить данныя обѣщанія. Кромѣ пожалованій, назначенныхъ въ день празднованія мира съ Турціей, о чемъ мы уже упоминали, въ разное время съ сентября 1793 г. по 1 января 1795 г. были назначены крупныя пожалованія 18-ти лицамъ; нужно было только указать точно размѣръ пожалованій и мѣстность, гдѣ они даны. Такимъ образомъ, алчущихъ и жаждущихъ было уже много, но въ прежній списокъ было прибавлено еще нѣ-

м. п., купленныхъ на государыню на имя кн. Вяземскаго, и въ 1770 г. гр. Петру Паиню 2.577 д. въ Ржевскомъ у., купленныхъ на государыню.

¹⁾ Въ Нижегородской пров., какъ принято было правительствомъ для Великороссіи, считаемъ по 4 д. м. п. на дворъ, а въ новороссійскомъ дворѣ, наравнѣ съ малороссійскимъ, по 3¹/₂ д. м. п.

²⁾ Въ счетъ числа душъ, пожалованныхъ въ Бѣлоруссію, входитъ сравнительно небольшое количество евреевъ, жившихъ на пожалованныхъ земляхъ, которые не становились крѣпостными этнхъ владѣльцевъ, но подлежали платежамъ въ ихъ пользу.

сколько десятковъ лицъ, и вотъ 18 августа 1795 г., въ день знаменитый въ лѣтописяхъ пожалованія населенныхъ имѣній, императрица за одинъ разъ подписала болѣе 70 указовъ, по которымъ было роздано въ Минской губ., Литвѣ, Юго-западномъ краѣ и Остзейскихъ губерніяхъ 110.272 д. и одно пожалованіе неизвѣстной величины. Въ довольно почтенныхъ размѣрахъ производились пожалованія и въ слѣдующемъ 1796 г. Въ годовщину восшествія на престолъ, 28 іюня 1796 г., императрица, за четыре мѣсяца до своей смерти, въ одинъ приемъ подписала 16 указовъ, по которымъ было роздано въ той же мѣстности, какъ и въ 1795 г., 18.183 д. м. п. Всего же указами, подписанными съ 18 августа 1795 г. до 25 іюля 1796 г., когда состоялся послѣдній екатерининскій указъ о пожалованіи, было роздано 131.856 душъ, 35⁷/₈ лифляндскихъ гаковъ, 45¹/₈ эзельскихъ гаковъ, 350 дворовъ въ Курляндіи¹⁾, 1 замокъ тамъ же, относительно котораго извѣстно, что онъ давалъ 18.000 рейхсталеровъ дохода, и еще два пожалованія въ Лифляндію, которыя оба были скоро проданы: одно за 79.000, другое за 81.000 руб. Все это, кромѣ пожалованій неизвѣстнаго размѣра, составило 135.689 д. м. п.

Раздача имѣній въ земляхъ, вновь присоединенныхъ отъ Польши, производилась съ такимъ усердіемъ, что уже въ концѣ августа 1795 г., по словамъ Трошинскаго въ письмѣ къ Репнину, „по новымъ четыремъ губерніямъ (Подольской, Волынской, Брацлавской и Минской) почти не осталось уже ничего къ раздачѣ, кромѣ тѣхъ староствъ, которыя по смерти нынѣшнихъ доживенныхъ владѣльцевъ, поступятъ въ казну. „Отъ васъ теперь“, пишетъ онъ Репнину, управлявшему Литвою, „ожидаютъ подробныхъ вѣдомостей, какъ о староствахъ, такъ и о конфискованныхъ“ (отписанныхъ въ казну) „имѣніяхъ и о монастырскихъ и прочихъ духовныхъ лицъ заграничныхъ“. Но Репнинъ 3 сентября 1795 г. отвѣчалъ, что „заграничныхъ монастырей и духовенства совсѣмъ нѣтъ, потому что вся Литва взята и всѣ чиновники духовные здѣсь свое пребываніе всегда имѣли... Съ Польшею же Лятва, какъ особое („прежде“) государство, николи, ниже по духовенству и имѣніямъ его не смѣшивалась. Слѣдственно конфискаціи почти нѣтъ. А притомъ, признаюсь вамъ, что какъ конфискаціи, такъ и конфискованныя деревни тѣ отвратительны. Но здѣсь есть экономіи, еще осталось въ тысячъ до 30 душъ, нѣсколько староствъ управденныхъ и прочія деревни ка-

занныя. Все вмѣстѣ тысячъ до 40, которыя раздать можно“¹⁾. Часть этихъ имѣній была пущена въ ходъ²⁾.

Подведемъ общій итогъ пожалованіямъ за все царствованіе Екатерины II: въ первый періодъ было роздано 78.762 д., во второй періодъ— 205.412 д., въ третій— 135.689 д., итого 419.863 д. м. п., и кромѣ того въ 9 пожалованіяхъ число душъ неизвѣстно. Если имѣть въ виду, что на каждое изъ 406 пожалованій приходится въ среднемъ болѣе 1.000 д., то мы имѣемъ полную возможность принять, что было роздано въ пожалованія приблизительно 425.000 д. м. п. или около 850.000 д. об. пола.

III.

Разсмотримъ теперь, изъ какихъ разрядовъ крестьянъ производились пожалованія.

Мы уже видѣли, что большая часть лицъ, заявившихъ свое усердіе при вступленіи на престолъ Екатерины II, получили имѣнія изъ дворцовыхъ волостей. Изъ нихъ и позднѣе производились пожалованія. Такъ, въ 1771 г. гр. Алексѣю Орлову было дано изъ дворцовыхъ крестьянъ 4.000 д. м. п. Всего изъ дворцовыхъ имѣній въ Великороссіи было роздано болѣе 35.000 д.³⁾, въ Бѣлоруссіи изъ приписанныхъ къ дворцовымъ имѣніямъ—8.225 душъ.

Точно также производились пожалованія изъ государевыхъ вотчинъ. Такъ было еще при Петрѣ Вел., то же дѣлалось и при Петрѣ III. Такъ, напримѣръ, въ царствованіе послѣдняго изъ этихъ крестьянъ было пожаловано 4.708 д. гр. Елизаветѣ Воронцовой, приносящихъ дохода 4.202 тогдашнихъ рублей (цѣнность рубля была тогда вчетверо болѣе нынѣшней). Между прочимъ, она получила извѣстное промышленное село Кимру (тогда Кашинскаго, нынѣ Корчевскаго уѣзда)⁴⁾. Ко времени вступленія на престолъ Екатерины II оставалось нерозда-

¹⁾ „Сборн. Имп. Ист. Общ.“, т. XVI, 283, 286.

²⁾ Изъ вѣдомостей, представленныхъ Тутотлинымъ и Репнинымъ видно, что осталось еще въ 1796 г., отъ раздачи въ губерніяхъ, вновь приобретенныхъ отъ Польши (не считая Бѣлоруссіи): А) Оставшихся послѣ пожалованія 18 авг. 1795 г.: 1) старостинскихъ 165 д., монастырскихъ 227 д., секвестрованныхъ у преступниковъ 1.005 душъ; В) Вакантныхъ (не отданныхъ въ частное владѣніе) староствъ въ Волынской и Подольской губ.—2.886. В) Имѣній, отобранныхъ у митрополита и епископовъ униатскихъ, и принадлежавшихъ владимирскому униатскому капитулу—17.072 д.; Г) принадлежавшихъ духовнымъ лицамъ, пребывающимъ за границею, 207 д. Кромѣ того, въ литовскихъ губерніяхъ: экономическихъ (бывшихъ королевскихъ) 19.691 д., старостинскихъ и прочихъ 9.234. Всего 50.487 душъ м. п. Эти имѣнія пошли въ раздачу уже при имп. Павлѣ. Объясненіе различныхъ, упомянутыхъ здѣсь, разрядовъ имѣній см. ниже.

³⁾ Екатерина II въ октябрѣ 1762 г. подтвердила это пожалованіе, но только не на имя Елизаветы Воронцовой, а на имя ея матери.

⁴⁾ При Петрѣ III изъ дворцовыхъ волостей было пожаловано болѣе 6.000 д. м. п.

¹⁾ Эзельскій гакъ былъ вътрое менше лифляндскаго (Tiesenhause n. Erste Fortsetzung von des Hage-meisters Materialien zu Gütergeschichte Livlands, Riga 1843, S. 166); поэтому и принимаю, что на эзельскомъ гакѣ жило 7 д. м. п., а въ курляндскомъ дворѣ считаю по 8 д. м. п. Keyserling u. Derschau. „Beschreibung der Provinz Kurland“. Mitau, 1805 г., послѣдняя таблица.

ных государевыхъ крестьянъ 62.052 д., изъ которыхъ и производились нѣкоторыя пожалованія. Такъ, изъ этихъ вотчинъ братья Орловы получили въ 1762 г. 2.929 д., а въ 1764 г. Орловъ—мызу Ропшу, ту самую, въ которой былъ убитъ Петръ III, и нѣкоторыя другія. По-нятно, что въ теченіе трехъ лѣтъ число государевыхъ крестьянъ уменьшилось на 10.265 д.¹⁾

Третьимъ источникомъ пожалованій были имѣнія выморочныя, конфискованныя или отписныя, находившіяся въ вѣдомствѣ особой канцеляріи конфискацій²⁾. Отписывались имѣнія за недоимки, за долги банку, за разныя вины владѣльцевъ, а въ предшествовавшіи царствованія у вельможъ, впадавшихъ въ немилость при восшествіи на престолъ другого государя или государыни. Екатерина II рѣдко возвращала ранѣе конфискованныя имѣнія, но зато не отнимала вотчинъ и у тѣхъ, кто подвергся опалѣ со вступленіемъ ея на престолъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи она только послѣдовала примѣру Петра III. Жалованною грамотою дворянству (1785 г.) была отмѣнена конфискація (отписки въ казну) недвижимыхъ наследственныхъ имѣній, и послѣ того допускалась въ видѣ исключенія конфискація всего родового и благопріобрѣтеннаго имущества виновныхъ въ участіи въ бунтѣ, заговорѣ противъ верховной власти или государственной измѣнѣ³⁾. Имѣній, пожалованныхъ изъ конфискованныхъ и выморочныхъ, было при Екатеринѣ до 1793 г. немного (8.042 д., въ томъ числѣ 6.000 д., поступившихъ въ казну за долги отъ гр. Ягужинскаго). Но поводы къ конфискаціи нашлись при присоединеніи отъ Польши земель по второму раздѣлу.

Тогда было секвестровано, т. е. взято подъ казенный присмотръ впредь до указа, множество имѣній лицъ, участвовавшихъ, по выраженію русскаго правительства, въ „бывшемъ польскомъ мятежѣ“. Система секвестраціи, принятая въ это время правительствомъ, вызвала неудовольствіе даже нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Въ маѣ 1795 г. Тутолминъ написалъ изъ Петербурга Н. В. Репнину, управлявшему Литвою, что о секвестрованіи имѣній разсуждали въ Совѣтѣ и что въ повелѣніи, данномъ ему, предписано: „всѣ имѣнія, принадлежащія явнымъ преступникамъ, взять въ казну; староства тѣхъ владѣльцевъ, которые при утвержденіи права владѣнія оными въ предѣлахъ импе, ии не находились, равномѣрно отобрать, отлучнымъ владѣльцамъ, кои до 1 января сего года возвратились, секвестрованные ихъ помѣстья возвратитъ, а тѣмъ, которые и до днесь (т. е. собственно также

до 1 января 1795 г.) не пріѣхали изъ-за границы, приказано продать въ годовой срокъ“⁴⁾. Репнинъ отвѣчалъ Тутолмину, что онъ „ошелченъ несправедливою строгостію рѣшенія Совѣта. По истинѣ могу сказать“, продолжаетъ онъ, — „что оное не соотвѣтствуетъ правиламъ и сердцу нашей премилосердой законодательницы. Справедливо наказатъ явныхъ преступниковъ, но дѣти ихъ виновны ли и можно ли лишить ихъ наслѣдства, имъ слѣдующаго, когда и наши законы точно преступленія родителей на дѣтей не распространяютъ? Прибавьте къ сему женъ, сестеръ незамужнихъ и прочихъ безвинныхъ наслѣдниковъ. Отдѣлите притомъ тѣхъ помѣщиковъ, которые имѣли имѣнія, какъ у насъ, такъ въ Польшѣ. Какимъ образомъ имъ было къ намъ въ границу въѣзжать, не подвергнувъ совершенному истребленію ихъ имѣнія... Лучше и честнѣйше въ ихъ положеніи было то, чтобъ удалиться въ чужіе края, дабы не быть невѣрнымъ некоторому отечеству. Сверхъ того многіе уже и были въ чужихъ краяхъ, отдаляясь отъ всѣхъ замѣшательствъ, бывшихъ въ послѣдніе годы въ Польшѣ. Слѣдственно они въ тѣхъ замѣшательствахъ участія не имѣли... а потому какъ же имъ наказывать за невозвращеніе въ наши границы какъ самихъ мятежниковъ, отнятіемъ староствъ, имъ уже утвержденныхъ, и принужденіемъ продать ихъ деревни въ срочное время, конечно за безпѣнокъ. Развѣ русскіе люди не имѣли у себя собственнаго своего, чѣмъ имъ жить пристойно? Развѣ и куска хлѣба у нихъ своего нѣтъ? Не хочу я полякамъ ту честь отдать, чтобы они насъ кормили, когда мы побѣдители и считаемъ себя быть лучше ихъ во всемъ. Я совершенно увѣренъ“, писалъ дальше Репнинъ, вѣроятно, надѣясь, что его мысли будутъ переданы императрицѣ, — „что наша великодушная, справедливая и премилосердая государыня не будетъ одного мнѣнія съ симъ рѣшеніемъ, и что ея рѣшенія докажутъ свѣту и намъ, какъ и всегда то было, что она слѣдуетъ правиламъ, которыхъ мы по нашему мелководію, достигать не умѣемъ. Вотъ моя мысль... и я ее, какъ основанную на внутреннемъ убѣжденіи совѣсти, не скрываю и ни передъ кѣмъ скрывать не буду“⁵⁾.

Мнѣніе Репнина, а также и другія причины повліяли на правительство, и нѣсколькими именными указами (отъ 14 апрѣля 1795 до 11 марта 1796 г.) было возвращено прежнимъ владѣльцамъ изъ „взятыхъ въ казенный секвестръ“ 221.423 д. м. п., какъ наследственныхъ, такъ и старостинскихъ имѣ-

¹⁾ См. мою книгу: „Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II“, т. II, 1901 г., стр. 129—190.

²⁾ См. объ этой канцеляріи статью И. Е. Андреевскаго въ „Русск. Стар.“, 1881 г. № 8.

³⁾ См. П о б ѣ д о н о с ц е в ѣ, „Курскъ гражданскаго права“, т. I, 1896 г., стр. 436—437.

⁴⁾ См. именной указъ 3 мая 1795 г. правящ. должн. генералъ-губернатора Минскаго, Иааславскаго и Брадскаго Тутолмину. „Поли. Собр. Закоп.“ т. XXIII, № 17.329.

⁵⁾ „Сборн. Историч. Об-ва“, т. XVI, 190, 197—198.

ній¹⁾. Въ томъ числѣ изъ прежнихъ наслѣдственныхъ имѣній 10.550 д. были возвращены лишь по смерти тогдашнихъ владѣльцевъ. Назовемъ нѣкоторыя, наиболѣе крупныя возвращенныя имѣнія. Возвращены были (указомъ 20 июля 1795 г.) имѣнія кн. Адама Чарторыжскаго (его двумъ сыновьямъ) въ губерніяхъ Подольской, Минской и Брацлавской 43.566 д. м. п., кн. Станислава Понятовскаго старостинскихъ 18.940²⁾ и наслѣдственныхъ 5.674 д., итого 24.614 д. м. п. (въ Минской и Брацлавской губ.); маршалковой коронной княгини Изабеллы Любомирской, урожденной княжны Чарторыжской 15.066 душъ (въ Подольской губ.); великаго маршала короннаго гр. Мошинскаго—11.122 д.; каштеляна краковского кн. Антонія Яблоновскаго 17.853 д., канцлера Литовскаго гр. Хрептовича—6.062 и друг. Возвращенное имѣніе кн. Александра Любомирскаго (въ Брацлавской губ., въ части ея, отдѣленной для составленія Вознесенской губ.), въ которомъ было 41.134 д., было куплено въ казну. Изъ числа наслѣдственныхъ имѣній, возвращенныхъ только по смерти ихъ владѣльцевъ, самое крупное (8.946 д.) принадлежало граф. Хоткевичевой, урожденной граф. Ржеутской (т. е. Ржевуской)³⁾.

Но если большая часть секвестрованныхъ у свѣтскихъ лицъ имѣній была возвращена прежнимъ владѣльцамъ полякамъ, то все же секвестрованныхъ и не возвращенныхъ (т. е. отпущенныхъ въ казну) имѣній было пожаловано указами 1795—96 гг. русскимъ военнымъ и гражданскимъ лицамъ около 25.000 душъ.

Наши вельможи, нисколько не смущаясь, принимали помѣстья, пожалованныя имъ изъ числа секвестрованныхъ имѣній, хотя бывали случаи, что прежніе владѣльцы поляки обращались къ получившимъ ихъ имѣнія и указывали на то, что они совершенно неповинно лишены средствъ къ жизни. Скорѣе можно было разжалобить русское правительство и выхлопотать возвращеніе имѣнія, чѣмъ тронуть этихъ коршуновъ, налетѣвшихъ на брошенную имъ подачку⁴⁾.

¹⁾ Кромѣ того было болѣе 35.000 д. м. п. въ такихъ имѣніяхъ, владѣльцы которыхъ должны были ихъ продать въ годовой срокъ.

²⁾ Въ рескриптѣ имп. Екатерины Тутолмину 3 декабря 1795 г. было сказано: „Имѣнія, принадлежащая родственникамъ короля польскаго, а именно кн. Станиславу Понятовскому, гр. Михаилу Мишеку, гр. Викентію Тышкевичу, бывшему гетману Михаилѣ Опинскому и княгинѣ Изабеллѣ Любомирской, урожденной княжны Чарторыжской, всеподлиннѣе повелѣваемъ возвратитъ имъ въ прежнее ихъ владѣніе съ тѣми правами, какими они пользовались до взятія сего имѣнія въ казенный секвестръ и съ доходами, съ нихъ собранными, которые въ казну еще не поступили“. „Сборн. Имп. Ист. Общ.“, т. XVI, 343.

³⁾ „Госуд. Арх. XVI, № 244; сравн. „Сборн. Имп. Ист. Общ.“ т. XVI, 237; „Memoires du prince Ad. Czartoryski“, P., 1887, I, 76—77.

⁴⁾ „Сборникъ Историч. Об.—ва“, т. XVI, 348, стр. 548.

Кромѣ указанныхъ выше разрядовъ вотчинъ: дворцовыхъ, государевыхъ, отписныхъ, или конфискованныхъ, и выморочныхъ, крестьяне жаловались еще изъ казенныхъ имѣній. Такъ, въ 1777 г. Г. А. Потемкинъ получилъ въ потомственное владѣніе мызу Осинова Роша, состоящую въ вѣдомствѣ петербургской губернской канцеляріи. Но вообще изъ казенныхъ и ясачныхъ волостей въ Великороссіи было произведено очень немного пожалованій. Въ Выборгской губерніи изъ деревень казеннаго вѣдомства было пожаловано 1.989 душъ. Въ Остзейскомъ краѣ имѣнія жаловались обыкновенно изъ коронныхъ мызъ (общая сумма пожалованій въ этой мѣстности была указана выше). Въ Малороссіи раздавались коронныя маестности (имѣнія), а также ранговыя и урядовыя (т. е. даваемая на время исполненія извѣстной должности) и войсковыя. Особенно много имѣній въ Малороссіи получили гр. Кирила Григор. Разумовскій и Безбородко, о чемъ мы еще будемъ говорить далѣе. Всего въ Малороссіи было роздано около 43.000 душъ. Въ Вѣлороссіи послѣ перваго раздѣла Польши раздавались въ громадномъ количествѣ коронныя старства¹⁾. Въ 1773—95 г. было пожаловано въ Вѣлороссіи, преимущественно изъ поступившихъ въ казну прежнихъ старствъ и небольшое количество изъ имѣній, принадлежавшихъ католическому духовенству,—144.699 д. Въ областяхъ, присоединенныхъ по второму и третьему раздѣламъ, также жаловались имѣнія, поступившія въ казну. Это были, во-первыхъ, имѣнія, принадлежавшія коронѣ („креденцизы“²⁾), которыя были двухъ разрядовъ: 1) прежнія старства (въ третій періодъ въ 1795—96 гг. изъ старствъ, поступившихъ въ казну, пожаловано болѣе 27.000 душъ) и 2) назначавшіяся на содержаніе короля и носившія названіе „столовыхъ имѣній“³⁾. Затѣмъ жаловались имѣнія, принадлежавшія прежде католическому и униатскому духовенству и монастырямъ (въ 1795—96 гг. болѣе 33.000 душъ)³⁾ и, наконецъ, конфискованныя у лицъ, участвовавшихъ въ мятежѣ⁴⁾. О послѣднемъ разрядѣ имѣній мы уже упоминали. Что касается вотчинъ духовенства, то тутъ были имѣнія, при-

¹⁾ Старствами въ Польшѣ назывались казенныя имѣнія, предназначенныя для вознагражденія заслугъ шляхты. Они давались старостамъ въ пожизненное владѣніе съ обязательствомъ вносить въ казну четвертую часть доходовъ. М я к о т и в ъ. „Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ“, Спб., 1889 г., ст. 62. Д е П у л е. „Послѣдній польскій король Станиславъ Августъ Понятовскій“. „Заря“, 1871 г., № 7, стр. 238.

²⁾ Во время существованія польскаго государства они не управлялись непосредственно королевскими чиновниками, а сдавались въ аренду. М я к о т и в ъ, ст. 62.

³⁾ Вообще точное раздѣленіе на разряды сдѣлать невозможно, такъ какъ иногда въ именныхъ указахъ приводится лишь общая сумма пожалованныхъ одному лицу крестьянъ, принадлежавшихъ къ вѣсколькимъ разрядамъ.

надлежащія прежде католическимъ епископамъ: виленскому, владимірскому, заграничному епископу триполитанскому, разнымъ суффраганамъ, каноникамъ и плебанамъ, капитуламъ виленскому, жмудскому, лупкому, архидіаконіи виленской, ксендзамъ-миссіонерамъ, монастырямъ доминиканскимъ, бенедиктинскимъ и базилианскимъ, наконецъ, уніатскому митрополиту и его суффрагану¹⁾.

Относительно Великороссіи слѣдуетъ еще замѣтить, что мы встрѣчаемъ нѣсколько случаевъ пожалованія крестьянъ: 1) приписанныхъ къ госпиталю, 2) бывшихъ прежде во владѣннн сухопутнаго шляхетнаго (дворянскаго) корпуса и 3) находившихся въ вѣдомствѣ канцеляріи строенія государственныхъ дорогъ. Какъ было уже упомянуто, жаловалась также имѣнія, нарочно купленные для пожалованія. Такія пожалованія производились и въ Бѣлоруссіи, и въ Малороссіи. Такъ, на примѣръ, мѣстечко Шкловъ (11.821 душа) въ Могилевской губерніи, пожалованное въ 1777 г. любимцу Екатерины Семену Зоричу, было куплено у Адама Чарторыжскаго. Иногда жаловались деньги на покупку имѣній: такъ, въ 1777 г. было дано кн. Вяземскому 25.000 руб. на покупку имѣній въ Полоцкой губерніи, также у кн. Адама Чарторыжскаго.

Вотъ всѣ разряды крестьянъ, изъ которыхъ производились пожалованія. Было высказано мнѣніе, что Екатерина II роздала множество такъ называемыхъ экономическихъ крестьянъ, т. е. принадлежавшихъ прежде православному духовенству (синоду, архіерейскимъ домамъ, монастырямъ и церквямъ). Дворянство, по словамъ нашего извѣстнаго историка церкви г. Знаменскаго, сочувствовало секуляризаціи церковныхъ имѣній (т. е. отобранію ихъ у духовенства въ казну), такъ какъ „ему не трудно было догадаться, что при тогдашнемъ стремленіи правительства къ возвышенію дворянства, къ обширной раздачѣ ему населенныхъ земель и къ закрѣпощенію свободныхъ людей изъ народа за какимъ-нибудь владѣльцемъ, души, освобожденные отъ крѣпостного права церковнаго, большею частью перейдутъ въ руки его же, російскаго дворянства“²⁾. Это предположеніе г. Знаменскаго не основательно: изъ экономическихъ крестьянъ почти никогда не производились пожалованія при Екатеринѣ II. Правда, лицу, получающему пожалованіе, иногда давалось право выбрать имѣніе по своему усмотрѣнію, и бывали случаи, что просили пожаловать экономическихъ деревни. Но правительство, если и исполняло такую просьбу, то взаимѣнъ пожалованныхъ деревень отдавало такое же количество крестьянъ въ вѣдомство коллегіи эко-

номіи, чтобы число экономическихъ крестьянъ не уменьшалось. Такихъ случаевъ было всего три, и всѣ они относятся къ пожалованію имѣній бр. Орловымъ¹⁾. Очевидно, только для людей особенно близкихъ Екатерина II соглашалась, хотя бы путемъ обмѣна, нарушить правило неприкосновенности бывшихъ духовныхъ имѣній, котораго она, вѣроятно, придерживалась именно изъ опасенія услышать отъ духовенства обвиненіе, несправедливо высказанное противъ нея нашимъ извѣстнымъ историкомъ церкви. Эта осторожность хорошо рисуетъ умѣніе Екатерины дѣйствовать въ вопросахъ щекотливыхъ, но наша поправка, конечно, нисколько не измѣняетъ сущности дѣла: раздача громаднаго количества другихъ крестьянъ въ потомственное владѣніе, остается несомнѣннымъ фактомъ. Однако, дворяне дѣйствительно хлопотали о томъ, чтобы экономическихъ крестьянъ продали или роздали въ аренду, но эти хлопоты не увѣнчались успѣхомъ, хотя передъ смертью императрица уже склонялась къ раздачѣ въ аренду не только экономическихъ, но и дворцовыхъ деревень²⁾. При Павлѣ I было пожаловано изъ экономическихъ крестьянъ въ полную собственность только 2.441 душа, но 50.000 душъ были отдѣлены на образованіе, такъ называемыхъ, командорственныхъ имѣній, которыя давались во временное владѣніе³⁾.

IV.

Пожалованіе производилось всегда письменнымъ указомъ сенату, который прочитывался въ засѣданіи перваго департамента и сообщался для свѣдѣнія въ третій. По большей части въ указѣ выставлялся и поводъ пожалованія. Въ первомъ періодѣ это дѣлалось не всегда, а затѣмъ все чаще упоминалось въ указахъ, за какія заслуги давалось имѣніе; въ третьемъ же періодѣ всегда излагалась причина пожалованія. Въ официальномъ извѣщеніи въ газетахъ о наградахъ, данныхъ разнымъ лицамъ, по восшествіи на престолъ Екатерины II, было сказано, что императрица оказала „особливые знаки своего благоволенія и милости“ тѣмъ, „которые по ревности для поспѣшенія благополучія народнаго побудили самымъ дѣломъ ея величества сердце милосердное къ скорѣйшему принятію престола російскаго и къ спасенію такимъ образомъ нашего отечества отъ угрожающихъ оному бѣдствій“. Въ другихъ случаяхъ имѣніе жаловалось за долговременную службу, за храбрость,

¹⁾ Однажды правительство разрѣшило обмѣнить помѣщичье имѣніе на экономическихъ крестьянъ: это дозволено было сдѣлать въ 1771 г. гр. Захару Чернышеву.

²⁾ См. мою книгу: „Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II, т. II, 1901 г., стр. 280—283; „Архивъ кн. Воронцовыхъ“, XIII, 371.

³⁾ См. мою статью „Пожалованіе населенныхъ имѣній при имп. Павлѣ“, „Русская Мысль“, 1882 г., № 12, стр. 190—191.

¹⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія о всѣхъ этихъ имѣніяхъ въ Литвѣ можно найти въ только что въ названной статьѣ Де-Пуле.

²⁾ „Чтенія изъ исторіи русской церкви“, „Православ. Собесѣдникъ“, 1875 г., февраль, стр. 142.

гр. Румянцеву въ 1770 г. „за знаменитыя побѣды надъ неприятелемъ“, гр. Алексѣю Орлову въ 1771 г. „за Чесменскую баталію“, гр. Никитѣ Панину въ 1773 г. „за его намъ и отечеству при воспитаніи нашего любезнѣйшаго сына и наслѣдника Е. И. В. Государя Цесаревича Павла Петровича вѣрную и прилежную службу“, гр. П. М. Голицыну въ 1774 г. „за разбитіе при Татищевѣ злодѣевъ“ (т. е. Пугачевского войска), кн. Вяземскому въ 1775 г. по заключеніи мира съ Турціею „за трудолюбіе и ревностное попеченіе, что во время войны денежные платежи исправно текли“. Но въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины II причина пожалованія очень часто высказывалась гораздо широкѣе. Приведемъ два примѣра. Въ 1788 г. въ одномъ изъ указовъ императрицы сказано: „въ воздаяніе усердной службы и отличному мужеству командующаго легкимъ флотомъ нашимъ на лиманѣ принца Нассау-Зигена, который не токмо въ 7-ой день сего іюня знатную надъ неприятелемъ одержалъ поверхность, но послѣ 17-го того же мѣсяца и совершенную получилъ побѣду надъ флотомъ турецкимъ, самимъ каптанъ-пашею предводимымъ, истребилъ 6 линейныхъ кораблей и взялъ 2 таковыхъ же съ многочисленнымъ плѣномъ, пожаловали мы ему“ и проч. Въ 1795 г. жалуются деревни „нашему генералъ-аншефу кн. Николаю Реннину за усердное служеніе и за доброе распоряженіе войсками, начальству его вѣренными, посредствомъ коихъ онъ вездѣ предупредилъ одержать поверхность надъ мятежниками польскими, занявъ черту ему предписанную, очистить край въ Литвѣ и въ немъ восстановить тишину“. Нерѣдко такіе указы писались императрицею собственноручно.

Иногда, напротивъ, при весьма крупныхъ пожалованіяхъ не указывается никакого повода: такъ, напримѣръ, при пожалованіи лицамъ, особенно приближеннымъ къ императрицѣ (ея любимцамъ): Григорію Орлову—Ропши и другихъ мызъ въ 1764 г., мызы Ровенбургъ въ 1767 г.¹⁾, камергеру Ал. Василькову въ 1774 г. При пожалованіяхъ П. Завадовскому въ 1777 г. одинъ разъ совсѣмъ не указано повода, а въ другой сказано: „по его прошенію“. При пожалованіяхъ Потемкину въ 1777 и 1785 гг., Зоричу въ 1777, дѣйствительному камергеру Римскому-Корсакову въ 1779, Александру Ермолову въ 1786 г. также не указано, за какія заслуги они получили награду. Въ 1795 г. гр. Платону Зубову было дано болѣе 13.000 душъ „за похвальные, усердные и ревностные труды его, паче же за дѣло возвращенія и соединенія древнихъ російскихъ областей“. Но извѣстно, что, хотя Платонъ Зубовъ и былъ

генералъ-фельдцейхмейстеромъ, онъ не принималъ никакого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, что же касается „усердныхъ его трудовъ“, то они состояли развѣ въ сочиненіи нелѣпыхъ плановъ перетасовки европейскихъ государствъ, подобныхъ напечатанному Лебедевымъ въ его книгѣ о братьяхъ Паниныхъ.

Форма указа о пожалованіи была обыкновенно такова: „всемилоствѣйше жалуетъ (такія-то села и деревни) въ полное потомственное (или вѣчное и наслѣдственное) владѣніе со всѣми землями, лѣсами и всякими принадлежащими угодьями“. Иногда то же самое выражается нѣсколько подробнѣе: напримѣръ, жалуются Румянцеву вмѣстѣ въ Малороссіи „со всѣми къ онимъ селамъ, деревнямъ и хуторамъ принадлежащими крестьянами и бобылями и со всѣми къ нимъ принадлежностями, т. е. мельницами, рыбными ловлями, полями, лѣсами, сѣнокосами и прочими угодьями“¹⁾; или, напримѣръ, даютъ Завадовскому въ Бѣлороссіи четыре фольварка „съ принадлежащими къ онимъ селами, деревнями и прочими селеніями, мельницами, лѣсами, пашенными землями, всякаго званія угодьями и со всею въ тѣхъ фольваркахъ хозяйственною наличностью“. Это приращеніе „съ хозяйственною наличностью“ особенно часто встрѣчается въ указахъ 1795—96 гг. при раздачѣ имѣній въ земляхъ, присоединенныхъ отъ Польши. Нужно замѣтить, что, при передачѣ имѣній повымъ владѣльцамъ, въ этой послѣдней мѣстности имъ отдавались и не поступившіе въ казну помѣщичьи доходы, собранные во время казеннаго управленія²⁾.

Случалось, что въ пожалованномъ имѣніи оказывалось болѣе душъ, чѣмъ предполагали;

¹⁾ Жалованныя грамоты на мызы въ Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи ведѣно было въ 1765 г. писать такъ: „Объявляемъ симъ, что мы всемилоствѣйше пожаловали такую-то мызу, или столько-то гаковъ, въ вѣчное и потомственное владѣніе... со всѣми принадлежащими селеніями и пустыми землями, дворами, деревнями, хоромными и огородными строеніемъ, съ пашнями и лугами, съ лѣсами, сѣнными покосами и рыбными ловлями и съ имѣющимся въ оныхъ наличными и съ бѣглыми крестьянами, ничего не выключая изъ того, что къ той мызѣ или гакамъ принадлежить и потому предъ правдою и судомъ по пристойству при совокупленіи быть можетъ въ вѣчное и потомственное владѣніе, всемилоствѣйше утверждаемъ, и она ему и потомкамъ его продать, заложить и по правамъ укрѣпить позволяемъ, токмо чтобъ обыкновенные публичные сборы равно какъ и съ прочіихъ наслѣдныхъ шляхетныхъ („дворянскихъ“) мызъ плачены были“. „Подл. Собр. Заков.“ т. XVII, № 12.438. Срав. жалованную грамоту гр. Кирилѣ Григор. Разумовскому въ книгѣ Васильчикова „Семейство Разумовскихъ“, Спб. 1880 г., т. I, прил. стр. XV—XVI.

²⁾ Указомъ 1763 и 1765 гг. было ведѣно съ жалованныхъ грамотъ брать слѣдующія пошліны: съ каждой пожалованной души м. п. въ Великороссіи 25 к., съ гака по 5 р. (значить, въ среднемъ въ гацѣ считалось 20 д. м. п.), въ Малороссіи съ души 15 к., съ флпльндскаго геймата (отдѣльный обмежеванный повемельный участокъ, заключающій во себѣ необходимыя условія для производства самостоятельнаго хозяйства). 2 р. П. С. З., т. XVII, № 12.442.

¹⁾ Григорій Орловъ въ 1771 г. получилъ 6.000 душъ, по словамъ именного указа, „въ равсужденіе великихъ заслугъ и ревности къ намъ и отечеству“.

тогда перѣдко императрица дарила и ихъ новому владѣльцу.

Когда истощались имѣнія, пригодныя для пожалованій, то приходилось давать вотчины весьма дробными частями. Такъ, на примѣръ, въ 1760-хъ гг. награждать имѣніями въ Велико-россіи было уже затруднительно, если не хотѣли касаться крупныхъ дворцовыхъ волостей, а потому приходилось давать по немногу въ разныхъ уѣздахъ ¹⁾. То же приходилось дѣлать въ началѣ 1790-хъ гг. въ Бѣлоруссіи послѣ того, какъ тамъ были произведены огромныя пожалованія.

Обыкновенно крестьянъ жаловали вмѣстѣ съ землею, но былъ одинъ случай пожалованія нѣсколькихъ крестьянъ съ разрѣшеніемъ перевести ихъ на другое мѣсто (въ 1765 г. камердинеру императрицы Сахарову).

Иногда получившіи пожалованное имѣніе, почему-либо имъ недовольный, просилъ о замѣнѣ его другимъ, п такія просьбы исполнялись. Само собою разумѣется, что обращаться съ подобными прошеніями рѣшались только лица, близко стоявшія къ государынѣ. Такъ, на примѣръ, генераль-прокуроръ кн. Вяземскій получилъ мызу Цербень (или Сербень) въ Венденскомъ уѣздѣ, но потомъ, по его просьбѣ, она была взята въ казну и причислена къ короннымъ мызамъ, а вмѣсто того ему было дано дворцовое село въ Пензенскомъ уѣздѣ ²⁾. Особенною склонностью къ перемѣнѣ имѣній отличались бр. Орловы, о чемъ будетъ сказано ниже.

Разныя лица, приближенныя ко двору, частенько сами выпрашивали имѣнія и иногда эти просьбы отличались крайнею безцеремонностью. Безбородко въ 1786 г. обратился съ такимъ прошеніемъ чрезъ Потемкина. Несмотря на то, что, по его собственнымъ словамъ, онъ получилъ уже 7.000 душъ, онъ желалъ имѣть еще деревни, прилегающія къ его малороссійскимъ имѣніямъ, и въ особенной запискѣ, приложенной къ его письму, перечислилъ до ста названій. Чувствуя и самъ, что его желанія чрезмѣрны, Безбородко, для смягченія своей просьбы, прибавляетъ: „чтобы не имѣла ея величество сомнѣнія по множеству названій деревень малороссійскихъ въ запискѣ, ваша свѣтлость скажете самую истину, что оставшіяся

изъ нихъ за раздачею, суть вовсе незавидныя да и такія, въ коихъ и приращенія почти быть не можетъ“. Ему было вновь пожаловано 3.565 душъ.

При всеобщей жадности къ урванію лакомыхъ кусковъ было бы пріятною неожиданностью встрѣтить людей, не только не выпрашивавшихъ подачекъ, но и отказывавшихся отъ назначенныхъ имъ пожалованій. И вотъ говорятъ, что Н. В. Репнинъ не принялъ предложенныхъ ему императрицею 3.000 душъ крестьянъ ¹⁾. Но изъ именныхъ указовъ мы видимъ, что 1-го января 1795 г. ему было пожаловано, а въ августѣ того же года окончательно назначено 4.385 душъ въ Минской губ., и Репнинъ не отказался отъ пожалованія. Впрочемъ, Бавтышъ-Каменскій говоритъ, что Репнинъ предоставилъ пользоваться доходомъ съ имѣнія, пожалованнаго ему Екатериною, прежнему владѣльцу, гр. Огинскому ²⁾. Кромѣ того, въ день коронаціи имп. Павла, Репнину было дано еще 6.000 душъ. Такимъ образомъ, и Репнинъ оказался не безкорыстнымъ въ этомъ отношеніи. Говорятъ также, что П. Д. Еропкинъ не принялъ 4.000 душъ, назначенныхъ ему за его дѣятельность во время чумы въ Москвѣ ³⁾. Дѣйствительно, мы не находимъ имени этого Еропкина въ числѣ лицъ, которымъ раздавались имѣнія. Машонъ Гамалея отказался взять въ награду за службу 300 душъ крестьянъ ⁴⁾. Если извѣстія о Еропкинѣ и Гамалеѣ и справедливы, то во всякомъ случаѣ это исключительныя явленія среди толпы царедворцевъ и вельможъ, выпрашивавшихъ разныя награды.

(Окончаніе слѣдуетъ).

В. Семейскій.

¹⁾ Карновичъ. „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи“, Спб., 1874 г., стр. 298.

²⁾ „Биографіи генералиссимусовъ и генераль-фельдмаршаловъ“ II, 232. Въ указѣ о пожалованіи сказано, что Репнину отдаются 4.385 душъ изъ поступившихъ въ казну—Пинская экономія съ фольварками, деревнями, разными селеніями и всѣми землями и угодьями, принадлежащими къ экономіи. Въ вѣдомости, находящейся въ Государственномъ Архивѣ, Пинская экономія названа въ числѣ старостинскихъ имѣній, отобранныхъ въ казну указомъ 19 апрѣля 1794 г. вслѣдствіе того, что владѣльцы ихъ находятся за границею, и сказано, что эта экономія находилась во владѣніи гетмана Огинскаго.

³⁾ Карновичъ, 298.

⁴⁾ Тургеневъ, „La Russie et les Russes“, II, 254; Незеленовъ, „Н. И. Новиковъ“, стр. 94.

¹⁾ Такъ, на примѣръ, въ 1762 году секундъ-маіору Жихареву было пожаловано изъ отписныхъ и выморочныхъ въ Алексинскомъ уездѣ 26 душъ, въ Елецкомъ 49, въ Шацкомъ 21, въ Казанскомъ въ одноѣмъ селѣ 9, въ другомъ 28, въ Симбирскомъ 20, всего 153 души.

²⁾ При этомъ ему даже позволили удержать изъ прежде пожалованной мызы трехъ человекъ, которыхъ онъ взялъ къ себѣ во дворъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ТЕРРОРЪ

Уже болѣе года Россія напоминаетъ древнеримскій царь въ тѣ моменты, когда на христіанъ выпускали стаю дикихъ звѣрей. Уже болѣе года длится кровавая баня, то ослабѣвая, то усиливаясь, то проявляясь единичными казнями, убійствами, порками, погромами, то раздражаясь колоссальными массовыми бойнями, какъ октябрьскія убійства, захватившія 120 городовъ, какъ декабрьскія и январскія усмиренія, залившія кровью почти всю страну, какъ походы Орлова въ Прибалтійскій край или Алханова въ Грузію, наполнившіе эти области трупами и развалинами.

Картины самыхъ свирѣпыхъ нашествій, самыхъ звѣрскихъ истребленій и опустошеній, какія случались въ прошлые вѣка, повторены въ нашемъ отечествѣ за этотъ короткій промежутокъ времени: исторія Россіи съ 9 января 1905 г.,— какъ бы сборникъ худшихъ страницъ изъ исторіи человечества. Читая объ истязаніяхъ и избіеніяхъ дѣтей въ Курскѣ, Псковѣ, Томскѣ, Казани, въ западныхъ и южныхъ городахъ, гдѣ еврейскихъ младенцевъ разрывали на части, мы вспоминаемъ Ирода, истреблявшаго младенцевъ. Совѣтъ Дурново прибалтійскимъ усмирителямъ: „не стѣсняйся тѣмъ, что на одного виновнаго будетъ разстрѣляно пятеро невинныхъ“,— не напоминаетъ ли слова Симона Монфора, рекомендовавшаго истреблять альбигойцевъ, не разбирая еретиковъ и правовѣрныхъ: „на томъ свѣгѣ разберутъ“? Чѣмъ наѣзды опричниковъ на деревни времянъ Ивана Грознаго отличаются отъ наѣздовъ Луженовскихъ, Рыжовыхъ, Филоновыхъ и проч. на современныя деревни: тѣ же убійства, тѣ же истязанія, тѣ же насилія... И, конечно, въ тѣ времена такъ же какъ теперь, „дѣлныя деревни коровами ревѣли“!

Испанскіе завоеватели Америки загоняли индѣйцевъ въ сарай и сжигали ихъ живьемъ: такъ сжигали и русскіе обыватели въ Томскѣ, Одессѣ, въ Грузіи, гдѣ въ сожженныхъ полковникомъ Крыловымъ селахъ сгорѣло немало жителей. И какъ послѣ нашествій гунновъ, готовъ, монголовъ въ опустошенныхъ областяхъ, усѣянныхъ трупами и развалинами сожженныхъ „подъ метлу“ селеній, водворялись голодъ и моръ, такъ и нынѣ съ Кавказа, изъ прибалтійскихъ губерній сообщаютъ о наступленіи голода и усиленіи болѣзней благодаря опустошеніямъ „карательныхъ экспедицій“.

Упомянемъ подробнѣе о пыткахъ, которыя никогда не псчезали изъ нашихъ полицейскихъ застѣяковъ, а теперь возстановлены совершенно откровенно. Въ деревняхъ истязаютъ крестьянъ, добываясь выдачи зачинщиковъ. Известно, какимъ пыткамъ подвергали Спиридонову: изъ рукъ палачей она вышла съ отбитыми легкими, кровохарканіемъ, съ развѣвшимъ

ся вслѣдствіе пытокъ туберкулезомъ, полуглухой, полуслѣпой и изнасилованной. Измайловичъ въ Минскѣ били кулаками, били нагайками, топтали ногами, плевали ей въ лицо, тушили папирсы объ ея тѣло. Этого рода пытки—топтанье ногами, порка нагайками, битье по лицу (двое держатъ истязуемаго за руки, а третій бьетъ), бросанье о полъ и т. п. практикуются давно и повсемѣстно; но въ послѣднее время они, такъ сказать, систематизируются и разрабатываются детально. Въ Варшавѣ дѣлая система пытокъ выработана начальникомъ сыскаго отдѣленія Гриномъ, который въ 1902 году былъ лишенъ правъ состоянія за мошенничество (вымогательство), но по Высочайшему повелѣнію помплованъ, получилъ повышение и теперь „оправдываетъ довѣріе“ властей. Онъ придумалъ, между прочимъ, способъ выпытыванія показаній, кажется, никогда еще не примѣнявшійся: арестованнаго сажаютъ вмѣстѣ съ караульнымъ, которому предписано истязать арестанта: онъ бьетъ его кулаками, прикладомъ, палкой, хватаетъ за волосы и колотитъ головой о стѣну, заставляетъ стоять не шевелясь и бьетъ за малѣйшее движеніе, и т. д. Такъ продолжается по нѣскольку дней. Кромѣ того, истязуемыхъ мордѣт голодомъ и жаждой, бьютъ по лицу, подъ бока, по животу, палками по икрамъ, вырываютъ имъ волосы, прыгаютъ со стола на грудь и животъ, царапаютъ подошвы и проч. Въ газетахъ появился уже пѣлый рядъ сообщений о Варшавскихъ пыткахъ; но теперь наше начальство гласностью не стѣняется. Замученныхъ до смерти выбрасываютъ въ Вислу: „Жизнь и Свобода“ сообщаетъ, что недавно въ Варшавѣ рыбаки выловили подлѣ цитадели (гдѣ производятся пытки) 16 труповъ, связанныхъ проволочнымъ канатомъ; „лица ихъ были залпты смолой; трупы были страшно изуродованы“. Но въ одной ли Варшавѣ практикуются систематическія пытки? сколько еще такихъ застѣяковъ раскидано по Россіи?

Такъ какъ дѣятельность нашего правительства продолжаетъ развиваться въ одномъ и томъ же направленіи, то можно предполагать, что систематическая пытка вскорѣ водворится повсемѣстно наряду съ пытками, не систематизированными, уже практикующимися повсюду. По крайней мѣрѣ, даже въ Петербургскихъ тюрьмахъ замѣчается усердіе въ этомъ направленіи: силою берутъ на допросъ, силою таскаютъ снимать фотографіи, и во время съемки держатъ за руки, за нога и за волосы, доводя женщинъ до нервныхъ припадковъ, обращаются грубо, говорятъ „ты“, усиливаютъ строгости, собираются ввести въ качествѣ надзирателей семеновцевъ; а въ жандармскомъ управленіи откровенно заявляютъ: „Это еще что, потомъ пытать будемъ“.

Только въ отношеніи разнообразія смертныхъ казней наши усмирители еще не воскре-

силы всей свирѣпости прошлыхъ вѣковъ. Они вѣшаютъ, разстрѣливаютъ, засѣкаютъ на смерть, иногда сжигаютъ живьемъ, но еще не сажаютъ на колъ, не колесуютъ, не перебиваютъ на двое. Въ послѣднее время вводится, повидимому, казнь голодной смертью. Голодовки, какъ отвѣтъ на жестокое обращеніе, давно уже практикуются въ русскихъ тюрьмахъ; нынѣ оны сдѣлались хроническимъ явленіемъ,—за 3 мѣсяца мы насчитали 29 голодовокъ въ разныхъ тюрьмахъ Россіи, длившихся отъ 2 до 12 дней; но, кажется, до сихъ поръ начальство не рѣшалось доводить ихъ до конца, а теперь начинаютъ появляться въ газетахъ сообщенія въ родѣ слѣдующаго: „Изъ Пятигорска: Въ свободѣ Нальчикъ умеръ въ тюрьмѣ отъ голодовки политической арестованный, Рубинъ“. Конечно, это лаконическое сообщеніе слѣдуетъ читать: „уморили въ тюрьмѣ голодомъ политическаго арестованнаго Рубина“. Никто добровольно не умираетъ отъ голода, но можно довести человѣка до отказа отъ пищи и до голодной смерти. Повидимому, это и имѣется въ виду: на дняхъ въ газетахъ сообщалось о проектируемомъ усиленіи строгости тюремнаго режима; въ Екатеринбургской тюрьмѣ политическихъ быть прикладами и нагайками; московскій градоначальникъ ф. Рейнботъ по поводу голодовки политическихъ не безъ игривости заявилъ, что оны мѣшать не будутъ, а остающіяся деньги употребить на улучшеніе пищи заключенныхъ; арестованнаго Звѣнченко въ г. Себежѣ продержали 6 дней безъ пищи; въ Севастопольской тюрьмѣ 2 арестованныхъ посадили въ карцеръ, забили двери гвоздями, и такъ держали запертыхъ безъ пищи въ теченіе полутора сутокъ...

Есть, однако, разница между кровавой дѣятельностью нашихъ правителей и звѣрствами старинныхъ тирановъ: наши не менѣ жестоки, но гораздо гаже! Обратите вниманіе на специфическую черту нашей усмирительной компаніи: этотъ характеръ подлога издѣвательства и надругательства надъ людьми, невольнo вызывающій представленіе о какой-то новой породѣ, новой расѣ двуногихъ звѣрей, порожденной нашей мрачной и жестокой исторіей. Въ старыя времена убивали и мучили, наслаждались убійствомъ и муками. Теперь мы видимъ, кромѣ того, стремленіе унижить, ослепить, отхлестать по щекамъ, тушить папироски о лицо истязуемаго, и т. п. Старинные застѣпки не видали такихъ сценъ, какъ, напр., истязаніе Спиридоновой или варшавскія пытки! Думалось, худшія проявленія жестокости и гнусности уже пережиты и отжиты человѣчествомъ; но вотъ оказывается, что въ его исторіи еще не было такой кровавой и омерзительной страницы, какую вписывать въ нее наше правительство...

И еще есть одно важное различіе. Старинные завоеватели, опустошители, усмирители дѣйствовали въ духѣ своего времени—жесто-

каго, суроваго и темнаго. Худшія правительства старыхъ временъ не слишкомъ отличались отъ своихъ народовъ. Тогда вѣдь пытки и жестокія казни считались необходимыми; наказаніе цѣлой мѣстности, цѣлаго населенія за поступки отдѣльныхъ лицъ допускалось тогдашнимъ правомъ; религиозный фанатизмъ предписывалъ истреблять еретиковъ и иновѣрцевъ... То были времена суровыхъ нравовъ и дикихъ воззрѣній. Поэтому, даже злѣйшія правительства тѣхъ временъ не производятъ впечатлѣнія подбора худшихъ элементовъ націи: они были „по Сенькѣ шапкой“.

Теперь не то. Теперь другіе нравы и другія понятія. Народъ нашъ не обнаруживаетъ свирѣпости и звѣрства: ни крестьянство, ни рабочіе, ни деревенская, ни городская масса населенія. „Черная сотня“, готовая на всякое преступленіе, составляетъ меньшинство народа, которое безъ поддержки со стороны властей не посмѣло бы и пикнуть. Даже въ тюрьмахъ, среди уголовныхъ преступниковъ, даже въ ночлежныхъ домахъ среди босняковъ звѣрства усмирителей сплошь и рядомъ возбуждаютъ отвращеніе и протестъ. Вотъ это и есть новое, этого еще не бывало въ исторіи человѣчества.

Мы слишкомъ долго остаемся при абсолютизмѣ: эта отжившая, мертвая и мертвящая система, для которой всякое проявленіе жизни опасно, а потому и ненавистно, можетъ опираться только на худшіе элементы націи. Она до того противорѣчитъ современнымъ понятіямъ о правѣ, порядкѣ и законности, что можетъ допускать въ свой составъ только лицъ, неспособныхъ усвоить азбуку права. Въ этомъ смыслѣ и совершился естественный подборъ членовъ нашей бюрократіи въ теченіе десятковъ лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, спросимъ себя: чѣмъ вызванъ этотъ кошмаръ, эта кровавая баня, представляющая какъ бы повторительный курсъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи злодѣйствъ? Революціоннымъ движеніемъ? Нѣтъ, самое непродолжительное размышленіе покажетъ поверхностность этого объясненія. Революціонное движеніе послужило только внѣшнимъ толчкомъ, вызвавшимъ наружу тѣ свойства нашего правительства, которыя давно уже рвались наружу и рано или поздно прорвались бы безъ всякаго революціоннаго движенія. Въ самомъ дѣлѣ, вспомните прежнія проявленія жестокости и самодурства, не вызывавшіяся рѣшительно ничѣмъ, кромѣ внутренняго побужденія, неудержимой склонности къ преступленіямъ, давно уже характеризующей нашу бюрократію. Исторія съ Финляндіей, напр., ненужная, бессмысленная,—жилъ собѣ народъ мирно и смирно; такъ нѣтъ,—скрутимъ его въ бараній рогъ! заставимъ его корчиться отъ боли подъ нашимъ каблукомъ! Или исторія съ армянами: это надругательство надъ самыми заветными чувствами народа, поражающее своей ненужностью и превратившее лояльную, чтобъ не сказать благонамѣренную

группу населенія въ ожесточеннаго врага правительства! Или травля поляковъ, евреевъ, звѣрскія выходки фонъ-Валей, Богдановичей и т. п., и безчисленные проявления неодолимой склонности дѣлать зло ради зла! Все это заставляло ожидать, что истинная сущность нашей бюрократіи прорвется, наконецъ, наружу въ полномъ блескѣ; и какъ японская война послужила только вѣншиимъ поводомъ къ обнаруженію безшабашнаго легкомыслія, феноменальной бездарности и закоренѣлой страсти къ хищенію нашихъ правителей, такъ революціонное движеніе дало имъ, наконецъ, случай обнаружить безъ удержки свою злость, кровожадность и страсть къ мучительству.

„Кровавая баня“ подготовлялась давно,— не революціоннымъ движеніемъ, а систематическимъ подборомъ и соотвѣтственнымъ воспитаніемъ. Это сочетаніе двухъ факторовъ—подбора и воспитанія—должно было привести, наконецъ, къ полному устраниенію закона, порядка и права, человѣчности и справедливости изъ русскаго обихода; и если бы никакого революціоннаго движенія не было, этотъ результатъ все равно наступилъ бы. Это необходимый результатъ долгаго историческаго процесса, естественный плодъ абсолютизма,—системы, которая въ наше время можетъ и должна развиваться только въ эту сторону, т. е. въ сторону систематическаго подбора худшихъ въ составъ своей организаціи.

* * *

Дѣла нашего правительства обнаруживаютъ это достаточно ясно; но, пожалуй, еще рельефнѣе выступаетъ истинная причина переживаемыхъ нами ужасовъ въ его словахъ, въ приказахъ и объявленіяхъ всѣхъ этихъ Карагозовыхъ, Скалоновъ, Нейдгардтовъ, Курловыхъ, Рененкамифовъ, Чухинныхъ и проч., и проч. Они печатались въ газетахъ, вызывали изумленіе и негодованіе; но мы приведемъ здѣсь краткій сводъ этой литературы. Государственная Дума, въ которой самую крайнюю партію составляютъ „кадеты“, уже заявившіе себя сторонниками мирныхъ путей и противниками революціи, попытается, вѣроятно, заставить, принудить правительство (отказомъ утверждать бюджетъ, займы и налоги) водворить въ странѣ законность, порядокъ, право, „незыблемыя основы свободы гражданской“. Можно ли рассчитывать, что она будетъ имѣть успѣхъ хотя бы только въ этомъ отношеніи (не говоря о широкихъ социальнихъ реформахъ, которыхъ Дума и сама не захочетъ)? Для этого прежде всего нужно рѣшить вопросъ, такова ли наша бюрократія, чтобъ ее можно было заставить или принудить отказаться отъ произвола? Такова ли она, чтобы сама могла себя заставить или принудить къ этому? властна ли она надъ своими преступными наклонностями?

Дѣла ея говорить громко, но дѣла иной прищипеть временному озлобленію, прищадку

ярости, испугу,—тогда какъ въ указахъ и объявленіяхъ обнаруживаются тѣ органическія свойства, которыя никакихъ другихъ дѣлъ породить не могутъ. Потому, какъ ни тяжела и утомительна эта литература, мы приведемъ ее и рекомендуемъ особенному вниманію читателя. Наряду съ кровожадностью и злостью, обратите вниманіе на поразительное легкомысліе, цинизмъ, игривость, отсутствіе всякаго представленія о томъ, что такое государство, законъ, право, на признаки слабоумія и нравственной атрофіи, характеризующіе прирожденныхъ преступниковъ, и знакомые тѣмъ, кому случалось читать работы Ломброзо, Гальтона, Ферри и др.

„Впредь никакихъ репрессивныхъ мѣръ назначать не стану, объявляеть генераль-губернаторъ Горійскаго и Душетскаго уѣздовъ, Бауеръ,—но буду предъявлять опредѣленные требованія и налагать взысканія, уклоненіе или неисполненіе которыхъ повлечетъ за собой разрушеніе и уничтоженіе виновныхъ селеній, безъ всякаго разбора правыхъ и виновныхъ лицъ въ отдѣльности... Въ селеніе, въ которомъ послѣ объявленія сего приказа окажется невыданнымъ добровольно хотя бы одно ружье, револьверъ, кинжалъ и прочее оружіе, хотя бы одинъ неявившійся своевременно новообранецъ, хотя бы одна неисполненная повинность, хотя бы одна непризнанная закономъ власть и т. п., — въ такое селеніе мною будутъ присланы войска, но не для экзекуціи, отобранія оружія и пр., а съ единственной цѣлью разрушить до основанія все селеніе. Предупреждаю, что каждую букву, мною въ этомъ приказѣ подписанную, приведу въ исполненіе безъ всякихъ отступленій“. Вы думаете, этотъ бѣсноватый даромъ похвастался. Будьте покойны: селенія разрушены до основанія, правые и виновные перебиты безъ разбору, женщины и дѣвочки отъ 11 лѣтъ изнасилованы, имущество разграблено, и цѣлая область лежитъ въ развалинахъ, опустошенная, разоренная и залитая кровью*). Онъ не одинъ, этотъ невѣняемый,—онъ только одинъ изъ легіона.—„Аскеранцы! восклицаетъ въ приказѣ отъ 1 января 1906 г. „государя нашего войсковой старшина“ Иванъ Эрстовичъ фонъ-Осаровскій, — я, начальникъ сообщеній войскъ отъ Евлаха до Шуши, хотѣлъ бы войти въ Шушу, яко Христосъ на ослѣяти грядуще, но если... вы заставите меня поднять оружіе, то еще при жизни своей справлю по себѣ такую тризну, что содрогнутся окрестныя горы, уже потрясенныя видомъ вашихъ беззаконій“. Вы скажете, прочитавъ этотъ приказъ: „Что за скоморохъ!“ Да, конечно, но попадите-ка въ „сферу досягаемости“ этого скомороха, когда онъ примется „справлять по себѣ тризну“,—до шутокъ ли вамъ будетъ!—Екате-

*) „Наша Жизнь“ отъ 6-го марта, корресп. изъ Тифлиса.

ринославскій генер.-губернаторъ объявилъ, что за неплатежъ податей виновные будутъ судиться военнымъ судомъ; такъ что даже казенная палата рискнула возразить, что недоимка не преступленіе и не только смертной казнью, но и никакимъ наказаніемъ, кромѣ гражданской отвѣтственности, не должна караться.—Ген. Султанъ въ Омскѣ „кратко вѣщалъ, но разительно“, предписавъ своимъ подчиненнымъ „раздавить крамолу дѣйствіемъ оружія такъ, чтобы не оставалось пищи ни для военныхъ, ни для гражданскихъ судовъ“.—Баронъ Каульбарсъ прославился установленіемъ „смертной казни въ административномъ порядкѣ“.—„Всѣ замѣченныя въ ношеніи холоднаго оружія, объявляетъ полк. Левицкій (на Кавказѣ), — п не имѣющіе на то разрѣшенія будутъ считаться разбойниками и подлежать разстрѣлу на мѣстѣ обнаруженія“.—„Я, какъ хозяинъ губерніи, заявляетъ саратовскій губернаторъ Столыпинъ крестьянамъ Кузнецкаго уѣзда,—могу всѣхъ васъ положить на камень и ногой придавить, такъ что отъ васъ останется только мокренько“.—„Права на вашей сторонѣ, объясняетъ арестованнымъ помощникъ начальника временной Петербург. тюрьмы, — но власть и сила на нашей“.—Кременчугскій генералъ-губернаторъ сыплетъ приказами; изъ нихъ особенно хороши два: въ одномъ объявляется, что крестьяне, „виновные въ составленіи общественныхъ приговоровъ, несогласныхъ съ закономъ, будутъ судимы военнымъ судомъ“; въ другомъ, что крестьяне, виновные въ смѣщеніи должностныхъ лицъ, „будутъ разстрѣливаемы безъ суда“. — Генералъ-губернаторъ Скалонъ предписываетъ „разстрѣливать до полнаго уничтоженія толпы манифестантовъ“ и „разсѣивать огнестрѣльнымъ оружіемъ сходни и митинги“; а генералъ Сахаровъ (въ Ташкентѣ) общается забастовавшимъ рабочимъ: „Сплюю штыка и пули я заставлю васъ работать“. — Подполк. Яблонскій (на Юго-Зап. жел. дор.) развиваетъ ту же тему подробнѣе: „Пуля и штыкъ должны быть въ полномъ ходу и не стѣсняться послѣдствіями... Машинистамъ... предложить три раза ѣхать на паровозъ и послѣ отказа, перваго открывшаго ротъ для возраженія—убить на мѣстѣ“.—Хороши тоже изреченія адмирала Дубасова: въ Курской губ. онъ объявляетъ, что, въ случаѣ возникновенія безпорядковъ въ какомъ-либо сельскомъ обществѣ, „всѣ жилища таковаго общества и все его имущество будутъ по приказу моему уничтожены“; въ Черниговѣ объясняетъ городской депутаціи, что „погрома еврейскаго нельзя было останавливать, а надо было дать вылиться негодованію русскихъ людей“; въ Москвѣ еще до возстанія грозитъ представителямъ города: „Пока существуетъ слово самодержавіе, представителемъ котораго въ Москвѣ являюсь я, каждый, не признающій этого, будетъ повѣшенъ“; а послѣ разгрома Москвы произноситъ успокоительную

рѣчь, въ которой объясняетъ русское революціонное движеніе кознями „международнаго и главнымъ образомъ еврейскаго союза, соблазнившаго своими преступными ученьями добродушный русскій народъ“, совѣтуетъ не считать напрасной его „разрушительную работу“, такъ какъ „только изъ коллизіи созидательной и разрушительной работы можетъ создаться что-либо новое“ и заканчиваетъ пріятнымъ обѣщаніемъ: „можетъ быть, намъ суждено принести новыя искупительныя жертвы. Будемъ же смотрѣть на эти жертвы, какъ на такія, которыхъ требуетъ сама Высшая Справедливость, и не будемъ останавливаться передъ ними“... Какъ видите, въ адмиральскую голову забралось даже нѣчто изъ философіи, или, вѣрнѣе, нѣчто изъ маэологій: о борьбѣ разрушительнаго и созидательнаго начала, Ормузда и Аримана, Тифона и Гора... Но какая ужасающая смѣсь: эти свирѣпыя угрозы висѣлицей, огнемъ и мечомъ „добродушному русскому народу“, ребяческія выходки насчетъ „международнаго, главнымъ образомъ еврейскаго, союза“, соблазнившаго Россію, и кощунственныя заявленія объ „искупительныхъ жертвахъ“, требуемыхъ „самой Высшей Справедливостью!“... Бѣдная адмиральская голова... но еѣ ли жалѣть? Какое положение населенія, для котораго кроваваго сумбура, наполняющій эту голову, реализуется въ разстрѣлы, поджоги, казни, опустошенія!..

Они не только философствуютъ и кощунствуютъ, наши отцы отечества,—они любятъ и поострить, грубо, плоско, злобно, но съ наслажденіемъ. Генералъ Прасоловъ телеграфируетъ „Закаспійскому Обзорнику“: „Прошу напечатать копию моей телеграммы въ редакцію газеты „Асхабадъ“: „Мели Емеля—твоя недѣля“. Прасоловъ“. Это тотъ самый Прасоловъ, который съ буквальною точностью воспроизвелъ въ Кушкѣ исторію щедринскаго „помпадура борьбы“, Ѳединьки Кротикова, истреблявшаго крамолу въ городѣ Навозномъ и предпринимавшаго „крестовый походъ въ пригородную свободу для изгнанія сатаны“. Прасоловъ истреблялъ крамолу въ Кушкѣ, арестовалъ нѣсколько лицъ, присудилъ ихъ къ „административной смертной казни“, поставилъ висѣлицу, и въ заключеніе предпринялъ „крестовый походъ въ долину Мургаба, для изгнанія бѣсовскаго духа“, для чего приказалъ гарнизону нашиги на груди бѣлые кресты съ красными каемками. — Генералъ Карангозовъ высылаетъ изъ Одессы въ Вологду журналиста съ такимъ напутствіемъ: „Пусть поѣдетъ освѣжиться, а то онъ все пишетъ, что ему душно, что нечѣмъ дышать“.—Генералъ Хорунженковъ, одинъ изъ прибалтійскихъ усмирителей, юмористически сравниваетъ себя съ Иисусомъ Христомъ: не могъ же я усмирить цѣлую область двумя гранатами, какъ Христосъ накормилъ голодныхъ пятью хлѣбами.

Но свирѣлость преобладаетъ надъ юмористическими и философическими отступленіями. Приведемъ еще рядъ цитатъ изъ разныхъ указовъ, объявленій и предписаній: аграрные беспорядки „будутъ подавляемы оружіемъ безъ всякой пощады... села и деревни... будутъ обстрѣливаемы артиллерійскимъ огнемъ, что вызоветъ разрушеніе домовъ и пожары“ (Вахмутскій у., приказъ ген.-губ.); „дома, откуда будутъ произведены выстрѣлы по войскамъ, будутъ уничтожены артиллеріей“ (саратовск. губернат.); „въ случаѣ появленія красныхъ флаговъ или демонстрацій, рубить шапками или еще лучше сейчасъ же слѣшать нѣсколько человѣкъ и обстрѣлять“ (приказъ по 7 казач. полку въ г. Николаевѣ); „разъ явилась надобность обнажить шапку, человѣкъ моментально долженъ быть зарубленъ на смерть“ (ген. Соколовскій въ Аткарскѣ); „если на кого-либо въ имѣніи будетъ произведено нападеніе или имѣніе подожжено, то въ волости будутъ разстрѣляны каждый пятый человѣкъ“ (изъ приказ. прибалтійскихъ усмирителей); „рѣжь, руби, сѣки; чтобъ пули зря не летѣли“ (фонъ-Медемъ въ Казани); „приду съ войсками, сильно накажу, никого не жалѣю!“ (воззваніе херсон. генер.-губерн.); „арестованныхъ не имѣть и дѣйствовать безпощадно“ (приказъ полк. Мина); беспорядки подавлять, „не жалѣя жертвъ“ (приказъ командующаго войсками одесскаго округа); „если вы замѣтите между вашими товарищами вредныхъ людей... скажите только мнѣ, дайте мнѣ этихъ негодаевъ, ибо надо вырвать такіе плевелы изъ вашей среды“ (предложеніе ген. Карангозова одесскимъ рабочимъ); „извѣщаю: въ случаѣ покушенія на лицъ, меня сопровождающихъ, жандармскихъ чиновъ и чиновъ желѣзнодорожной охраны, черезъ часъ послѣ покушенія всѣ арестованные и сданные въ тюрьму, какъ заложники, будутъ подвергнуты смертной казни“ (объявленіе генерала Рейненкампа).

Приведемъ еще нѣсколько указовъ, не столь кровавадныхъ, но не менѣе характерныхъ, какъ свидѣтельство органическаго отсутствія чувства законности. Елисаветградскій генерал-губерн. объявилъ, что участники крестьянскихъ сходоувъ, созданныхъ безъ разрѣшенія земскихъ начальниковъ и утвержденія послѣдними программы вопросовъ, обсуждаемыхъ на сходкѣ, будутъ подвергаться штрафу въ 3.000 рублей или 3 мѣсяцамъ тюр.мы. Комендантъ кронштадтской крѣпости предписываетъ, въ случаѣ если кто-нибудь изъ учениковъ въ гимназіи или другомъ мѣстѣ „позволить себѣ осуждать, порицать или оказывать неповиновеніе власти, какъ гимназической, такъ и всякой другой“, то весь его классъ закрыть и недопускать къ экзаменамъ, а родителей преступнаго ученика подвергнуть административному взысканію. Одесскій ген.-губернаторъ издаетъ эдиктъ: учениковъ, нарушающихъ ходъ занятій, „исключать и вмѣстѣ съ семьями выселять изъ города“,

совершеннолѣтнихъ за такія же попытки „высылать этапнымъ порядкомъ въ отдаленныя губерніи“. Бкатеринославскій генер.-губ. отдаетъ приказъ: „не выпускать семинаристовъ изъ общежитія, пока не будутъ выданы зачинщики (панхиды по Шмидту) и носившіе трауръ“ (по немъ же). Начальникъ Либаво-Роменской ж. д. обязываетъ служащихъ подпиской „во время занятій не читать газетъ, не разговаривать съ посторонними и между собою“. Князь Еягалычевъ на Кіево-Воронежской ж. д. обязываетъ служащихъ подпиской не принимать у себя постороннихъ. Въ Сызрани ген.-губернаторъ воспрещаетъ рабочимъ во время перерыва для обѣда и завтрака читать газетъ, журналы и книги. Севастопольскій комендантъ Неплюевъ оповѣщаетъ приказомъ, что сдѣланныя имъ распоряженія о высылкѣ разныхъ лицъ сохраняютъ силу навсегда, даже когда самого генерала Неплюева не будетъ...

Довольно, однако!—этой литературы не исчерпать...

Повторяемъ, мы привели этотъ сводъ, потому что онъ обнаруживаетъ истинную причину бойни, усыпающей Россію трупами и развалинами. Это не озлобленіе, не испугъ, не ожесточеніе,—это проявленіе естественныхъ свойствъ „прирожденныхъ преступниковъ“, соединяющихъ легкомысліе мотылька съ жестокостью тарантула. Они сами не могутъ себѣ представить государство и его отношеніе къ народу иначе, какъ въ образѣ старинной пѣсни: „Злы татарове дуванъ дуванили“... Подчеркиваемъ еще разъ легкомысліе,—обратите вниманіе на характерную черту этихъ указовъ: кощунство. Одинъ сравниваетъ себя съ „Христомъ, грядущимъ на ослати“, другой кормитъ населеніе бомбами, „какъ Христось пятью хлѣбми“, третій говоритъ о „Вышей Справедливости, требующей искупительныхъ жертвъ“... А поговори съ этими богохульниками: они за церковь православную!.. Тутъ дѣйствительно невмѣняемость, невмѣняемость и безстыдство: атрофія совѣсти, на которую также указываютъ Ломброзо, Ферри и друг. Худшее изъ правительствъ, какое только знала до сихъ поръ исторія,—правительство Ивана Грознаго—подвергалось припадкамъ раскаянія: Иванъ разсылалъ по монастырямъ синодики съ именами замученныхъ, чтобъ служили по нимъ панихиды. Эти, нынѣшніе, запрещаютъ служить панихиды по Шмидтѣ, оскверняютъ кладбища (обыски на кладбищахъ въ Калишѣ), разстрѣливаютъ образа, выкапываютъ трупы казенныхъ (Шмидта и его товарищей) изъ могилъ и бросаютъ ихъ въ море... *) У нихъ атрофирована всякая способность къ стыду,—и въ этомъ отношеніи наша бюрократія тоже, кажется, представляетъ

*) По крайней мѣрѣ извѣстіе объ этомъ, опровергаемое „Русск. Госуд.“, сообщено „Русью“ со словъ полу-оффиціозной одесской газеты, являющейся органомъ ген. Карангозова.

явление новое, небывалое: бывали совершенно безстыжие правители, въ родѣ Нерона и т. п., но чтобы пѣлая громадная организація сплошь состояла изъ людей съ атрофированной совѣстью,—этого, кажется, еще не случалось. Послѣ позорной войны, послѣ еще болѣе позорной внутренней кампаніи, оставленная всѣми честными людьми, запутавшаяся въ обманахъ, залитая кровью, наша бюрократія оказалась въ положеніи блудницы, о которой читаемъ у пророка Наума (гл. III, ст. 5): „Вотъ я на тебя! говорить Господь Саваооѣ. И подниму на лице твое края одежды твоей, и покажу народамъ наготу твою и царствамъ срамоту твою!“

Но... тутъ случилось нѣчто непредвидѣнное: наша блудница не только не сконфузилась, а еще хвастается: „Видали, народы и царства, мою наготу и срамоту,—на-те, любуйтесь, наплевать мнѣ на васъ!“

* *

И она вся такова,—наша бюрократія: вверху и внизу, въ центрѣ и на мѣстахъ, это однородная, сплоченная, тѣсно связанная принципомъ „воронѣ ворону глазъ не выклюетъ“, созданная продолжительнымъ подборомъ, воспитаніемъ и упражненіемъ, организація прирожденныхъ преступниковъ. Здѣсь будетъ вполнѣ умѣстно опровергнуть легенду, довольно навязную и ребяческую, но все еще повторяемую въ публикѣ, о распаденіи Россіи на „Разъединенные Штаты“ (въ противоположность американскимъ Соединеннымъ), на независимыя сатрапіи: „Скалонію“, „Карангозію“, „Алиханство-Аварское“ и т. п. Эта сказка понравилась публикѣ, такъ какъ рисуетъ центральное правительство слабымъ, хотя въ то же время она въ значительной степени снимаетъ съ него отвѣтственность за звѣрства мѣстныхъ властей. Но не трудно бы было, кажется, уразумѣть нелѣпость этого представленія. Ну, что могли бы подѣлать какой-нибудь Карангозовъ или Чухнинъ безъ поддержки со стороны центральнаго правительства, всегда готоваго снабдить ихъ войсками, казаками и пр. Да при первомъ же возстаніи они превратились бы въ мокрое мѣсто со всѣми своими черными сотнями. Мѣстные сатрапы сильны поддержкой центральнаго правительства, которое въ нужную минуту снабжаетъ ихъ войсками и оружіемъ; центральная власть сильно усердіемъ мѣстныхъ сатраповъ, всегда готовыхъ на избраніе старыхъ и малыхъ.

Теперь легенда опровергнута фактами. Мы имѣемъ цѣлый рядъ циркулировъ и объясненій Дурново, показывающихъ, что кровавая баня послѣднихъ мѣсяцевъ была разыграна какъ по нотамъ по указаніямъ и распоряженіямъ центральнаго правительства. Въ циркулярѣ отъ 30 ноября 1905 г. министръ (въ то время еще „управляющій министерствомъ“) предписываетъ мѣстнымъ властямъ не стѣ-

сняться законностью. Мы приведемъ лишь нѣкоторые пункты этой подробной инструкціи: 1) подстрекателей и проч., „которые не арестованы судебной властью, арестовать и войти безотлагательно представленіемъ о высылкѣ ихъ подъ надзоръ полиціи“; 2) „никакихъ особыхъ дознаній по сему предмету, а равно допросовъ не производить, а ограничиваться протоколомъ“; 3) агитаторовъ, освобожденныхъ судебными властями, „оставлять подъ стражей“; 4) „не обращать никакого вниманія на мятежные протесты разныхъ самозванныхъ союзовъ и делегацій“; 5) „не обращать вниманія на угрозы собраній и митинговъ, и въ случаѣ необходимости, самымъ рѣшительнымъ образомъ разгонять протестующихъ силою“.

Еще подробнѣе циркуляръ отъ 23 декабря: это цѣлый „наказъ“ мѣстнымъ властямъ, дѣйствующимъ, по мнѣнію министра, черезчуръ мягко. Дѣйствительно, принявшія за чистую монету манифестъ 17 октября, мѣстные начальства одно время нѣсколько растерялись. Они дошли до того, что не рѣшались арестовывать лицъ, въ дѣйствіяхъ которыхъ прокурорскій надзоръ не усматривалъ признаковъ преступленія: наказъ подчеркиваетъ эту ихъ преступную слабость. Они допускали мирныя манифестаціи, сходки и митинги, повѣривъ, очевидно, въ „непреклонное рѣшеніе даровать населенію неизблемыя основы свободы гражданской и проч.“,—это также вмѣняется имъ въ вину. Толкуйте, послѣ этого, о независимыхъ „Карангозіяхъ“ и „Скалоніяхъ“...

Январскимъ циркуляромъ за № 41 предписывается мѣстнымъ властямъ не допускать составленія волостными и сельскими сходками „мятежныхъ“ приговоровъ, а за составленные уже привлечь къ отвѣтственности участниковъ сходовъ и сельскія власти. Понятно, что тюрьмы послѣ этого переполнились крестьянами.— Въ указѣ кіевскому губернатору за № 929 по поводу крестьянскихъ безпорядковъ министръ рекомендуетъ: „Немедленно истреблять силою оружія бунтовщиковъ, а въ случаѣ сопротивленія сожигать ихъ жилища... Аресты теперь не достигаютъ цѣли; судить сотни и тысячи людей невозможно“.— Въ инструкціи карательнымъ отрядамъ въ Прибалтійскомъ краѣ ояъ, по словамъ „Руся“, поясняетъ обязанности послѣднихъ такъ: „Если на одного разстрѣляннаго виновнаго будетъ разстрѣляно пять невиновныхъ—это ничего!“

Изъ цѣлага ряда частныхъ распоряженій мы видимъ, съ какимъ вниманіемъ центральная власть слѣдитъ за тѣмъ, чтобы усмирительная дѣятельность мѣстныхъ властей не ослабѣвала. Телеграммой отъ 23 февраля министръ предписываетъ кіевскому губернатору послать въ Чагинскій уѣздъ сотню казаковъ, „что произведетъ необходимое впечатлѣніе“. Въ другомъ циркулярѣ рекомендуетъ губернаторамъ позаботиться объ „укомплектованіи стражниковъ“.

Въ третьемъ—предписываетъ губернаторамъ и градоначальникамъ имѣть строгое наблюдение за клубами. Орловскому губернатору рекомендуетъ „принять рѣшительныя мѣры“ противъ вооруженныхъ организацій, которыя, по свидѣніямъ министра, „несомнѣнно существуютъ“ на Брянскихъ заводахъ. Саратовскому предписываетъ задержать на неопредѣленное время въ тюрьмѣ 40 арестованныхъ за безпорядки крестьянъ, которыхъ рѣшено было выпустить. Земскимъ начальникамъ даетъ инструкцію относительно наблюдения за выборами въ Думу; устанавливаетъ строгій надзоръ надъ возвращающимися изъ Японіи военноплѣнными; выработываетъ „упрощенный порядокъ ссылки“ крестьянъ за аграрныя безпорядки и т. д.

По поводу Курлова и Нейдгардта министръ совершенно откровенно заявилъ въ сенатѣ, что эти администраторы въ своихъ дѣйствіяхъ сообразовались съ видами и желаніями правительства и являлись правильными его выразителями.

И здѣсь, въ центрѣ, тѣ же характерныя черты русскаго администратора: наряду съ жестокостью органическое отсутствіе чувства законности и феноменальное легкомысліе. Мы не будемъ говорить о надписи „Пустыакъ“ на запросѣ одесскаго губернатора, можно ли произвести въ городѣ повальный обыскъ, такъ какъ это сообщеніе опровергается официально, и мы обязаны считать его ложнымъ; но вотъ другой фактъ:

По случаю убійства на югѣ одного инженера, родственника Дурново, послѣдній, по сообщенію газ. „Страна“, предписываетъ мѣстной полиціи: „Весь городъ переверните, а преступника найдите!“

Но онъ не лишень игривости. На просьбу г. Фигнера о переводѣ его сестры В. Н. Фигнеръ въ Финляндію министръ отвѣтилъ: „Теперь еще холодно и ей пріѣхать сюда нельзя, а когда будетъ тепло, то меня навѣрно уже не будетъ“. Онъ игривъ, этотъ государственный мужъ, въ формулярѣ котораго значатся перекатываніе частныхъ писемъ иностраннаго посла, съ амурными цѣллями, знаменитый приказъ Александра III, операціи съ овсомъ, разъясненныя Стаховичемъ, и современная кровавая баня...

Всѣ типическія свойства русскаго бюрократія выступаютъ въ этомъ рядѣ приказовъ и изрѣченій, доказывающихъ притомъ (какъ и рядъ циркуляровъ министра путей сообщенія и юстиціи), которыхъ мы не приводимъ по недостатку мѣста) несостоятельность легенды о независимыхъ сатрапахъ.

Но что же дальше? чего ждать въ будущемъ? Разумѣется, дальнѣйшаго разрастанія и развитія „кровавой бани“. Вотъ что надо понять, наконецъ,—и не ждать, и не требовать отъ русскаго правительства чего-либо иного. Не можетъ оно дѣйствовать противно своей природѣ, и разъ уже его естественныя свойства

вышли наружу, имъ не спрятаться обратно. Даже кадеты какъ будто понимаютъ это: „Начинаешь думать, говорить (г. Струве *),—что предначертанъ какой-то кругъ безумствъ и преступленій, черезъ который это правительство должно провести страну“. Жаль, что г. Струве только „начинаетъ“ это думать, и врядъ ли тутъ подходитъ выраженіе „кругъ“: здѣсь движеніе въ одномъ, опредѣленномъ направленіи...

„До сихъ поръ никогда не умѣли достаточно терроризировать населеніе, сказалъ, по газетнымъ сообщеніямъ, министръ Дурново,—надо нагнать на страну и на революціонеровъ такой ужасъ, который жилъ бы еще въ памяти внуковъ“. Въ этихъ словахъ сжато и мѣтко охарактеризовано то, что можетъ дать наше правительство. И дѣло тутъ не въ г. Дурново, конечно. Наши газеты до сихъ поръ придаютъ слишкомъ большое значеніе личностямъ. Были Треповъ - Булыгинъ, явились Витте - Дурново, завтра будутъ Горемыкинъ-Игнатьевъ, тамъ Кокоревъ-Стишинскій... не все ли одно? Это однородная организація, въ которой мѣстная администрація податъ центральной, сенатъ податъ министерствамъ, полиція, юстиція—все одно къ одному. Улучшаться она не можетъ, она только ухудшается съ неутомимой послѣдовательностью естественно-историческаго процесса, подбирающаго „подобное къ подобному“ и выбрасывающаго неподходящее. Теперь она еще хуже, чѣмъ была полгода тому назадъ; черезъ полгода сдѣлается еще хуже, чѣмъ теперь... Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднее время изъ состава нашей администраціи уволенъ цѣлый рядъ лицъ единственно за уваженіе къ законности и за челоуѣчность: губ. Старосельскій, приставъ Пестичъ, высланный въ Вологду (составилъ протоколъ на корнета Фролова, избившаго извозчика; отказался исполнить незаконное требованіе о выселеніи изъ казенныхъ квартиръ забастовавшихъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ); козловскій полицеймейстеръ Липко, не допустившій въ Козловѣ черносотеннаго погрома; земскій начальникъ Кондратьевъ, разъясавшій населенію манифестъ 17 октября; земскій нач. графъ Ламсдорфъ-Галаганъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ со стороны населенія; земскій нач. Некрасовъ за то же преступленіе; крестьянскій нач. Павловъ; начальникъ Чембарской тюрьмы, Бабинъ, гуманно относившійся къ заключеннымъ; нѣсколько членовъ судебного вѣдомства (прок. Витунскій, прок. Вороновъ, судья Павловскій, судеб. слѣдователь Сереженко и др.), пытавшихся настаивать на соблюденіи закона; немало офицеровъ... О множествѣ уволенныхъ почтовыхъ, телеграфныхъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ и учителей низшихъ и среднихъ школъ не говорить.

Если въ моментъ октябрьскаго испуга были устранены нѣсколько администраторовъ иного

*) Полярная звѣзда, № 13, с. 154

типа, то кѣмъ они замѣнены? Въмѣсто Нейдгардта Карангозовъ, — еще хуже Нейдгардта; вмѣсто Роговича Римскій-Корсаковъ, — еще хуже Роговича; вмѣсто Азанчевскаго баронъ Полькенъ, — не лучше Азанчевскаго, во всякомъ случаѣ...

Равнымъ образомъ, дѣло не въ желаніи или нежеланіи самого правительства. Подъ вліяніемъ испуга оно можетъ пожелать — искренно пожелать! — выработать какой-нибудь приличный строй жизни, установить какой ни на есть порядокъ, законъ и право войти въ соглашеніе съ населеніемъ... Такъ было въ первые дни послѣ манифеста 17 октября, такъ было при назначеніи Святополка-Мирскаго. Но преступныя наклонности правительства сильнѣе его благихъ на-

мѣреній; даже въ эти моменты они прорываются насиліями, произволомъ и угнетеніемъ, а лишь только испугъ проходитъ, насиліе удесят�еряется. Оно не можетъ, если бы и захотѣло, отказаться отъ насилія, произвола и беззаконія, — вотъ что нужно понять разъ навсегда.

Итакъ, ничего не должна ждать страна, кромѣ новыхъ преступленій. Повидимому, нѣчто въ этомъ родѣ подготавливается: зачѣмъ посланы войска въ Финляндію? кто провоцируетъ новую желѣзнодорожную забастовку? и какъ вамъ правится командировка чиновниковъ для изслѣдованія еврейскихъ погромовъ, „если они произойдутъ“, какъ будто это не въ рукахъ администраціи.

М. Этельгардтъ.

ВЕЛИКОЕ ТОРЖИЩЕ.

Вчера я все утро читалъ газеты. Онѣ, по обыкновенію, были заполнены разсужденіями о правительственной политикѣ, о Государственной Думѣ, извѣстіями о ходѣ выборовъ въ Думу, о дѣятельности партій, объ усмиреніяхъ бунтующаго народа. Въ нихъ было помѣщено нѣсколько правительственныхъ сообщений, нѣсколько партійныхъ воззваній, нѣсколько новыхъ законовъ о „свободахъ“, нѣсколько негодующихъ писемъ въ редакцію, нѣсколько случаевъ разстрѣловъ и казней, избирательныхъ побѣдъ „кадетовъ“, колѣнопреклоненныхъ раскаяній передъ начальствомъ усмиренаго населенія, покушеній на начальственныхъ лицъ, арестовъ и ссылокъ избирателей, образованія новыхъ партій, новыхъ очаговъ заговора и возстаній, — и прочее, тому подобное.

Днемъ я видѣлся съ двумя пріятелями, — оииять былъ разговоры о „кадетахъ“, октябристахъ, черносотенцахъ, выборахъ, усмиреніяхъ, бойкотѣ, придворныхъ и бюрократическихъ плавахъ, о знакомыхъ кандидатахъ въ Думу, о казвяху, о народѣ, о революціи. Подъ вечеръ прочиталъ вечерній листокъ, — снова тѣ же самыя впечатлѣнія. Вечеромъ отправился на одно предвыборное собраніе, — тамъ еще разъ: программы, партіи, народъ, Дума и правительство.

Легко спать я въ этотъ день очень поздно и долго не могъ заснуть, — мени все мучилъ какой-то тяжелый кошмаръ: что-то безпрестанно звенѣло жалобно и раздражающе, что-то безконечное, подобно расплавленной лавѣ, медленно ползло струями передъ моими глазами, и я, лежа въ полузабытій, никакъ не могъ схватить ни смысла происходившаго, ни очертанія. Наконецъ, ночью я увидалъ сонъ. Обыкновенно я не помню содержанія своихъ сновъ: на утро остается одно лишь легкое воспоминаніе, что былъ сонъ, и только, а въ чемъ онъ заключался, — чаще всего забывается. Но изрѣдка попадаютъ сны, которые долго потомъ съ яс-

ной отчетливостью стоятъ въ головѣ и волнуютъ своимъ необычнымъ содержаніемъ. Таковой именно сонъ я и видѣлъ на этотъ разъ.

Я увидѣлъ вдругъ и какъ-то сразу все огромное пространство Россіи. Оно представляло собою одну гигантскую площадь, кишашую народомъ. Обстановка напоминала вербный базаръ на Красной площади въ Москвѣ, но все было увеличено въ мплліоны разъ и приводило въ неизяснимый трепетъ своими необычными размѣрами. Отъ многомилліонной толпы надъ всей гигантской площадью несясь протяжный, волнообразный гулъ, подобный дыханію океана. Въ центрѣ площади видѣлись какія-то палатки съ флагами и значками, и оттуда по временамъ раздавались рѣзкіе, шемящіе душу выкрики. Въ одномъ концѣ площади, какъ бы за предѣлами ея, не то на горѣ, скрытой отъ глазъ туманомъ, не то прямо въ воздухѣ рѣяло какое-то зданіе съ колоннами, похожее отчасти на старый барскій домъ, отчасти на петербургскую биржу, что стоить на берегу Невы противъ дворца. Это зданіе было отчетливо видно отовсюду. На немъ огромными буквами красовалась вывѣска: „Домъ Справедливости“. Внизъ отъ этого зданія, къ площади вела узенькая дорожка, окаймленная съ обѣихъ сторонъ густыми шеренгами какихъ-то людей, однообразно одѣтыхъ въ синія одежды. Сейчас же за „Домомъ Справедливости“ тянулось что-то въ родѣ уллицы съ домами, похожими на казармы; по крайней мѣрѣ, всѣ ворота и окна такихъ домовъ были густо усеяны, точно гроздыми, солдатами. Въ концѣ этой улицы можно было разглядѣть еще какой-то домъ, — точно слѣпой, съ маленькими окнами, загороженными рѣшетками; снаружи этого дома нпкого не было видно. Вверхъ по дорожкѣ, ведущей къ „Дому Справедливости“, взбирались по одиночкѣ между синими шеренгами людскія фигурки; однѣ изъ нихъ входили въ „Домъ Справедливости“,

другія, подойдя уже почти къ самому зданію, неожиданно свертывали въ бокъ и въ сопровожденіи синихъ людей попадали въ улицу, находившуюся свадн; тамъ, сквозь дымку дали, можно было все-таки разглядѣть, какъ онѣ двигались по направленію къ слѣпому дому съ рѣшетками, стоявшему въ концѣ.

Я съ легкостью волшебнаго существа переносился въ мгновение съ одного конца гигантской площади на другой. Все было залито народомъ. Больше всего было крестьянъ, — съ исхудавшими лицами, съ подведенными животами и съ блуждающими взорами; затѣмъ были городскіе рабочіе, — взтерошенные, закоштѣлые и озлобленные, множество другого мелкаго люда, мѣстами — инородцы: татары, евреи, поляки, армяне, латыши и пр. Повсюду, выдѣляясь яркими пятнами разноцвѣтныхъ мундировъ, въ одиночку и группами шныряло между народомъ разное начальство: генераль-губернаторы, губернаторы, жандармы, исправники, полицейскіе, стражники и урядники. Во многихъ мѣстахъ отрядами двигались казаки и солдаты; казаки нападали, солдаты стрѣляли, народъ падалъ или разбѣгался, а получавшіяся отъ этого пустыя плѣшины сейчасъ же заволакивались новыми толпами. Всѣ эти милліоны человѣческихъ существъ, вмѣстѣ съ шныряющимъ начальствомъ, съ нападающими казаками и стрѣляющими солдатами, переливаясь волнами, — двигались къ центру, именно туда, гдѣ высались палатки и откуда раздавались крики.

Начиная съ того мѣста, гдѣ подымалась дорожка къ „Дому Справедливости“, влѣво черезъ площадь тянулись цѣлые ряды палатокъ. Въ нихъ, за прилавкомъ, а также вокругъ палатокъ стояли люди; они постоянно что-то выкрикивали и зывали народъ къ себѣ. Къ нимъ иногда подходили люди изъ толпы и давали ярлыки, по которымъ можно было пройти въ „Домъ Справедливости“. Кромѣ того, съ задней стороны палатокъ, гдѣ было свободнѣе отъ народа, часто подѣзжали въ экипажахъ различные господа и тоже давали ярлыки. Они дѣлали это большею частью молча, безъ разговоровъ. У самаго подъема въ „Домъ Справедливости“, расположившись кольцомъ, стояло нѣсколько однородныхъ палатокъ. Посрединѣ круга на высокомъ шестѣ былъ водруженъ большой флагъ изъ грязно-желтой матеріи. Подъ флагомъ былъ прибитъ щитъ казеннаго образца. На щитѣ была надпись: „Внѣ конкурса“. Флагъ этотъ одинаково обвѣвалъ всѣ палатки. Къ одной палаткѣ былъ придѣланъ значокъ въ видѣ собачьей головы, другой — значкомъ служила голая метла, на третьей былъ изображенъ крокодилъ, на четвертой — взтерошенный пѣтухъ съ двумя головами, готовый драться, и другія страшныя вещи.

Вскорѣ на вывѣскахъ, украшавшихъ каждую изъ этихъ однородныхъ палатокъ, я разобралъ знакомыя названія: „Партія активной боріи

съ революціей“, „Монархическая партія“, „Партія русскаго собранія“, „Народно-монархическая партія“, „Царь и порядокъ“, „Союзъ русскаго народа“. Въ открытыхъ палаткахъ, за прилавками находились сановники въ шитыхъ мундирахъ, генералы, жандармскіе офицеры, — вообще чистые господа; много было духовныхъ въ рясахъ: монаховъ и поповъ; а вокругъ палатокъ, какъ бы въ родѣ приказчиковъ-зывавалъ, густою толпою стояли люди въ одеждѣ рабочихъ или въ продранныхъ крестьянскихъ сермягахъ. Но — странное дѣло! — у большинства этихъ людей были почему-то бритыя лица, — у однихъ — съ усами, у другихъ — даже вовсе безъ усовъ. Кромѣ того, часть изъ нихъ была одѣта въ приличные мѣщанскіе костюмы съ однообразными, низенькими барашковыми шапочками, на подобіе тѣхъ людей съ рысьими глазами, что цѣлыми вереницами появляются вдругъ на Невскомъ проспектѣ въ Петербургѣ при проѣздѣ по улицѣ высокопоставленныхъ особъ. Во внутреннемъ кругу между палатками толпилось много какъ бы настоящихъ рабочихъ и крестьянъ. Я присмотрѣлся и съ удивленіемъ замѣтилъ, что всѣ они были слѣпы. Должно быть, они были очень голодны, потому что между ними беспрестанно сновали бритые мужики и рабочіе, а также господа въ мундирахъ и совали имъ въ ротъ куски пищи.

Всѣ эти люди, находившіеся въ палаткахъ и вокругъ нихъ, кричали на разные голоса:

— Сюда, сюда, православный народъ!.. Вотъ истинно-народная партія!

— Подходи, народъ честной, кто за царя-батюшку, за начальство правильное, за порядокъ и спокойствіе!

— Братцы, крестьяне и рабочіе! вопилъ надсаживаясь одинъ старичокъ въ мундирѣ изъ-за прилавка, — погубить хотятъ насъ враги царя-батюшки, землю российскую хотятъ раздѣлить, себѣ весь православный народъ подчинить. Новые губительные порядки задумали: ограничить насъ съ царемъ-батюшкой собираются. Не надо намъ проклятыхъ конституцій и всякихъ „Домовъ Справедливости“. Давайте намъ ваши ярлыки, пойдемъ мы туда съ нашими молодцами и разнесемъ это смрадное зданіе. Будемъ жить по старинѣ, слушайте насъ, вашихъ добрыхъ начальниковъ: не мѣняйте вашего прежняго благоденствія на несчастную новизну. И пусть будетъ, какъ встарь: мужикъ за барина, баринъ за мужика, начальство за народъ и народъ за начальство. Уничтожайте нашихъ враговъ всячески!.. Бейте ихъ, голубчики, не щадите!..

— Бей жидовъ и поляковъ, студентовъ и прочихъ интеллигентовъ! дружно подхватила близъ стоящая толпа бритыхъ мужиковъ и рабочихъ, и они жадно искали глазами, на кого бы наброситься.

— Сюда, сюда, православный народъ! Вотъ истинно-народная партія!.. Кто за порядокъ и

спокойствіе, — подходи! неслоь съ разныхъ сторонъ.

Отъ одной палатки отдѣлился высокій дѣтина въ крестьянской одеждѣ и съ усами и началъ было:

— Такъ что я самъ хрестьянинъ, то есть мужицкаго роду и дѣла наши понимаю. Все вкругъ господа телгенты и прочіе другіе мужики. Никакой земли намъ не надо. И подъ начальствомъ мужику хорошо. А кто ежели...

Но тутъ высокій дѣтина съ усами замѣтилъ мимо проходившаго жандармскаго полковника, (вообще по всему ряду палатокъ полиція и жандармовъ было видимо-невидимо), неожиданно поднялъ руку къ шапкѣ, какъ бы дѣлая подъ козырекъ, и гаркнулъ:

— Здравія желаемъ, ваше вскородіе!

— ... а кто ежели противъ порядковъ и этого самаго спокойствія, dokonчилъ затѣмъ онъ, — то—въ морду!

— Вотъ истинно-народная партія! Кто за порядокъ и спокойствіе, — подходи! снова неслоь по всему кругу палатокъ.

— Братія моя, возлюбленные! кричалъ одинъ монахъ, размахивая полами и руками. — Господь нашъ, Исусъ Христосъ училъ: да повинуется народъ всякому начальству. А все прочее, — отъ антихриста. Говорю вамъ: отъ антихриста смута и непорядки! Ишь еще, — свободы какой-то захотѣли, земли имъ подавай, отдыха отъ работы! Смотрите въ царствіе небесное, говорю вамъ, царствія небснаго ожидайте! Помрете, — и все вамъ будетъ: и свобода, и земля, и отдыхъ. А посему — бейте смутьяновъ, православные. Слушайтеъ насъ, вашихъ духовныхъ пастырей, и начальство. Всѣ ослушники — слуги антихриста... Чего смотрите, православные, обратился монахъ къ окружавшимъ его бритымъ мужикамъ и рабочимъ, — бейте ихъ, ослушниковъ и смутьяновъ!.. Пойдите за насъ, вашихъ пастырей, за начальство свое пойдите, за древніе порядки православные!..

Народъ, все болѣе и болѣе напиравшій изъ глубины площади, стоялъ въ недоумѣніи.

Высочилъ еще какой-то бритый челоуѣкъ въ одеждѣ рабочаго.

— Товарищи, рабочіе! закричалъ онъ, — не вѣрьте спциалистамъ, что безъ господъ можно жить. Безъ господъ нашему брату, рабочему челоуѣку — помирать. А кто противъ господъ идетъ, тому есть хорошее заведеніе: кутузка. Послушайте, что я вамъ скажу...

И говорившій, въ азартѣ, вскочилъ на прилавокъ, чтобы удобнѣе было его слушать, но при этомъ движеніи у него распахнулась пола и показалась синяя штанина, засунутая въ высокій сапогъ.

— Батюшки, смотрите: переодѣтый жандармъ! крикнулъ кто-то въ толпѣ.

— Жандармы переодѣтые, полицейскіе! Всѣ бритые — переодѣтые! подхватили тотчасъ же сотни голосовъ.

Народъ заволновался, загудѣлъ, стремясь поскорѣе отхлынуть отъ этого мѣста, но задніе толпы напирали и не давали двинуться.

Одинъ генералъ изъ стоявшихъ за прилавкомъ, все время до этого занимавшійся какимъ-то фокусомъ, а именно: одной рукой онъ ловилъ летѣвшіе къ нему откуда-то сверху червонцы, а другой — раздавалъ народу съ ласковой улыбкой на лицѣ книжки съ душепасаительнымъ названіемъ, замѣтивъ это волненіе, отдалъ вполголоса приказъ, не мѣняя ласковаго выраженія лица:

— Прочтите-ка хорошенько эту сволочь!

И вдругъ у всѣхъ бритыхъ, стоявшихъ вкругъ прилавковъ, мгновенно появились въ рукахъ ружья, револьверы и шапки; они съ остервенѣніемъ бросились на народъ, и началась стрѣльба и рѣзня. Народъ падалъ; стонъ, проклятыя и крики разносились по окрестности.

Я поспѣшилъ поскорѣе уйти отъ этого мѣста.

Черезъ нѣкоторое время я вновь услышалъ возгласы, долетавшіе до меня отсюда:

— Сюда, сюда, православный народъ! Вотъ истинно-народная партія! Кто за порядокъ и спокойствіе, — подходи!..

Слѣдующая палатка, которую я замѣтилъ, стояла въ одиночествѣ, на заднемъ планѣ рядовъ. Она была небольшихъ размѣровъ и видомъ нѣсколько походила на конуру. По бокамъ она была украшена довольно обшипанными чучелами какихъ-то хищныхъ птицъ: не то ястребовъ, не то орловъ. Вывѣска на палаткѣ гласила: „Союзъ землевладѣльцевъ“. Тамъ стояла кучка выхоленыхъ господъ, и у всѣхъ у нихъ были страшно злыя лица. Господа эти никого не зазывали, не выкрикивали никакихъ обшпаній, — они только ругались, съ красными, напруженными отъ злобы физиономіями. Оттуда только и раздавалось:

— Разстрѣлять васъ всѣхъ, мерзавцевъ, надо!.. Земля наша!..

— Подо судъ правительство за бездѣлительность! Казаковъ сюда, войско! Стрѣляйте въ нихъ, негодяевъ!.. Земля наша!..

— Слушай, ты, подлая чернь: земля наша!

Изрѣдка къ нимъ подѣзжали въ экипажахъ господа и давали имъ ярлыки для входа въ „Домъ Справедливости“. Кроме того, имъ удавалось иногда, при помощи неожиданнаго нападенія, вырывать ярлыки у прохожихъ изъ народа, неосторожно приближавшихся къ ихъ палаткѣ. А затѣмъ снова и снова они изрыгали злобныя ругательства.

Я отправился дальше и остановился у обширной палатки, построенной въ стилѣ японскаго чайнаго заведенія. По узорчатому карнизу наткано было множество разноцвѣтныхъ небольшихъ флажковъ; на нѣкоторыхъ я разобралъ надписи: „Двадцатое число“, „Концессія“, „Казенные заказы“, „Казенные подряды“. Большая

вывѣска на переднемъ фасадѣ гласила: „Партія правового порядка“. Сбоку была прибита дощечка: „Торговля разрѣшается“. Вообще, эти казенныя разрѣшительныя дощечки я видѣлъ потомъ на большинствѣ палатокъ.

Здѣсь стояла пестрая публика. Больше всего было людей въ кокардахъ и вицъ-мундирахъ, съ крестами на шеѣ затѣмъ, немало солидныхъ господъ, въ родѣ тѣхъ, что въ часы завтрака, въ Петербургѣ, подъѣзжаютъ на рысакѣхъ къ первокласснымъ ресторанамъ „Кюба“, „Медвѣдь“ и другимъ, а позднею ночью отдыхаютъ въ увеселительныхъ загородныхъ садахъ, гдѣ поютъ цыганки и танцуютъ полуголыя женщины. Затѣмъ видѣлось нѣсколько банкировъ, съ тройными золотыми цѣпочками на животахъ, нѣсколько хозяйственныхъ помѣщиковъ изъ глухихъ губерній, — толстыхъ, съ масляными лицами и заплаканными глазами. Всѣмъ верховодили люди въ кокардахъ. Они были очень ласковы въ обращеніи съ толпой.

— Заходите, заходите, любезные! покрикивали они.—Здѣсь истинно-народная партія!.. За весь народъ хлопчемъ мы, чтобы на Руси порядокъ пошелъ, чтобы права каждому подходящія были предоставлены... Заходите, заходите, здѣсь истинно-народная партія!..

Многіе изъ толпы подошли, и ободренные ласковымъ тономъ зазывальщиковъ, задавали вопросы.

— А какъ же насчетъ свободъ? робко спросила одна чуйка.

— Всякому, голубчики, своя свобода предоставлена будетъ: и мужичку—своя, и рабочему—своя, и васѣ, мѣщанъ, тоже не забудемъ. Вы только давайте намъ свои ярлыки, а тамъ будемъ въ „Домѣ Справедливости“, всякому по особой свободѣ надумаемъ. И порядки правильные для каждаго заведемъ. И начальство строгое поставимъ, чтобы порядки блюсти. Главное, чтобы норядки были, и смута эта проклятая прекратилась, а тамъ все разберемъ.

— И насчетъ землицы тоже позаботитесь? вставлялъ одинъ мужикъ.

— Насчетъ землицы?.. Какъ же, какъ же!.. Да вы что, родненькіе, безпозаботитесь, да давайте ваши ярлыки, а мы въ „Домѣ Справедливости“ все разберемъ. Вонъ у насъ даже свой крестьянскій союзъ имѣется и рабочая своя партія есть.

Я посмотрѣлъ вглубь палатки, куда указывалъ пальцемъ говорившій человѣкъ въ кокардѣ, и замѣтилъ въ углу, въ полумѣрѣ группу людей. Въ одномъ изъ нихъ я призналъ нашего старшаго дворника, другой какъ будто бы походилъ на главнаго швейцара изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ мнѣ недавно пришлось быть. Люди эти конфузливо ухмылялись, замѣтивъ, что на нихъ обращено всеобщее вниманіе.

— Ахъ, пропасти на нихъ нѣтъ!.. И наши идолы сюда попали! вскричалъ одинъ рабочий

изъ толпы, указывая на другой задній уголъ палатки, гдѣ ежилась небольшая кучка пожилыхъ, солидныхъ людей, похожихъ видомъ на помощниковъ мастеровъ съ заводовъ или заводскихъ сторожей, что обыскиваютъ рабочихъ при выходѣ.

Въ это время одинъ изъ важныхъ вицмундирниковъ со звѣздой замѣтилъ, что мимо палатки, какъ бы обѣгая ее, поспѣшно продвигалась въ толпѣ стайка мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ.

— Эй, вы! строго закричалъ имъ человѣкъ со звѣздой.—Куда же вы?.. Давайте ваши ярлыки!

Стайка канцелярскихъ чиновниковъ робко подошла къ палаткѣ; они всѣ разомъ, точно по командѣ, вынули свои ярлыки, сунули ихъ въ руки стоявшихъ за прилавкомъ и тотчасъ же разсѣялись по одиночкѣ въ толпѣ.

— Заходите, заходите, любезные... Здѣсь истинно-народная партія! покрикивали дружно нѣсколько голосовъ изъ палатки.

Въ глубинѣ толпы, напротивъ палатки „Правового порядка“ что-то зашевелилось: поднялся надъ толпой человѣкъ и началъ говорить. Туда потекъ массами весь народъ.

— Беспатентная торговля! Торговля беспатентная совершается! разомъ и озлобленно заголосили всѣ изъ палатки. Полиція милая, жандармы любезные, глядите: торговля беспатентная началась. Гоните ихъ, голубчики, арестуйте ихъ, враговъ народныхъ, подъ разстрѣлъ ихъ, изверговъ!..

Туча полиціи и жандармовъ бросилась туда, и скоро тамъ все успокоилось.

— Нѣтъ, родименькіе, безъ строгаго порядка намъ не прожить... снова понеслось изъ палатки.—Только на порядкѣ и крѣпкой власти и стоитъ государство. Порядокъ и собственность прежде всего...

Тутъ случилось нѣчто невообразимое. Сотрясая воздухъ, разнесся по всѣмъ палаткамъ отчаянный крикъ; точно порывомъ урагана меня отбросило куда-то въ сторону, и я очутился въ густой толпѣ, на значительномъ разстояніи отъ палатокъ. Во всѣхъ палаткахъ, направо и налево, куда только хваталъ глазъ, по всему ихъ безконечному ряду, всѣ люди сидѣли на корточкахъ и, что есть мочи, съ искаженными отъ натуги лицами, съ налившимися кровью глазами въ изступленіи кричали:

„Порядокъ, порядокъ, порядокъ, порядокъ!.. Собственность священна, неприкосновенна!.. Собственность, собственность, собственность, собственность!.. Законность, законность, законность, законность!..“

И затѣмъ снова:

„Порядокъ, порядокъ, порядокъ, порядокъ!.. Собственность, собственность, собственность, собственность!..“

Крики эти, точно заклинанія, пронизывали голову, запоззали въ самые отдаленные уголки

души, приводили въ трепеть и охватывали ужасомъ. Я понялъ, что это были тѣ самые крики, которые я время отъ времени слышалъ ранѣе, еще не приближаясь къ палаткамъ. Такъ, по описанію, иногда вдругъ начинаютъ кричать при видѣ опасности стаи дикихъ птицъ, водящихся по пустыннымъ берегамъ сѣверныхъ морей. Отъ земли поднялся туманъ отъ множества выдыханій и на время покрылъ собою всѣ палатки.

Вся необъятная масса народа, находившаяся на площади, безмолвствовала и стояла въ оцѣпеніи, какъ замороженная.

Эти ужасные крики, все повторяющіеся, все болѣе и болѣе раздрающіе душу, продолжались нѣсколько минутъ. Затѣмъ все стихло; туманъ понемногу поднялся къ небу; въ палаткахъ люди уже болѣе не сидѣли на короточкахъ, какъ во время припадка, а стояли. Одни изъ нихъ плакали, другіе молились, третьи съ угрозою потрясали въ воздухъ кулаками, четвертые истерически хохотали.. Затѣмъ наступила глубокая, мертвая тишина. Люди въ палаткахъ, видимо успокаивались и оправлялись; на ихъ лицахъ бродила грустная и тихая задумчивость.

Затѣмъ прошло еще нѣсколько мгновений.. И по всему ряду палатокъ, справа и слѣва, снова затрещало обильной дробью:

— Сюда, сюда пожалуйста!.. Здѣсь истинно-народная партія.. Кто за порядокъ и спокойствіе,—подходи!..

Продвигаясь среди толпы народа, я отправился дальше. Издали мелькали все новыя палатки, одиѣ маленькія, другія—побольше. Всюду въ нихъ видѣлись господскія лица разныхъ ранговъ или купеческія. И отовсюду кричали на разные голоса: „Мы за народъ, за весь народъ!..“ „Здѣсь, здѣсь истинно народная партія!..“ „Кто за порядокъ, кто за благоденствіе, подходи!“

Въ самой толпѣ народной тоже была суета. Здѣсь, какъ на вербномъ базарѣ въ Москвѣ, по всѣмъ направленіямъ сновало множество разбитныхъ парней, которые, среди веселаго хохота толпы, продавали разныя диковинки.

— Заморскую жительницу, заморскую жительницу! или — „Гдѣ найти нашу конституцію“, — купите!

Продавецъ показывалъ стеклянную трубочку, наполненную мутной жидкостью, и тамъ, внутри трубки, на поверхности показывались на мгновение то ручка, то ножка, то головка какой-то женской фигурки, но затѣмъ тотчасъ же снова скрывались въ мутной водѣ.

— Споръ русскаго народа съ правительствомъ! Споръ русскаго народа съ правительствомъ! выкрикивалъ другой.

У него въ рукахъ было нѣчто въ родѣ маленькаго театра маріонетокъ, въ просторѣчій называемаго „петрушкой“. Стояли двѣ дере-

вянные фигурки другъ противъ друга и поочередно били другъ друга дубинками по головѣ; то одна фигурка перегнется внизъ, повѣсивъ голову, а потомъ встанетъ,—то другая; и такъ по нѣскольку разъ.

— Послѣдній вздохъ русскаго либерала и земскаго дѣятеля! Послѣдній вздохъ земскаго дѣятеля! выкрикивалъ третій. — Дешево продаю, —сейчасъ выйдеть.

Продавецъ надувалъ гуттаперчевый пузырь черезъ придѣланную къ нему деревянную трубочку; когда пузырь надувался, раздавался пронзительный свистъ; трубочка трепыхалась въ разныя стороны, но по мѣрѣ того какъ духъ изъ пузыря выходилъ, свистъ становился все слабѣе и слабѣе. Наконецъ, пузырь снова сжимался въ маленькій комочекъ, и свистокъ окончательно замолкалъ.

— Любимый цвѣтокъ графа Витте! Любимый цвѣтокъ графа Витте! кричалъ четвертый. У него въ рукахъ была матерчатая камелия.

Полиція и жандармерія гонялась за тайными продавцами и излавливала ихъ.

Я снова сталъ приближаться къ палаткамъ, подаваясь все влѣво и влѣво. Опять замелькали вывѣски, флаги и значки; разнообразныя крики назойливо сверлили уши.

Изъ одной маленькой, но шикарной, всей убранной золотомъ палатки пѣвуче возгласила:

— Гармонія труда съ капиталомъ, гармонія труда съ капиталомъ!.. Здѣсь, здѣсь истинно-народная партія!.. Мы за гармонію и порядокъ!.. Подходите, братья, рабочіе!..

— И наши дьяволы тоже въ гармонію заиграли! злобно процѣдилъ стоявшій недалеко отъ меня рабочій.

— Кто это? спросили его нѣсколько человекъ.

— Кто?!.. Да наши фабриканты и заводчики. Осенью они устроили между собою союзъ, а затѣмъ, по общему согласію, взяли и закрыли свои заводы, чтобы, значить, голодомъ насъ маленько поморить,—чтобы, значить, мы по послушнѣе были... Поиграйте, поиграйте въ гармонію, разбойники!.. еще мрачнѣе добавилъ онъ. — ~~С~~ро вы у насъ не такъ запоете...

Одинъ изъ слушателей сердито сплюнулъ.

Вообще, по мѣрѣ передвиженія влѣво къ концу палатокъ, я замѣтилъ, что въ народѣ нарастало какое-то безпокойство. „Гдѣ же наши, гдѣ же наши?.. все чаще и чаще въ разныхъ мѣстахъ слышалось среди толпы, и многіе растерянно искали чего-то глазами.

Въ слѣдующей, очень длинной палаткѣ, изображающей собою лабазъ, помѣщалась „Торгово-промышленная партія“. Здѣсь стояло купечество.

— Подходите, подходите, милячки, подавайте, подавайте ярлычки!.. дружелюбно покрикивали купцы. — Это мы — истинно-народная партія. У насъ — „содружество“: купцы и приказчики вмѣстѣ идемъ, всѣ, и хозяева, и работнички, — вмѣстѣ дѣйствуемъ.

Въ эту минуту у говорившаго купца изъ длиннаго, отвислаго кармана неожиданно выскочила взъерошенная голова приказчика и завопила благимъ матомъ:

— Братцы, товарищи,—мочи нашей больше нѣтъ! Совсѣмъ задохлись мы отъ этого „содружества!“ Таскаютъ насъ за собой хозяева силою, въ союзниковъ своихъ оборотить хотятъ. Если бы воля,—убѣжали бы мы на край свѣта отъ этихъ тирановъ... Помогите! вопилъ онъ,—помо...

Тутъ купецъ, не глядя даже на карманъ, опустилъ внизъ руку, и голова приказчика снова скрылась въ карманѣ подъ кулакомъ хозяина.

— Говорю вамъ,—„содружество“ у насъ есть... миляки, спокойно продолжаетъ купецъ.—Свобода, значитъ, нашимъ молодцамъ теперь дадена, чтобы всѣ хлопотали за порядокъ... Сюда, сюда вали, ребята, здѣсь истинно-народная партія!..

Рядомъ съ купцами стояла обширная палатка съ вывѣской: „Сомъ 17-го октября“. Подъ вывѣской длинной, извивающейся лентой красовался девизъ,—по черному полю красными, кровяными буквами было написано: „Шествуй по стопамъ благодѣтельнаго правительства“. Подъ девизомъ висѣлъ циферблатъ со стрѣлкой, и люди, находившіеся въ палаткѣ, постоянно вытягивали шеи вверхъ и слѣдили за стрѣлкой.

Въ самой палаткѣ, на первомъ планѣ стояли какія-то очень почтенныя личности, всѣ украшенныя медалями. На одномъ висѣла большая золотая медаль съ надписью: „20 лѣтъ земской просвѣтительной дѣятельности. Отъ просвѣтленныхъ земледѣльцевъ“. У другого, на серебряной медали я прочиталъ: „Либеральному Емель—другу на дѣлѣ. Отъ благодарныхъ Витте и Дурново“. У третьяго висѣла черная чугунная медаль, и сверху къ ней былъ придѣланъ чернотенный значокъ, съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца. Надпись на этой медали гласила: „Герою и вѣрному товарищу“. Немало было здѣсь и другихъ медаленосцевъ. Въ заднихъ рядахъ была публика посѣбѣе.

Изъ палатки кричали:

— Здѣсь, здѣсь истинно-народная партія!.. Полное обновленіе жизни: обновленное самодержавіе, обновленные Витте и Дурново, обновленное хозяйство! Долой произвольные разстрѣлы!.. Смертная казнь на законномъ основаніи! Новое военное положеніе и законныя полевые суды! Обновленія, полнаго обновленія требуемъ мы,—подходите!

— Крестьяне и земледѣльцы, вторили имъ другіе,—мы ваши старшіе братья; мы тоже землей занимаемся... Вся земля; что не наша, будетъ ваша! Мы также о переселеніи и расселеніи васъ позаботимся.

— Подходите, подходите, братцы!.. Полное обновленіе жизни: обновленное самодержавіе, обновленные Витте и Дурново, обновленное

хозяйство!.. Здѣсь, здѣсь истинно-народная партія!

Потянулся снова рядъ палатокъ. Въ одной изъ низъ, очень маленькой съ вывѣскою: „Партія демократическихъ реформъ“, стояло нѣсколько человекъ, большею частью старичковъ,—лысыхъ или съ длинными сѣдыми локончиками. Передъ каждымъ изъ находившихся въ палаткѣ, вмѣсто прилавка, стояло по небольшой кафедрокѣ. Старички что-то бормотали про себя, и никто ихъ не слышалъ. Впрочемъ, одного изъ стоявшихъ за кафедрой, изъ болѣе молодыхъ,—тучнаго такого и голосистаго, можно было слышать издалека. Но съ нимъ происходила другая бѣда: онъ все что-то начиналъ рассказывать, но прежде чѣмъ успѣвалъ дойти до сути, проходившія передъ палаткой толпы смѣнялись на новыя, и оратору снова нужно было начинать. Надо сказать, что народъ, замѣтивъ, что скоро кончатся палатки, все болѣе и болѣе приходилъ въ возбужденіе. Уже вся масса безпокойно колыхалась; отдѣльныя группы двигались быстрее, и все чаще и чаще слышались раздраженные голоса: „Гдѣ же наши, гдѣ же наши?“

— Когда въ Англіи, въ тринадцатомъ столѣтіи, народъ получилъ, наконецъ, великую хартію вольностей... начиналъ ораторъ изъ палатки.

Но тутъ первые слушатели уже проходили дальше, и ораторъ поневолѣ прерывалъ.

— Молодая американская республика, принявъ къ себѣ достаточное количество европейскихъ колонистовъ, которые сѣли на землю... Но опять передъ нимъ толпа уже подмѣнялась на новую.

— Институтъ частной собственности былъ извѣстенъ человѣчеству еще съ древнихъ временъ... пробовалъ было ораторъ. Но снова повторилось то же самое.

Такъ его никто и не могъ дослушать до конца.

Наконецъ, показалась послѣдняя палатка,—самая большая по размѣрамъ и самая пышная по украшеніямъ. За нею широкою полосой тянулась въ безконечность колючая изгородь, замысловато перепутанная между частыми столбиками, въ промежуткахъ угрожающе зіяли волчьи ямы; за колючей изгородью сверкалъ рядъ штыковъ съ колѣнопреклоненными солдатами съ ружьями на прицѣлѣ, затѣмъ вышались пушки и пулеметы, а затѣмъ снова солдаты, снова—пушки,—тучи солдатъ, нѣшнихъ и конныхъ, вплоть до самаго горизонта. На полосатомъ казенномъ столбѣ передъ колючей изгородью была прибита надпись: „Входъ воспрещается подъ страхомъ смерти“.

Послѣдняя палатка была богато украшена разноцвѣтными флагами, флажками и значками. Гребень крыши былъ покрытъ горн-стаевой мантіей. Яркость всего убранства напоминала не то веселый коверъ въ восточномъ вкусѣ, не то картины извѣстнаго живописца, господина Малавина, который, обыкновенно, изобрѣ-

жасть деревенскихъ бабъ въ сарафанахъ, кружащихся въ вихрѣ пляски. На радужной вывѣсѣ разноцвѣтными буквами было написано: „Партія народной свободы, кадеты и компанія“. Маленькая дощечка, прибитая сбоку палатки, гласила: „Торговля терима, но съ условіемъ“. Вся палатка кишмя-кишѣла разнообразной публикой. Здѣсь былъ весь цвѣтъ российскихъ гражданъ изъ такъ называемаго „общества“, очень много умныхъ лицъ. Были люди и побогаче, и побѣднѣе, съ радикальской небрежностью въ костюмѣ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ надѣвали иногда на головы на короткое время какія-то красныя шапочки, въ родѣ тѣхъ, что носили французскіе граждане во время великой французской революціи. Была здѣсь очень замѣтная группа людей, видомъ и породствомъ похожихъ на помѣщиковъ. У нихъ почему-то, вопреки общей жизнерадостности, фizioноміи были грустныя-грустныя и чрезвычайно озабоченныя. Изрѣдка мелькала здѣсь также фигура богатенькаго крестьянина, франтоватаго поляка, татарина въ богато расшитой золотомъ ермолкѣ и проч. Всѣ люди въ палаткѣ имѣли у себя въ петлицѣ по цвѣтку гвоздики желтовато-розоваго цвѣта, на подобіе казанлыкскихъ розъ. Кромѣ палатки, очень много людей съ гвоздичкою въ петлицѣ разсѣялось среди окружающаго народа, забираясь иногда въ самую глубину толпы. Они усердно отбирали у народа ярлыки для входа въ „Домъ Справедливости“.

Изъ палатки наперерывъ кричали:

— Здѣсь именно, здѣсь настоящая народная партія! Особую монополию на народность имѣемъ! По всѣмъ передовымъ программамъ, даже самымъ крайнимъ, будемъ требовать.

— Всеобщее избирательное право для обоихъ половъ! Если нѣтъ сейчасъ между нами женщинъ, то полиція запрещаетъ. Сейчасъ некогда о нихъ думать, но въ будущемъ — непременно!..

— Преддверіе социализма для рабочихъ, преддверіе социализма для рабочихъ!..

— Близкая націонализація земли для крестьянъ по справедливой оцѣнкѣ!

Группа людей, похожихъ видомъ на помѣщиковъ, вполголоса причитала про себя:

— О-охъ, безъ уступки, видно, не обойдешься, о-охъ, безъ уступки не обойдешься!..

— Мы и учредительное собраніе будемъ требовать! звонко раздался одинъ голосъ изъ палатки.

Народъ густою толпою ближе придвинулся, было, къ палаткѣ, но въ это время съ другой стороны къ палаткѣ началъ подходить отрядъ городовыхъ.

— Мы и учредительное собраніе будемъ требовать, уже гораздо тише и съ побѣдавшей вдругъ фizioноміей снова повторилъ кричавшій, — законное учредительное собраніе, съ разрѣшенія начальства.

Толпа народа и городовые удалились отъ палатки.

Подобныя же восклицанія дѣлали и люди съ гвоздичкою, находившіеся въ толпѣ. Вся масса теперь гнѣвно бурлила. Сновавшихъ здѣсь гвоздичниковъ часто встрѣчали злыми окриками: „Чего путаешься тутъ промежъ ногъ, постылый!“ Необразимый людской потокъ, колыхаясь, медленно, но грозно двигался къ тому завѣтному мѣсту, гдѣ стоялъ столбъ съ запретной надписью и видѣлись полчища войскъ.

А между тѣмъ, изъ послѣдней палатки на разные голоса кричали попрежнему:

— Здѣсь именно, здѣсь настоящая народная партія!.. Преддверіе социализма для рабочихъ! Близкая націонализація для крестьянъ по справедливой оцѣнкѣ!

— Мы и революціи не боимся! выкрикнулъ кто-то изъ палатки.—Но только и для революціи порядокъ нуженъ, безъ порядка нельзя!..

Тутъ опять начались эти ужасные крики, подхваченные всей линіей палатокъ:

„Порядокъ, порядокъ, порядокъ, порядокъ!.. Собственность священна! Неприкосновенна! Собственность, собственность, собственность, собственность!.. Законность, законность, законность, законность!.. Порядокъ, порядокъ!“

Большая часть людей въ послѣдней палаткѣ, послѣ небольшихъ колебаній, тоже присѣла на корточки и изступленно кричала. Нѣкоторые остались стоять и дѣлали какіе-то жесты рукой передъ грудью, точно они небрежно крестились, какъ дѣлаютъ это генералы. Немногіе стояли просто, потупивъ внизъ глаза.

Но не успѣли еще прекратиться изступленные крики и разсѣяться туманъ, какъ вдругъ, по всей огромной площади, точно изъ одной исполинской груди, покрывая собою всѣ крики палатокъ, раздался возгласъ: „Гдѣ же наши?..“ Вся площадь точно сорвалась съ мѣста, и безконечное море головъ неудержимо бросилось къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ запретный столбъ. Съ трескомъ валились палатки подъ напоромъ бѣснаго людского потока, и крики: „Гдѣ же наши?... наши... наши... все усиливаясь, перекатываясь съ мѣста на мѣсто, сливались въ общій, всепоглощающій ревъ. Тамъ, у столба, уже бились живыя, громадыя волны, напирая одна на другую, — одна другой выше, одна другой страшнѣй. Уже были снесены первыя преграды. Послышалась ружейная трескотня, грянули пушки, оглушительный хаосъ звуковъ наполнилъ атмосферу. Надъ площадью поднялось красное зарево.

„Наши, наши, на-аши, а-а-а!“... ревла вся площадь.

— А-а-а!..“ невольно вторя за площадью, въ невыразимо сложномъ чувствѣ не то ужаса, не то увлеченія протяжно закричалъ я... и проснулся.

Я заглянулъ въ окно. Вставалъ день. По улицѣ проѣзжала вереница ломовиковъ, грома-кая колесами по только что открывшейся отъ свѣга мостовой. Они увозили собранный мусоръ. Слышался веселый говоръ вышедшихъ на

улицу людей. У сосѣдей гулко раздавалось, какъ отдаленный выстрѣлъ изъ орудія, хлопанье воротами. Выходили все новыя лица. Улица оживлялась.

Вл. Муриновъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

В. А. Мякотинъ. *Надо ли идти въ Государственную Думу?* Изд. „Русскаго Богатства“ Ц. 10 к. Спб. 1906. 40 стр.

П. Орловскій. *Государственная Дума и рабочій классъ.* Книгоизд. „Утро“ Спб. 1906. Ц. 10 к. 47 стр.

С. Закъ. *Государственная Дума, ея устройство, компетенція и составъ.* Книгоизд. „Общественно - Научной Библиотеки“ Одесса. 1906. Ц. 10 к. 24 стр.

Мы нарочно сопоставили эти три, пока едва ли не единственныя брошюры по вопросу о выборахъ въ Государственную Думу, чтобы читатель имѣлъ возможность видѣть, какъ двѣ крайнія партіи у насъ въ Россіи относятся къ данному вопросу. Г. Мякотинъ наиболее рѣзко, популярно и пространно высказывается за „бойкотъ“ Государственной Думы. Начертавши общую картину особенностей самодержавнаго режима и событий прошлаго года въ связи съ уступками правительству въ видѣ царскихъ манифестовъ 6 авг. и 17 окт. и дополнителнаго закона 11 декабря,—онъ выясняетъ сначала, почему только Учредительное Собрание можетъ установить у насъ справедливый строй. Затѣмъ онъ излагаетъ систему самыхъ выборовъ въ Государственную Думу. Пользуясь небольшимъ статистическимъ матеріаломъ, онъ доказываетъ, что даже при единодушій выборщиковъ отъ крестьянъ и казаковъ депутаты отъ землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей будутъ въ Государственной Думѣ въ большинствѣ, рабочіе же не попадутъ совсѣмъ. Кончаешь брошюру призывомъ къ бойкоту Думы и требованію дѣйствительныхъ свободъ.

Рабочій классъ лишенъ возможности имѣть хотя бы одного своего дѣйствительнаго представителя въ Государственной Думѣ, это извѣстно было давно всѣмъ; но, вѣроятно, никому, кромѣ правительства, не было извѣстно до какой степени это вѣрно, до какой степени хитро сплетена паутина выборовъ. Все это подробно и безпристрастно разбираетъ въ своей брошюрѣ на основаніи огромнаго статистическаго матеріала П. Орловскій. Читатель не встрѣтитъ въ ней ни лишннихъ словъ ни даже никакихъ призывовъ къ чему-нибудь въ родѣ бойкота. Дѣло ясно и безъ этого. Мы укажемъ здѣсь лишь наиболее характерныя данныя. Выборщики отъ рабочихъ даже въ самыхъ промышленныхъ губерніяхъ и городахъ составляютъ всего 10—12%, т. е. меньшинство; въ 20 крупныхъ городахъ они отдѣлены на выборахъ отъ крестьянъ и не могутъ съ ними соединиться; рабочіе вмѣстѣ съ крестьянами могли бы побѣдить въ 12 губерніяхъ, но врядъ ли крестьяне выберутъ рабочихъ, такъ какъ первые одни составляютъ тамъ абсолютное большинство; соединившись же съ горожанами, рабочіе могли бы побѣдить только въ двухъ губерніяхъ. Кромѣ того, вслѣдствіе выборовъ по отдѣльнымъ заведеніямъ пролетаріатъ раздѣленъ на отдѣльныя группы, причѣмъ сознательные слои его подавляются менѣе сознательными. Если бы выборы были всеобщими и 1 депутатъ приходился, бы на 250.000 жи-

телей, то въ г. Петербургѣ, напр., почти всѣ 6 мѣствъ, а во Владимирской губерніи 2 или 3 изъ шести были бы заняты депутатами отъ рабочихъ. Не надо также забывать, что рабочіе могутъ выбирать и уполномоченныхъ и выборщиковъ только изъ своей среды, и что $\frac{3}{4}$ всѣхъ рабочихъ мужчинъ и женщинъ лишены даже такого избирательнаго права.

Третья брошюра написана не такъ популярно какъ первая, но и не столь „серьезно“, какъ вторая. Въ ней не такъ много цифръ и нѣтъ сложныхъ статистическихъ таблицъ. Ее поэтому прочтешь безъ особаго затрудненія даже малоинтеллигентный читатель. Дума, по мнѣнію автора, будетъ бюрократическимъ совѣщательнымъ собраніемъ вслѣдствіе своихъ ограниченныхъ правъ; въ ней не будетъ ни одного рабочаго, и если не „смилятся“ другія группы населенія, землевладѣльцы задавятъ всѣхъ въ отдѣльности, и своей численностью и своимъ влияніемъ; для послѣднихъ всеобщее, прямое, и равное избирательное право—не насущная потребность, а скорѣе опасность быть поглощенными крестьянами и рабочими. Поэтому ихъ программа ясна: противъ демократическихъ выборовъ... Авторъ стоитъ за бойкотъ Думы и не видитъ даже въ самой избирательной кампаніи никакой пользы.

А. А. Лукашевичъ. *Наши враги.* Сравнительный очеркъ правыхъ партій. Изд. „Товарищъ“. 1906. Ц. 7 к. 31 стр.

Не обладая никакими особыми достоинствами, эта книжка, однако, можетъ быть весьма полезной вслѣдствіе отсутствія у насъ чего нибудь подобнаго среди массы выходящихъ брошюръ. Таблицы и программы различныхъ партій вслѣдствіи ихъ сжатости не могутъ, конечно, идти въ счетъ. Языкъ автора—излишне наученъ, поэтому для широкой массы брошюра будетъ скучна. Въ ней находится перечисленіе не только всѣхъ „правыхъ“ партій, но даже черносотенныхъ органовъ печати и имена какъ редакторовъ ихъ, такъ и вождей монархическихъ партій... Каждой изъ болѣе крупныхъ партій посвящена отдѣльная глава.

1. *Сборникъ программъ политическихъ партій въ Россіи.* Съ предисловіемъ В. В. Водовозова. Изд. „Нашей Жизни“. Ц. 10 к. 69 стр.

2. *Программы политическихъ партій.* Изд. Харитонова. Ц. 10 к. 67 стр.

Каждому безусловно необходимо имѣть программы наиболее значительныхъ партій. Если даже будутъ какіи-нибудь измѣненія въ этихъ программахъ, въ существенномъ онѣ, конечно, останутся тѣ же. Передъ нами два сборника программъ. По внѣшности, да и по внутреннему содержанию, если имѣть въ виду предисловія, первый изъ нихъ много лучше второго. Но во второмъ сборникѣ напечатанъ Высочайшій манифестъ 17 октября и всеподданнѣйшій докладъ Витте. Кромѣ того, въ немъ же есть программа бюро Московскаго съѣзда представителей промышленности и торговли, прогрессивной экономической партіи и радикальной, чего нѣтъ въ первомъ сборникѣ. Программа социаль-демократической партіи, социалистовъ-революционеровъ, консти-

туционалистов - демократов и правового порядка находятся в обоих сборниках.

О крестьянском союзе. Изд. „Крестьянского Дѣла.“ № 1. Ц. 10 к. Спб. 1906. 32 стр.

Нужно отказываться. Изд. „Крестьянского Дѣла.“ № 2. Ц. 3 к. Спб. 1906.

Постановленія съездовъ крестьянскаго союза. 1905 г. 16 стр.

Протоколъ перваго сѣвернаго областного съезда всероссійскаго крестьянскаго союза. (29—30 декабря 1905 г.) Ц. 15 к. Изд. „Крестьянскаго Дѣла.“ Спб. 1906. 63 стр.

Первыя двѣ брошюры это—выполненіе постановленій съездовъ крестьянскаго союза, вторыя — официальные документы съездовъ. Однако, и послѣднія написаны вполнѣ популярнымъ языкомъ и часто не нуждаются ни въ какихъ дополнительныхъ объясненіяхъ. Первая брошюра вначалѣ даетъ общій очеркъ положенія дѣлъ въ Россіи до возникновенія всероссійскаго крестьянскаго союза. Здѣсь говорится и о возникновеніи союзовъ промышленниковъ и землевладѣльцевъ, о борьбѣ правительства съ рабочимъ движеніемъ при помощи такъ наз. „зубатовщины“, о 9 январѣ и священникѣ Гапонѣ, теперь оказавшимся другомъ Витте, о русско-японской войнѣ, о союзѣ союзовъ и т. д. Затѣмъ идетъ исторія возникновенія крестьянскаго союза и его дѣятельности. 31-го іюля 1905 г. на учредительномъ съездѣ союза въ Москвѣ было 100 крестьянъ, а 6-го--10-го ноября былъ тамъ же первый съездъ. Постановленія этихъ двухъ съездовъ находятся въ 3-й книжкѣ. Разбились тамъ вопросы объ организаціи, землѣ, народномъ образованіи, судѣ, самоуправленіи, народномъ ополченіи вмѣстѣ постоянной арміи, и даже о голодѣ и еврейскихъ погромахъ, устраиваемыхъ самимъ правительствомъ. Вмѣсто Государственной Думы, которую признали ловушкой, рѣшено требовать учредительнаго собранія. Во второй брошюрѣ объясняется, почему надо отказываться отъ участія въ выборахъ въ Государственную Думу. Въ декабрѣ начались аресты по всей Россіи, и поэтому пришлось всероссійскому крестьянскому союзу устроить только сѣверный областной съездъ, да и то въ Финляндіи. Подробный отчетъ этого съезда находится въ четвертой изъ перечисленныхъ выше брошюръ. На этомъ съездѣ было рѣшено, въ случаѣ, если выборы состоятся, — немедленно огласить широко въ печати поведеніе администраціи во время выборовъ (высылки, аресты, спаиваніе, подкупы, застраиваніе и т. д.) и сообщать всѣмъ и всюду біографіи и характеристики выборщиковъ въ Государственную Думу, чтобы всѣ знали о фальшивомъ народномъ представительствѣ“.

Г. Ф. Шершеневичъ. *Народные представители.* Казань 1905 г. 2-е изд. Ц. 5 коп. 21 стр.

Книжка эта написана для народа, но она поучительна и для интеллигента, который не знаетъ еще такихъ понятій, какъ „представительное правленіе“, „всеобщее избирательное право“ и т. п. Изъ различныхъ системъ избраній народныхъ представителей авторъ считаетъ лучшей основанную на началѣ всеобщаго избирательнаго права, которую и разбираетъ затѣмъ болѣе подробно. Критикуя сословное представительство, а также представительства основанныя на классовомъ началѣ и имущественномъ цензѣ, г. Шершеневичъ долженъ былъ брать примѣры изъ исторіи Западной Европы или дѣлать предположенія. Теперь онъ могъ бы иллюстрировать свою брошюру примѣрами изъ русской дѣй-

ствительности (напр., землевладѣльцы и горожане — имущественный цензъ, крестьяне — сословіе, рабочіе — классъ).

Н. Е. Кудринъ. *Какъ организовать выборы.* Книгоизд. „Трудъ и Воля“. Москва. 1906 г. Ц. 3 к. 16 стр.

Кратко и въ общедоступномъ изложеніи здѣсь дается понятіе о томъ, что такое избирательные списки, избирательный періодъ, избирательные комитеты, бюро, бюллетени, избирательныя кандидатуры и т. д. Нѣсколько подробнѣе описывается техника составленія избирательныхъ списковъ, комитетовъ, тайнаго голосованія и подсчета голосовъ. Все это дополняется свѣдѣніями о томъ, что дѣлается въ западныхъ государствахъ для облегченія правильнаго производства выборовъ, напр., гражданамъ на время избирательной агитаціи дается большая свобода, собранія устраиваются явочнымъ порядкомъ, разрѣшается касаться частной жизни кандидатовъ на собраніяхъ и въ газетахъ, чтобы предохранить избирателя отъ выборовъ недостойныхъ лицъ, и т. д.

Б. Радинъ. *Какое избирательное право нужно рабочему классу.* Изд. „Молоть“. Спб. 1906. Ц. 3 к. 23 стр.

„Избирательное право для всего населенія!“ — таковъ боевой кличъ всѣхъ социалистическихъ партій Европы. Изъ этого видно, что нигдѣ на континентѣ нѣтъ еще идеальнаго избирательнаго права: то женщины лишены его, то — совершеннолѣтніе 21-го года, то — бѣдняки. Цензы — имущественныя и образовательныя — должны быть уничтожены. Это въ особенности важно для рабочихъ, но не менѣе важно и для крестьянъ: многіе изъ нихъ тѣ же пролетаріи. Авторъ поясняетъ всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право нѣкоторыми данными изъ исторіи Германіи, Австріи и Бельгіи, Франціи и Англии. Въ послѣдней же главѣ онъ говоритъ о гарантіяхъ сохраненія обѣщанныхъ свободъ и о необходимости организоваться въ политическія партіи, какъ обязательныхъ условійхъ для полнаго использованія народомъ избирательнаго права.

А. Бебель. *Соціалъ-демократія (Соціализмъ) и всеобщее избирательное право.* Изд. „Библиотека для всѣхъ“. 1905. Ц. 25 к. 128 стр.

Брошюра носитъ громкое заглавіе, въ особенности на второй внутренней обложкѣ: „Соціализмъ и всеобщее избирательное право“; а между тѣмъ, это попытка обмануть доверчивую публику. Всякій ожидающій найти здѣсь теоретическое и послѣдовательное выясненіе отношенія социаль-демократіи къ всеобщему избирательному праву будетъ очень удивленъ, чтобы не сказать больше. Несомнѣнно, авторъ — Бебель, но несомнѣнно также и то, что онъ не писалъ брошюры на такую тему, а произнесъ рѣчь въ германскомъ рейхстагѣ въ началѣ 90-хъ годовъ въ защиту всеобщаго избирательнаго права. Брошюра будетъ въ многихъ мѣстахъ непонята русскому читателю: она представляетъ собою главнымъ образомъ историческій интересъ, — цифры устарѣли, многія имена мало извѣстны, и масса фактовъ изъ политической жизни Германіи отчасти заслоняетъ собою въ глазахъ неопытнаго въ политикѣ россиянина основную мысль.

Карлъ Кауцкій. *Непосредственное народное законодательство и классовая борьба.* Изд. Горской. Кіевъ. 1906. Ц. 7 к. 24 стр.

Настоящая брошюра есть ни что иное, какъ XIV глава изъ болѣе обширнаго сочиненія Кауцкаго — „Представительное правленіе“. Имя теоретика нѣмецкой социаль-демократіи доста-

точно ручается за цѣнность брошюры. Здѣсь мы укажемъ лишь на нѣкоторыя мысли, важныя для насъ въ особенности въ данный моментъ: Кауцкій сравниваетъ непосредственное народное законодательство (референдумъ въ Швейцаріи, плебисцитъ — во Франціи при Наполеонѣ) съ парламентаризмомъ, основаннымъ на представительствѣ отъ народа. Пoslѣднее, какъ извѣстно, лучше всего осуществляется при помощи всеобщаго избирательнаго права, котораго требуетъ социаль-демократія. Но социаль-демократія это право полезно потому, что даетъ ей возможность свободно развивать и увеличивать свою силу въ политической борьбѣ, а также потому, что парламентаризмъ увеличиваетъ значеніе крупныхъ городовъ, а слѣдовательно, и значеніе пролетаріата, ихъ населяющаго. Въ избирательной борьбѣ крѣпнущія партіи, закаляются и очищаются великіе принципы, а при непосредственномъ опросѣ всего народа по поводу каждаго незначительнаго закона уменьшается сплоченность отдѣльныхъ партій и всѣ интересы народа сосредоточиваются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ на какомъ-нибудь временномъ вопросѣ. Только въ такихъ странахъ, какъ Швеція, гдѣ отсутствуетъ централизованная государственная власть, гдѣ нѣтъ рѣзкой противоположности между городомъ и деревней, — только тамъ ослабленіе парламентаризма, вызываемое системой непосредственнаго народнаго законодательства, приноситъ пользу не правительству, а народу. Всеобщее избирательное право не есть конечная цѣль, и даже не универсальное средство. Но, конечно, для Россіи въ данный моментъ именно оно является однимъ изъ самыхъ могучихъ средствъ въ политической борьбѣ.

Ф. Д. *Правильное производство выборов.* Изд., „Библиотеки для всѣхъ“. Ц. 15 к. Спб. 1905 г.

Уже больше полгода тому назадъ появилась эта книжка въ первомъ изданіи. Въ то время она была единственной, да и теперь она выдѣляется среди другихъ по ясности своего изложенія. Благодаря почти совершенному отсутствію иностранныхъ выраженій она вполне общедоступна. Слова уже получившія широкое распространеніе въ русскомъ языкѣ вездѣ объяснены (напр. амнистія, агитация, активное и пассивное избирательное право, бюллетени и т. п.). На протяженіи всего только 45 страницъ авторъ очень удачно изложилъ почти все, что необходимо знать о выборахъ. Вначалѣ дается указаніе о томъ, что надо требовать на собраніяхъ передъ выборами и каковы должны быть эти собранія. Затѣмъ идетъ т. н. техника выборовъ т. е. описаніе производства самыхъ выборовъ. Во второй половинѣ книжки разбирается всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, а также и вопросъ объ учрежденіи собранія.

Б. Радинъ. *Политическія партіи и формы государственнаго строя.* Ц. 3 к. Книгоизд. „Молоть“. Спб. 1906. 24 стр.

Когда народъ самъ, весь или въ большей своей части, начинаетъ принимать участіе въ управленіи страной, онъ поневолѣ вынужденъ интересоваться политикой. Политическіе вопросы разбираются знающими людьми на собраніяхъ, въ газетахъ и брошюрахъ. Разные люди разное смотрятъ на вопросы государственной жизни, напр., на недостатокъ земли у крестьянъ, на тяжелую работу на фабрикахъ и т. п. Кому выгодно, чтобы все оставалось по старому, тѣ соединяются въ консервативную партію, кому это совсѣмъ плохо — въ рабочую партію, а остальные, которымъ

въ старомъ только кое-что не нравится, — въ либеральную партію. Объ этихъ трехъ главныхъ политическихъ организаціяхъ, т. е. партіяхъ и говорится въ этой брошюрѣ, говорится о томъ, что консерваторы хотя и абсолютной монархіи, гдѣ власть монарха неограниченная, либералы — конституціонной, гдѣ монархъ ограниченъ, и рабочіе и крестьяне — республики, гдѣ нѣтъ монарха. При каждой изъ этихъ формъ государственнаго управленія весь народъ въ различной степени имѣетъ права и въ различной степени можетъ быть счастливымъ. Книжку читать легко: написана она простымъ языкомъ.

Б. Радинъ. *Государственное устройство во Франціи.* Ц. 3 к. Книгоизд. „Молоть“ Спб. 1906. 34 стр.

Здѣсь тотъ же авторъ, что и предыдущей книжки, говоритъ болѣе подробно о томъ, какъ управляется Франція. Начинаетъ разсказы съ того, какъ 100 лѣтъ тому назадъ во Франціи было то же, что у насъ теперь, т. е. революція, какъ тамъ свергли короля и стали управлять самъ народъ, какъ вмѣсто абсолютной монархіи была учреждена демократическая республика. Авторъ далѣе все время сравниваетъ то, что есть теперь во Франціи съ тѣмъ, что существуетъ у насъ въ Россіи. Благодаря этому все становится понятнѣе: и то, почему министры во Франціи и Россіи разные (у насъ, конечно, они совсѣмъ плохи), почему президентъ во Франціи тоже главное лицо въ государствѣ, какъ у насъ царь, но совсѣмъ не имѣетъ неограниченной власти, почему тамъ тоже есть Сенатъ въ родѣ нашего Государственнаго Совѣта, но онъ ничего не дѣлаетъ такого сквернаго и жестокаго, какъ нашъ Государственный Совѣтъ и что, можетъ быть, будетъ дѣлать наша собирающаяся народиться Государственная Дума, которая немножко средни палатѣ депутатовъ во Франціи. Чиновники тамъ тоже не тѣ, что у насъ. Если они плохи и народъ ими не доволенъ, то они или сами уходятъ со службы, или ихъ прогоняютъ. Въ концѣ брошюры перечисляются „свободы“ установленныя 100 лѣтъ тому назадъ во Франціи національнымъ собраніемъ, — политическія и гражданскія свободы, необходимыя всякому человѣку.

В. В. Хижняковъ. *Начатки политическихъ знаний.* (Справочная книжка). Спб. 1906. Ц. 10 к. 56 стр.

Насколько необходима книжка, подобная этой, — понятно всякому. Въ гостяхъ, на собраніяхъ, просто, наконецъ, на улицѣ „россияне“ слышатъ массу политическихъ разговоровъ и, къ сожалѣнію, часто не понимаютъ ихъ; не понимаютъ даже порой того, что сами говорятъ. Г. Хижняковъ написалъ книжку въ видѣ катехизиса, — за каждымъ краткимъ вопросомъ слѣдуетъ болѣе пространное объясненіе. Всѣ наиболее важныя понятія, касающіяся формъ государственнаго строя, выборовъ, условий, необходимыхъ для правильной политической жизни и механизма управленія въ правовыхъ государствахъ, — выяснены достаточно полно. Стоя на демократической точкѣ зрѣнія, авторъ объясняетъ, почему различныя ограниченія при выборахъ не должны существовать. (Напримѣръ, лишеніе женщинъ, неграмотныхъ, совершеннолѣтнихъ избирательныхъ правъ; почему надо добиваться прямого, тайнаго и равнаго избирательнаго права и т. п.). Книжка издана очень хорошо. Въ концѣ находится предметный указатель, а на обложкѣ напечатанъ списокъ наиболее общедоступныхъ книжекъ по политическимъ вопросамъ.

А. Т. Бокурцевъ (А. Нѣдровъ). *Какъ выбирать народныхъ представителей.* Изд. „Донская Рѣчь“. Ц. 1 к. 8 стр.

Изложить на двухъ страницахъ, какъ это дѣлаетъ авторъ, основы всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, конечно, довольно трудно. Неполнота и несораз-

мѣрность частей бросается особенно въ глаза. Такъ, напр., вопросу пропорціональности выборовъ, которая существуетъ лишь въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ, посвящена цѣлая страница изъ 7-ми. Наиболѣе удачнымъ въ этой „листовкѣ“ мы считаемъ выясненіе понятій „программа и партія“.

Редакторъ-Издатель В. С. Миролюбовъ.

Упрощ. рус. азбука і правописаніе Сорокина высыл. автор (СПБ., Новая деревня, Сабіровская, 6) по получ. 14 коп. почт. марками. Прод. кн. магаз. СПБ.

Золотая медаль

ДОМАШНЯЯ ТИПОГРАФІЯ.

Необходимый каждому приборъ для самостоятельнаго печатанія всевозможныхъ текстовъ: визитки, карт., конвертовъ, писемъ, отгосеній и т. п. — Оффис. благодарные отгосенія о домашней типографіи удостовѣрены цензурнымъ комитетомъ за № 839.

Золотая медаль

1905 года.

Цѣна каждому прибору съ принадлежности ми:

въ 100 буквъ 1 р. —	въ 335 буквъ 3 р. —	въ 1160 буквъ 10 р.
„ 150 „ 1 „ 50	„ 540 „ 4 „ 50	„ 1370 „ 12 „
„ 200 „ 2 „ —	„ 780 „ 6 „ —	Торговльмъ скидка.

И. С. ЗИМАНЪ, ВАРШАВА ГРАНИЧНАЯ, № 10.

КЪ ЭКЗАМЕНАМЪ ПОДГОТОВЛЯЮ ЗАОЧНО

на всѣ званія: учителя, учительницы, чинъ 14 кл., вольноопредѣл., аптек. ученика, ученаго управителя, на аттестатъ зрѣлости и пр., также во всѣ учеб. зав. высшія, среднія и низшія. Успѣхъ вѣрный.

Плата по выдержаніи экзамена.

Подготовка легкая (мнемонич. способы), быстрая (въ 4 раза скорѣе обыкн.), успѣшная до 10 тыс. верствъ. Многолѣтняя практика. Условія, программы и отгосенія высыл. за 14 к. (марками). Адр. Москва, Домниковская ул., д. № 34. Учителю В. Макѣеву.

Безплатно высыл. брошюра „Какъ подготовиться къ какому-либо экзамену безъ помощи учителя“. Адр.: Харьковъ, Пас. сажь, А. Б. Бимману.

ИСПРАВЬТЕ СВОЙ ПОЧЕРКЪ.

Заочно въ нѣсколько уроковъ науч. всякаго красиво и бѣгло писать. Образцы исправл. почерковъ, пробная письмо шрифтовъ и пробныя условія высл. лаю на 4 семикоп. марки. Адресъ: Профессору каллиграфіи А. Коссодо. Одесса, Дерibasовская, д. Общинваго.

2.000 рублей.

въ годъ побочнаго дохода можетъ получить каждый, кто изучитъ

ФОТОГРАФІЮ

и увеличиваніе портретовъ. Условія заочнаго обученія высыл. за 7 коп. марку. Успѣхъ быстрый и вѣрный, по оконч. курса аттестатъ. Всѣ новости фотограф. дѣла, устройство фотографій, совѣты. Москва, почт. ящикъ 110, В. Гурь-люву.

Небывалый случай.

Въ виду громаднаго напаса, мы рѣшили продавать музыкальный ящикъ „ПОЛИФОНЪ“ съ туалетнымъ зеркаломъ и съ очень хорошей и приятной для слуха музыкою, играющей громко и долго красивыя и веселыя пѣсни (вальсы, марши, польки, оперы, народн. пѣсни и т. д.) вмѣсто 15 руб. только 3 р. 25 к. 2 шт. 6 руб. Пересылка 40 коп. (II и III посыл. перес. 80 к.). Приобрѣтая выше-сказанный музыкальный ящикъ, доставите себѣ, семейству и гостямъ большое удовольствіе. Заказы выполняются аккуратно, добросовѣстно и немедленно, наложен. платежомъ безъ задатка. Адресовать: складъ музыкальныхъ инструментовъ:

Т-во «Жозефинъ».

Варшава, Гривная площ., 7.
Р. С. При заказѣ 6-ти шт. и при полученіи полной стоимости впередъ прилагается 7-й музыкальный ящикъ безплатно.

Для правильнаго пищеваренія

необходимо принимать

Ара

слабительныя пилюли 48 шт. 95 коп.

СПѢШИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ

пока не поздно и пока еще не разошлись первые номера, на ЧЕТЫРЕ иллюстрированныхъ охотничьихъ журнала, и за всѣ только 2 р. 50 к. въ годъ, а именно: двухнедѣльный журналъ „Охотничій Вѣстникъ“ и ежемѣсячные журналы „Охотничье Оружіе“, „Собановство“ и „Рыболовъ-Любитель“

Кромѣ того бесплатная премія: стѣнная таблица необходимыхъ для охотника свѣдѣній. Адресъ редакціи: Москва, Петровка, д. № 23.

Оспопрививательный институтъ

д-ра Окса (сущ. съ 1890 г.) С.-Петербургъ, Суворовск. пр., 33. Пузыр. телеч. осы по 25 к. и 50 к. Пересылка безпл. при тревов. меньше рубля—15 коп.

БЕЗПЛАТНО

высыл. книжки о стенографіи. Требованія адресов. такъ: Одесса, Центральн. почтамтъ, въ абон. ящикъ № 970.

!! Удешевлено !!

Спеціальны кабинетъ свѣтописи Степанова, Спб., Невскій, 69. Увеличиваетъ портреты съ фотограф. карт. въ 10×12 верш. За 2 р. 75 к. Акварель 4 руб. въ пасп. и рамѣ. Перес. заказч. Высыл. катал. свѣт. карт. безплатно.

Ан. К-р. А. Мошин и о чем вели бесѣды с ним

В. Г. Короленко и Л. Н. Толстой.

Съ комментаріями прессы и рисунком И. Е. Рѣпина.

За 2 марки по 7 коп. высылает Коалов: СПб., Кабинетская, 5. Ясная Поляна и Васильевна. С 14 рис. и 2 портр. д. 50 к.

БЕЗЪ РИСКА.

Непонравившіяся Фонографъ

принимаетъ обратно и возвращаетъ деньги.

Любющая, говорящая и играющая машинка «**ФОНОГРАФЪ**».

Видѣто 12 руб. только 6 руб. Гарантія на 3 года.

Послѣ неожиданной ликвидаціи Русскаго склада Американской компаніи «Фонографъ» нами приобретено 17 ноября и. г. на весьма выгодныхъ условіяхъ 4013 Фонографовъ по договору, заключен. у Варшавскаго нотаріуса г. Р. Бара и внесен. въ книгу реестровъ за № 16555.

Находя продажу фонографовъ оптовикамъ въ кредитъ рисованной въ настоящее время, мы рѣшили распродать ихъ рознично по оптовой баснословно дешевой цѣнѣ. Валики-ноты по 75 коп. за штуку. Выборъ валиковъ: Пѣсни: Солнце всходитъ Горькаго, Мой костеръ, Душечка дѣвица и много другихъ. РОМАНСЫ: Вотъ мчится тройка, Ноченька, Было дѣло подл. Полтавой, Наклеишь плащъ, Во полѣ береза стояла и т. д. Малороссійскія пѣсни: Віють вітры, Ой казала мени мати, Казачекъ, У сосѣда хата была, Ой нмъ ходы, Грыцю, и т. д. Разказы: Въ вагонѣ 3-го класса, Офицеръ и денщикъ, Армянинъ и барышня и т. д. Куплеты комич.: Не подмажешь, не пойдешь, Тара-ра-ра бум-бія, Неудачная женитба и т. д. Марши: Русскій, Казакій, Возращеніе съ войны и т. д., Вальсы: Дунайскія волны, Ожиданіе, Моя парца и т. д., также польки, маурки, духовные хоры и т. д. Громадный выборъ Еврейскихъ пѣснь.

Заказы выполняются только по полученіи задатка.

Адресов.: въ музыкальный отдѣлъ Т-ва «Народная Польза» въ Варшавѣ.

ВЕЛИЧАЙШІЙ ВЪ РОССІИ
универсальный магазинъ

Мюръ и Мерилизъ
МОСКВА.

Вышелъ новый прейсъ-курантъ на весенній и лѣтній сезоны 1906 г. и разысывается всѣмъ желающимъ бесплатно.

Прейсъ-курантъ содержитъ послѣднія заграничныя новости туалета, хозяйствен., конторскія, техническія принадлежи., музыкальн. инструменты, предметы роскоши, игрушки и проч., почему и является необходимой настольно-справочной книгой въ каждомъ домѣ.

РУССКІЙ

ДІАГНОСТИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

Д-ровъ: И. Аизманна и Я. Намировскаго.

Берлинъ, Фридрихштрассе, 122.

Консультац. въстѣ мѣсти. профессоровъ. Химич., бактериолог. и микроскопич. ислѣд.

Рентгеноскопія. При кабинетѣ Первоклассная Санаторія для шуждающ. нѣ хирургич., ортопедич. и терпевтич. помощи, для больн., страдающ. нервными и дѣтскими растройствами.

По устройству и удобствамъ Санаторія отвѣчаетъ послѣднему слову науки.

ОХОТА-ЗДОРОВЬЕ
ОРУЖІЕ
А. БИТКОВА
МОСКВА, Бол. Лубанск.
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ
РАЗЦѢНОКЪ ВЫСШЕГО
КАЧЕСТВА БЕЗПЛАТНО.
МИНИМАЛЬНЫЯ
ЦѢНЫ.
РЕВОЛЬВЕРЪ-ЗАЩИТА.

РАЗГРАБЛЕННЫЙ

ВЪ МОСКВѢ

ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ

А. В. Тарнопольскаго

вновь пополненъ охотничьимъ оружіемъ и продолжаетъ по прежнему исполнять заказы акуратно и добросовѣстно.

Ружье „ПРИМА“

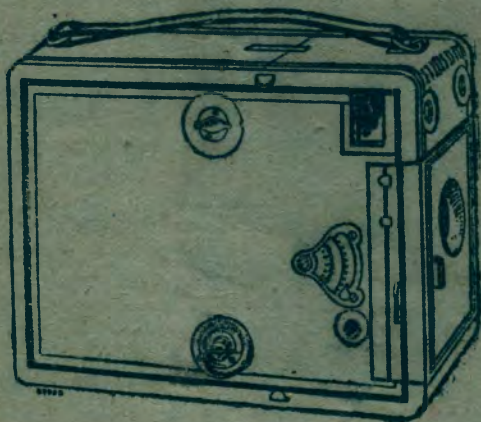

Новѣйшее дичье. ружье центр. боя, затворъ тройной всесторонне извѣстной фабрики оружія въ Герсталь-Льбкѣ, стволы стальные, ствольная чашка, валики подкладные, кал. 12 и 16. Ружье въ конкуренціи, прочное, красивое и съ вѣдательнымъ боемъ—сдѣлано фабрикой на славномъ охотничьемъ, переклюющающа его дешовою и высокими качествами. Цена 24 руб.

ВИНТОВКА СИСТ. ВИНЧЕСТЕРА,

кал. 22, затвѣрочное оружіе для охоты на крупн. птицѣ и мелкаго звѣря. Болъ феноменальный на 100 шаговъ. Заключенъ въ перчаточный чехолъ. Цена 24 руб. Патр.

1-й НОВЫЙ КОДАКЪ въ 1906 г.

НОВАЯ
ИДЕЯ
УСТАНОВКИ
НА ФОКУСЪ

МОМЕНТЪ-ФОКУСЪ-КОДАКЪ

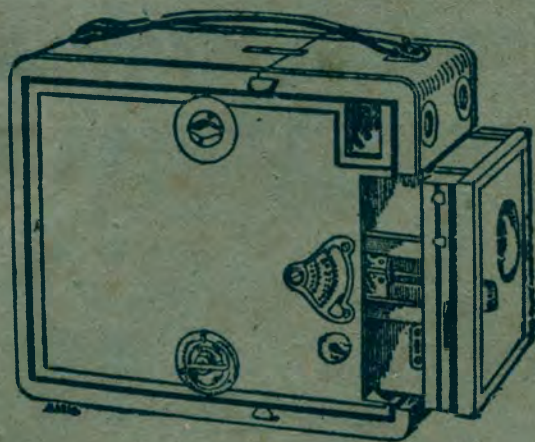
РАЗМѢРЪ

(тотъ же, что

№ 3л кодакъ)

8 × 14

Цѣна **26** руб.

Установленъ на фокусъ.

Иллюстрированное руководство имѣется у всѣхъ торговцевъ и у

АКЦИОН. **КОДАКЪ** КОМП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Большая Конюшенная, 1.

МОСКВА.
Петровка, д. № 15 — 16.